А. И. ОДОЕВСКИЙ

Советский писатель

Александръ Одоевскій

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1958

А. И. ОДОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
М. А. Брискмана

А. И. ОДОЕВСКИЙ

«Бог людей свободных, боже сильный! Я долго молился царю, твоему представителю на земле... Царь не услышал моей жалобы... ведь так шумно вокруг его престола! Если, как говорят наши священники, раб — также твое творение, то не осуждай его, не выслушав, как это делают бояре и слуги боярские. Я орошал землю потом своим, но ничто, производимое землей, не принадлежит рабу. А между тем наши господа считают нас по душам; они должны были бы считать только наши руки. Моя суженая была прекрасна, — они отправили ее в Москву, в дом к нашему молодому барину. Тогда я сказал себе: есть бог для птицы, для растений, но нет бога для раба! Прости меня, о боже, в милосердии твоем! Я хотел молиться тебе, и вот — я тебя обвиняю!»

Этой жалобой, этим воплем русского крепостного открывалось бы собрание произведений Александра Ивановича Одоевского, если бы его юношеское стихотворение «Молитва русского крестьянина» дошло до нас в подлиннике. Но дошло оно, к сожалению, лишь в сделанном одним из учителей Одоевского французском прозаическом переводе, и нет возможности судить о том, насколько он точен.

Однако и общего смысла этого стихотворения достаточно, чтобы убедиться, насколько сильны были в самом начале творческого пути Одоевского те чувства, которые увлекли его в ряды восставших на Сенатской площади; насколько искренни были те его помыслы, которые нашли выражение в знаменитой строке «Из искры возгорится пламя ..», ставшей впоследствии эпиграфом для ленинской «Искры». Стихи Одоевского сохранились лишь в незначительной их части. Но этим стихам, ставшим широко известными с шестидесятых годов, принадлежало, после произведений Рылеева,

первое место в создании литературного образа декабриста — бескорыстного борца за общественное благо. А те произведения Одоевского, которые были обнаружены уже после Великой Октябрьской революции, позволили еще лучше понять, как велика была его вера в грядущее освобождение русского народа, в правоту дела декабристов, в признательность потомства.

1

Александр Иванович Одоевский родился 26 ноября 1802 года. Одоевские вели свое происхождение от удельных князей черниговских, но уже давно потеряли свои когда-то крупные владения. Отец А. И. Одоевского, генерал-майор, князь Иван Сергеевич Одоевский был владельцем небольшого имения и около двухсот душ крестьян. Но от матери, скончавшейся в 1820 году, А. И. Одоевский унаследовал крупное поместье в Ярославской губернии.

Воспитывался Одоевский дома. Детство, вероятно, он провел в деревне; годы учения протекли в Петербурге. Одоевский получил широкое, преимущественно гуманитарное и главным образом литературное образование. Несомненно, что литературные интересы уже в юности были для него основными; об этом, в частности, можно судить по некоторым записям в дневнике за 1820—1824 годы К. С. Сербиновича, с которым юноша Одоевский был в приятельских отношениях.[1] Превосходное знание Одоевским русского языка и истории литературы не раз отмечалось впоследствии его товарищами по каторге и по военной службе на Кавказе.

Друзья и знакомые единодушны в восторженных отзывах о молодом Одоевском. «С открытым живым взглядом, с каким-то сердечным сообщающимся смехом, Александр был чрезвычайно симпатичен, умен, учился хорошо и в душе был поэт», — вспоминает одна из его родственниц, Е. В. Львова.[2] Его двоюродный брат, в будущем известный писатель В. Ф. Одоевский в своем юношеском произведении «Дневник студента» (1821), несомненно, изобра-

---

[1] Дневниковые записи К. С. Сербиновича. Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5581. Выписка из дневника за 1820 г. — Центральный государственный исторический архив, ф. 1066, оп. 1, ед. хр. 4. Частично опубликованы в сообщении В. С. Нечаевой «Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича». «Литературное наследство», № 58. М., 1952, стр. 241—246.

[2] И. А. Кубасов. А. И. Одоевский. — А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л., 1934, стр. 39.

вил А. И. Одоевского. «Александр был эпохою в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего везде искал и нигде не находил», — читаем в «Дневнике студента».[1]

В 1821 году Одоевский вступил в военную службу. В Конногвардейском полку он общается с кругом образованных, как он выразился в одном из писем, — ученых, «с утонченным, даже строгим вкусом»[2] офицеров. Не забывая о светских удовольствиях, Одоевский погружается в литературные занятия, много читает, много пишет, живет напряженной внутренней жизнью. «Его пылающая душа кажется огненным лучом, отделившимся от солнца, так она ярка», — пометил кто-то из друзей на обороте миниатюры с портретом Одоевского. Характерно, как он писал о себе В. Ф. Одоевскому 10 октября 1824 года: «У меня есть что-то, пусть — идеал, но без меры и без счету. Шагаю себе, может быть лечу, но сам не знаю как, и вместе с тем в некоторые мгновенья наслаждаюсь истинно возвышенной жизнью, всегда независимою, и которая кипит во мне, как полная чаша Оденова меду. Она не льется через край ни для тебя, ни для света, ты еще ни капли не отведывал, и в этом ли вина моя?» Кюхельбекер отозвался в одном из своих писем об Одоевском: «Чем более узнаю этого человека, тем более он выигрывает в моем мнении: это как бы прекрасный отрывок из Виргилия, в котором открываешь все новые красоты при каждом чтении».[3]

Чуждый, по его собственным словам, «журнального славостяжания», Одоевский ничего не печатает, несмотря даже на то, что его друзья сами издают альманахи и приглашают его участвовать. Д. Д. Благой объяснял такое «презрение к печатному бытию» «феодальной гордостью» Одоевского, о которой писал сам поэт.[4] Но эти шутливые слова сказаны были Одоевским совсем по другому поводу — в связи с распространением «Мнемозины». Как видно из писем Одоевского к двоюродному брату, он постоянно оставался

---

[1] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. 1, ч. 1. М., 1913, стр. 95.

[2] Письмо к В. Ф. Одоевскому от 15 октября 1821 г. А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М. — Л., 1934, стр. 259. В этом издании напечатано подавляющее большинство известных в настоящее время писем Одоевского. Далее все цитаты из его писем приводятся по этому изданию без ссылок.

[3] Ю. Н. Тынянов. В. К. Кюхельбекер. — В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. 1. Л., 1939, стр. XLI.

[4] Д. Д. Благой. Поэзия декабристской каторги. А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, стр. 9—10.

неудовлетворен своими писаниями. Так, например, Одоевский сообщал брату: «Люблю писать стихи, но не отдавать в печать, как Хвостов и как пропасть безмысленных, которым кстати было бы и быть бессловесными... я бы прислал к тебе десяток од, столько же посланий, пять или шесть элегий и начала двух поэм, которые лежат под столом полуразодранные и полусожженные — по обыкновению» (из письма от 19 марта 1824). Неудовлетворенность Одоевского связана была с теми высокими требованиями, которые он к себе предъявлял. Выражением этой неудовлетворенности явилось впоследствии его стихотворение «Венера небесная».

Атмосфера свободомыслия и возвышенной любви к отечеству окружала юношу Одоевского. Нежная и страстная дружба связывала его, несмотря на разницу лет, с А. С. Грибоедовым, называвшим его своим «питомцем», «кротким, умным, прекрасным Александром».[1] С юных лет Одоевский мечтал «всецело посвятить себя служению искусству и наукам», живо интересовался русской историей, называл Руссо «мой Жан-Жак» и «знал наизусть» Вольтера. Характеризуя Одоевского, Грибоедов писал в 1825 году С. Н. Бегичеву: «Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».[2]

Еще до 1820 года Одоевский горячо возмущался крепостным правом — об этом мы знаем из «Молитвы русского крестьянина». Нам известно об его горячем споре в 1822 году с К. С. Сербиновичем, который доказывал пользу и ценность монашества. В 1823—1824 годы Одоевский неустанно упрекает брата за увлечение немецкой идеалистической философией и за участие в журнальной полемике (см. письма от 23 января, 2 марта 1823 г.; 26 мая, 10 октября 1824 г.). Одоевский требует от брата применения в жизни высокого, полезного и прекрасного вместо отвлеченного, умозрительного философствования. Для возвышенного ума «нужны труды высокие и поприще благородное. Иначе все, что он ни присвоит, будет казаться пристройкой лачужки к великолепному храму», — писал Одоевский. Он иронизировал по поводу «глубокомысленных воззрений непонятного Шеллинга», демонстративно подчеркивал в полемическом задоре разницу между «философом» В. Ф. Одоевским и собою, «едва просвещенным» корнетом. Но суть возражений Одоевского состоит именно в призыве к «благородному поприщу» и «трудам высоким», противопоставляемым как отвлеченным заня-

---

[1] А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1953, стр. 533, 577.
[2] Там же, стр. 537.

тиям, так и мелкой журнальной войне: «Высокое, высокое, высокое! Восклицание за восклицанием! Но если бы пламень горел в душе твоей, то, и не пробивая совершенно твердых сводов твоего черепа, нашел бы он хотя скважину, чтобы выбросить искру. Где она? Видно, ты на огне Шеллинга жаришься, а не горишь... Ты попал в болото и лежишь под целым роем немилосердно квакающих лягушек. Эй, брат! приучишься квакать... Суесловие всегда высокопарно, но убеждает ли оно?.. несмотря на слово *высокое,* привык ты иметь дело с мелкою тварью».

«Высокие труды» и «благородное поприще», — это не были абстрактные и громкие фразы. Известно, что скрывалось за этими терминами в кругу декабристов и их литературных соратников. Декабристская программа утверждала «силу и прелесть» литературы «более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих» (из «Законоположения» Союза благоденствия).[1] Революционный смысл этих терминов раскрывается в обращенном к декабристам знаменитом пушкинском послании:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Революционный порыв «привести в боренье права народа и права самодержавия и ежели не иметь успеха, то, по крайней мере, оставить историческое воспоминание» (из показаний на следствии декабриста Г. С. Батенькова)[2] требовал горячих, искренних переживаний.

«Я страшусь общего порока *сентиментальности»,* — писал в письме от 23 декабря 1823 года Одоевский. Он отрекался этим от чувствительности по мелочам, от сентиментального умиления идиллическими картинами природы и дружбы, от всего неглубокого и показного. Одоевский это резко подчеркивал: «Я не Стерновой секты... я говорю, что чувствую». Русские романтики 20-х годов не были едины — это были два противостоящих друг другу лагеря. Для одних романтическое мировоззрение выражалось в бесплотных мечтаниях о «тайном, незнакомом, незримом, таинственном», как иронически перечислял Одоевский в письме к брату от 27 мая 1828 года. Другой, активный и насыщенный гражданским содержанием романтизм вел к восторженной жажде «благородного поприща».

---

[1] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I. М., 1951, стр. 270.
[2] Там же, стр. 185.

Одоевский формулировал не только свое собственное жизненное credo, когда еще совсем юным писал: «Ничто более не возмущает меня, как холодность, особенно в молодом человеке» (из письма к В. Ф. Одоевскому от 24 августа 1821). К 15 октября того же года относится его чрезвычайно характерное письмо: «Может быть, — писал он брату, — прочел ты до конца последний мой вздор и, может быть, подумал, что я не в полном уме; все зависит от минуты, когда ты распечатывал письмо: стоило только быть хладнокровным, чтобы почесть меня сумасшедшим. Итак, едва ли уже не сбираешься ты описать в элегии несчастие молодого человека, который, по крайней мере, чем-нибудь похож на Торквато. Называй меня полоумным, сумасшедшим: я не буду оправдываться; не буду отдавать тебе отчета ни в чувствованиях, ни в мыслях, ибо только хладнокровный человек может следовать за связью мыслей своих. Я упустил из рук нить Ариадны и бродил в лабиринте: это худо, весьма худо, признаюсь в том откровенно, но ум может ли быть в вечном согласии с сердцем?» Далее следует четверостишие, посвященное той же мысли. Вспомним слова Чацкого: «Ум с сердцем не в ладу». Александр Одоевский был одним из тех, о ком говорил Грибоедов устами Чацкого:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!!

Зимой 1824—1825 годов Одоевский был принят в Тайное общество.

2

Облик Александра Одоевского был искажен дореволюционным литературоведением. О понимании им декабризма как якобы «противозаконного насилия» писал монархический историк А. И. Сиротинин. Некоторые литературоведы (Н. А. Котляревский, Ю. И. Айхенвальд и другие), признавая верность поэта гуманным убеждениям, изображали, однако, эти убеждения крайне расплывчато, лишали их какого-либо конкретного содержания. Более того, иногда Одоевский изображался верившим в торжество правды лишь в

потустороннем мире и считавшим день 14 декабря преступным. П. Н. Сакулин писал о «случайном декабристе». Даже впоследствии, в советский период, когда были опубликованы новые, ранее неизвестные стихи Одоевского, П. Н. Сакулин продолжал характеризовать его как человека и поэта, чуждого революционному пафосу.[1]

Всем этим утверждениям противостоят факты, противостоит и то, что говорили об Одоевском другие декабристы. Так, например, знавший его хорошо Н. И. Лорер писал, что Одоевским руководили «не ребячество, а любовь к отечеству и стремление на развалинах деспотизма, самого самодурного, самого пагубного для общества, <построить> благо России».[2]

Советские исследователи декабристской литературы доказали искренность и глубину убеждений Одоевского. При этом, однако, об участии его в Северном обществе нередко говорится не вполне справедливо: зная о революционных планах, являясь сторонником вооруженного восстания, Одоевский будто бы был захвачен лишь романтической стороной предстоящего подвига и даже не разбирался как следует в целях и задачах Общества. Между тем нельзя не видеть значительно большей роли Одоевского в Обществе. Он находился в самом центре событий, причем вовсе не только перед самым восстанием. Его квартиру на Почтамтской улице М. В. Нечкина совершенно справедливо называет «революционным гнездом»;[3] это был один из трех центров заговора (квартиры Рылеева, Оболенского, Одоевского). Одоевский организовал коллективную переписку «Горя от ума», а, как известно, распространение списков «Горя от ума» было существенным моментом пропагандистской деятельности декабристов. Одоевский получил от Н. М. Муравьева последний вариант его конституции, видимо для той же цели.[4] Мы знаем, что Одоевский принял в Общество двух членов — А. Е. Рынкевича и А. А. Плещеева, вел беседы о «деспотическом правлении» с В. М. Голицыным, А. К. Ливеном, А. А. Суворовым, пытался вовлечь в Общество двоюродного брата; влиянием Одоевского объяснял Кюхельбекер свое, как он выразился, возвращение «на путь

[1] См. П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 2. М., 1929, стр. 413; см. также его статью: А. И. Одоевский в неизданных письмах. Сб. «Декабристы на каторге и в ссылке». М., 1925, стр. 124—200.

[2] Н. И. Лорер. Записки. М., 1931, стр. 178.

[3] См. М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 393.

[4] См. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 159—160, 166.

самоотвержения и добродетели».[1] Участвовал Одоевский и в обсуждении проектов конституции.[2] В показании Рылеева об известном эпизоде с Якубовичем, которого он отговаривал от убийства Александра I, мы находим неоднократные упоминания об активном вмешательстве Одоевского.[3] «Восторженный и увлекающийся» — постоянные эпитеты, применяемые к Одоевскому, безусловно справедливы, но тот оттенок снисхождения, который им обычно сопутствует (в политике, мол, Одоевский разбирался мало, но увлекся все же всерьез), явно не оправдан.

В ноябре — декабре 1825 года Одоевский вполне в курсе предстоящих событий. По словам декабриста Оржицкого, будучи в Москве, Одоевский дает понять московским членам, «что что-то у них приуготовляется».[4] Д. И. Завалишин вспоминал, что именно Одоевский срочно выехал в Петербург из Москвы, чтобы «узнать, что намерены там делать».[5] Утверждая, будто вернувшийся в Петербург Одоевский был болен «и мало кого видел, так как тотчас по возвращении вступил в исполнение своих обязанностей по полку», И. А. Кубасов повторяет нарочитые показания Одоевского».[6] Между тем имя Одоевского встречается во многих показаниях, связанных с активными действиями в течение декабря. На совещаниях у Рылеева, предшествовавших восстанию, принимали участие далеко не все петербургские декабристы, а, как следует из показаний Е. П. Оболенского, не более десяти — и в том числе Одоевский; в то же время он участвовал и в совещаниях у Оболенского.[7] Накануне восстания и в самый его день Одоевский вел себя как один из наиболее активных заговорщиков; он принял участие в решающем совещании у Рылеева 13 декабря, одним из первых явился на площадь и командовал там заградительной цепью. Кстати сказать, обычно даже это командование стрелковой цепью трактовалось в литературе таким образом, будто Одоевский только и делал, что «удалял чернь» и «унимал солдат, стрелявших без спросу». Но все это ведь основано на показаниях Кюхельбекера и Одоевского, выгораживавших и себя, и друг друга. В дей-

---

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. 2. М.—Л., 1926, стр. 165.

[2] См. там же, стр. 250—251, 262, 270.

[3] Восстание декабристов. Материалы, т. 1. М.—Л., 1925, стр. 181—182.

[4] М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 162.

[5] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПб., <1910>, стр. 175.

[6] И. А. Кубасов. А. И. Одоевский, стр. 57.

[7] Восстание декабристов, т. 1, стр. 246—247.

ствительности же заградительная цепь, которой командовал Одоевский на площади, активно выполняла возложенные на нее задачи.[1] Одоевский пытался воздействовать на прибывших для подавления восстания однополчан — есть сведения, что и самая медлительность в выходе Конногвардейского полка из казарм объясняется агитацией Одоевского (до того, как он сам отправился на Сенатскую площадь); он ездил поднимать лейб-гренадерский полк, и в результате этой поездки часть полка под командой Сутгофа и Панова прибыла на площадь.

По-видимому, Одоевский принимал непосредственное участие в литературно-пропагандистской деятельности рылеевской группы. По крайней мере, в кармане С. П. Трубецкого, после его ареста, было найдено не дошедшее до нас стихотворение «Безжизненный град», подписанное именем умершего к тому времени М. П. Загорского, но написанное, по словам Трубецкого, Одоевским. Стихотворение, без всяких сомнений, предназначалось для революционной пропаганды, ибо, как сказано было Трубецкому Рылеевым, имя Загорского было поставлено «для скрытия настоящего имени[2].

Одоевский был принят в Северное общество А. А. Бестужевым, представителем постепенно формировавшегося и крепнувшего радикального течения. Как выражался А. А. Бестужев, Одоевский «по пылкости своей сошелся более с Рылеевым», вождем этого течения. Конечно, и входившие в группу Рылеева оставались дворянскими революционерами, далекими от народа; конечно, и рылеевской группе тактика военной революции представлялась предотвращением новой пугачевщины. Но все же бóльшая демократичность идеологии этой группы, ее революционной тактики, ее эстетических позиций несомненна. И нельзя не согласиться с М. В. Нечкиной, что «дворянская ограниченность мировоззрения членов тайного общества — участников рылеевского течения — выражена менее сильно, нежели у основателей Северного общества».[3] Отсюда — и иное отношение к народу. В частности, созданные Рылеевым и Бестужевым замечательные агитационные песни, рассчитанные на распространение среди солдат, в особенности заставляют нас понять колебания этого радикального течения даже по вопросу о возможности участия народа в военной революции. И в то время, как революционные настроения аристократов-гвардейцев все больше выдыхались, вокруг Рылеева сплачивалась решительная группа дворянских

---

[1] См. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 2. М., 1955, стр. 272—274.

[2] Восстание декабристов, т. 1, стр. 14, 22.

[3] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 2, стр. 29.

революционеров, подымавшая вопросы о близком вооруженном восстании и цареубийстве.

Одоевский сам показывал на следствии, что именно вместе с Рылеевым он «мечтал» «о будущем усовершенствовании рода человеческого»[1]. Подавляющее большинство декабристов-аристократов непосредственного участия в событиях 14 декабря не приняло; некоторые оказались даже в войсках, прикрывавших артиллерию Николая (что, впрочем, не спасло их от каторги). Нельзя не отметить, что Одоевский был единственным из аристократов-гвардейцев, примкнувших к рылеевскому течению. Пойдя за Рылеевым, Одоевский остался верен идеалам «благородного поприща».

Примкнув к этому революционному течению, он оказался втянут и в размышления о роли народа, подготовившие его произведения тюремного и каторжного периодов.

3

После разгрома восстания Одоевский при содействии его друзей, Н. Н. Чебышева, А. А. Жандра и В. С. Миклашевич, переодевшись, пытался бежать, но, проблуждав день по окрестностям Петербурга, вернулся 16 декабря в город, к родным. Как рассказывал Е. Е. Комаровский, «усталый, с отмороженными конечностями, весь распухший и с потрескавшеюся от холода кожею, он решился... искать защиты у <Д. С.> Ланского, женатого на кн. Одоевской, родной сестре его матери. Около 10 часов вечера он пришел в дом Ланского (на площади около Конногвардейских казарм) и, узнав, что дядя дома, велел лакею доложить о себе. Ланской вышел к нему. «Моя судьба и жизнь в Ваших руках», — сказал ему Одоевский. «Принимаю тебя под свою защиту, — ответил ему Ланской, — но ты так грязен и устал и обезображен морозом, что я прежде всего считаю необходимым вычистить тебя. Хочешь в баню? Поедем туда вместе». Одоевский согласился на предложение. Ланской велел запречь экипаж, сел в него с племянником и поехал — прямо к тогдашнему Санктпетербургскому ген<ерал>-губернатору графу П. В. Кутузову, которому и передал декабриста. В обществе поступок Ланского возбудил множество толков. Одни защищали его, другие обвиняли. Сам Ланской оправдывал себя следующими доводами: раз как племянник явился к нему и был узнан его прислугою, то появление его не могло остаться тайной. Спасти его,

---

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. 2, стр. 251.

укрыть не было никакой возможности. Но произвольное предание себя в руки правительства могло, по мнению Ланского, послужить к уменьшению вины Одоевского»[1]. Таким образом, можно думать, что, вернувшись в город, Одоевский не собирался сдаваться властям. В таком же освещении этот эпизод дошел и до деревни Одоевских через вернувшегося туда старого слугу: «Одоевский сам явился к своему дяде... и просил его совета, что делать дальше? Но дядюшка... предал племянника-декабриста... арестовал его и отвез в шпионскую канцелярию во дворец его царского величества».[2]

17 декабря состоялся первый допрос; в тот же день Одоевский был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Документы следствия говорят о крайней растерянности Одоевского в первые месяцы тюрьмы. Убеждение в том, что настали последние часы его жизни, допросы, одиночное заключение лишили его душевного равновесия. Постепенно Одоевский успокаивался, что видно хотя бы по тону его более поздних показаний. Ко времени после объявления приговора и возобновившегося общения Одоевского с товарищами относится воспоминание Н. В. Басаргина: «Против нас сидел князь Одоевский, очень молодой и пылкий юноша-поэт. Он, будучи веселого, простосердечного характера, оживлял нашу беседу и нередко мы проговаривали по целым ночам»[3].

В литературе, посвященной Одоевскому, много говорится о его нестойкости во время следствия, о его раскаянии — в формах, граничащих чуть ли не с душевным расстройством. Однако при этом нельзя не отметить, что при всех кажущихся наивными объяснениях своего участия в Тайном обществе и в восстании молодостью, тем, что «кровь бросилась в голову, как со мною часто случается»[4], при всех обещаниях ничего не скрыть и раскрыть все сокровенные тайны Одоевский, в сущности, решительно ничего не сообщил Следственному комитету. Можно сказать, что Одоевский, все отрицая, все тут же признавал и затем вновь отрицал, так что даже Комитет был вынужден занести в протокол, что «ни на одно

---

[1] М. А. Веневитинов. Рассказы дяди Комаровского. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Венев., п. 21, 6.

[2] Запись краеведа М. Орлова (1925) «Крестьянин Полушкин о декабристе А. И. Одоевском». Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 368, оп. 1, ед. хр. 2.

[3] Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 80.

[4] Восстание декабристов, т. 2, стр. 246.

слово Одоевского положиться нельзя».[1] Это обстоятельство совершенно игнорировалось исследователями; впервые на демонстративный и показной характер «чистосердечных» показаний Одоевского обратил внимание В. Г. Базанов.[2] Во всяком случае, то, что касалось других — кроме, правда, П. Г. Каховского, — Одоевский главным образом отрицал. Так, например, он утверждал сначала, что не знает, кто был автором конституции, и, лишь убедившись в сознании самого Н. М. Муравьева, отказался от своих слов, которые он объяснял тем, что хотел спасти Муравьева как человека женатого. В этом эпизоде Одоевский вел себя совершенно аналогично Н. И. Лореру, признавшему, что ему известно, где зарыта «Русская правда», лишь после того, как ему было предъявлено собственноручное свидетельство П. И. Пестеля[3].

12 июля 1826 года за участие «в умысле бунта» и личное действие «в мятеже с пистолетом в руках» Одоевский был приговорен к 15-летней каторге, сокращенной при утверждении приговора Николаем I до двенадцати лет.

1 февраля 1827 года Одоевский, вместе с несколькими другими декабристами, был отправлен в Сибирь. Видевший Одоевского на пути в каторгу сенатор Б. А. Куракин отнес его в своих донесениях А. Х. Бенкендорфу к числу «находившихся в раскаянном и совершенно отчаянном положении».[4] Однако, поскольку Куракин отнес к этой же группе таких мужественных и стойких декабристов, как М. А. Фонвизин, И. И. Пущин, поскольку он отметил, что «отчаяние» Фонвизина и А. Ф. Бриггена «превосходило отчаяние прочих», можно думать, что психологические изыскания сенатора не отличались большой глубиной. Сопоставление с Пущиным скорее подтверждает обратное — то, что Одоевский к этому времени уже обрел спокойствие и твердость, нашедшие выражение в стихотворении «Сон поэта».

С 1827 по 1830 год Одоевский находился в Читинском остроге; в августе 1830 года декабристов переводят в Петровский завод.

Как и прежде родные и друзья в Петербурге, товарищи Одоевского единодушны в своих отзывах о нем. «Одоевский — ангельской доброты. Пиит и учен... По богатству был в Петров-

---

[1] И. А. Кубасов. А. И. Одоевский, стр. 64.

[2] В. Г. Базанов. А. И. Одоевский. — А. И. Одоевский. Стихотворения. Л., 1954, стр. 12.

[3] Восстание декабристов, т. 1, стр. 315. См. также Н. И. Лорер. Записки, стр. 102.

[4] См. Б. Л. Модзалевский. Декабристы на пути в Сибирь. — Сб. «Декабристы». Л., 1925, стр. 116.

ском остроге в числе тамошних магнатов. Несмотря на богатство, он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего», — передавал провокатор Р. Медокс со слов декабристов — по-видимому, И. Д. Якушкина, И. А. Анненкова и А. П. Юшневского[1]. На публичных чтениях — «в каторжной академии», как декабристы называли эти чтения в тюрьме — Одоевский читал курс истории русской словесности и русскую грамматику. Здесь же читал он и свои стихи. Из того незначительного фонда произведений Одоевского, который до нас дошел, бо́льшая часть написана в Чите и в Петровском заводе.

Одоевский становится признанным певцом сосланных декабристов. «Звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашей любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения какого-либо из наших товарищей-музыкантов», — пишет Н. В. Басаргин[2]. О том же вспоминали М. А. Бестужев, А. Е. Розен, А. П. Беляев и другие. Надо думать. что именно Одоевскому посвящено четверостишие, сочиненное кем-то из узников Петровского завода 12 февраля 1830 года и сохранившееся в списке И. И. Пущина рядом с его записями стихов Одоевского:

В темнице чувствами высокими дыша,
Ты изливаешь жизнь в священные порывы;
И бесконечная душа
В твои созвучные теснится переливы[3].

4

На одном из совещаний, предшествовавших восстанию 14 декабря, Одоевский воскликнул: «Умрем, ах, как славно мы умрем!..» По другому свидетельству, он говорил: «Умрем славно за родину!» В этих патетических фразах как нельзя ярче выражена вся романтическая восторженность рылеевской группы. В литературном творчестве Одоевского эта романтическая восторженность приобрела особые, индивидуальные черты.

Из произведений Одоевского, созданных до заключения в Петропавловской крепости, почти ничего не сохранилось. Подавляю-

[1] См. С. Я. Штрайх. Роман Медокс... М., 1930, стр. 165.
[2] Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 118.
[3] Центральный государственный исторический архив (Москва), ф. 279, ед. хр. 248.

щее большинство их было, видимо, уничтожено самим Одоевским раньше. После 14 декабря его бумаги в селе Николаевском были сожжены отцом, а то, что находилось в петербургской квартире, очевидно, погибло в результате обыска. По сохранившимся двум наброскам в письмах, отрывку из поэмы и двум законченным стихотворениям невозможно сделать какие-либо серьезные выводы, и исследователям остается лишь предполагать, что, вероятно, Одоевский писал не только «изящные безделушки» вроде стихотворения «Луна». Правда, предположение это подтверждается «Молитвой русского крестьянина» и сведениями о «Безжизненном граде». Следует также отметить, что при всей своей подражательности отрывок из «Чалмы» может рассматриваться как проявление характерного для гражданского романтизма использования в вольнолюбивом плане «восточного стиля»[1]. И стихотворение «Бал» (1825) можно понять не просто как традиционную разработку темы «пляски смерти». Картина петербургского бала, где вокруг усталого поэта пляшет «сборище костей», — это, несомненно, отзвук настроений пылких «вольнолюбцев», наталкивавшихся на тупое равнодушие окружающего их светского общества. Ведь в это же время Рылеев писал:

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

И, в сущности, ту же ситуацию рисовал Грибоедов, когда, сталкивая Чацкого с светским обществом, завершал его гневный монолог ремаркой: «Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием».

Шесть из дошедших до нас стихотворений Одоевского написаны, очевидно, в Петропавловской крепости. Едва ли он там писал в первое время. Начало возобновления поэтической деятельности Одоевского можно отнести к концу марта — апрелю 1826 года.

Вероятно, еще до 14 декабря возникала перед Одоевским тема назначения поэта. Тема эта красной нитью проходит через творчество всех поэтов-декабристов, а для друга Одоевского — Кюхельбекера это, пожалуй, центральная тема. В свете приводившихся выше цитат из писем Одоевского просто нельзя не предположить,

---

[1] См. об этом Г. А. Гуковский. Пушкин и русский романтизм (Очерки по истории русского реализма, ч. 1). Саратов, 1946, стр. 230—232.

что у него и раньше были стихи о высоком призвании поэта. В Петропавловской крепости Одоевский пишет стихотворение «Сон поэта»:

В темнице есть певец народный,
Но — не поет для суеты...
...Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

Даже через 55 лет это стихотворение все еще казалось властям опасным, — рассматривая в 1881 году рукопись издания сочинений Одоевского, цензор находил, что «Сон поэта» подлежит исключению.

В ряде стихотворений, написанных и в Петропавловской крепости, и позже, в Сибири, Одоевский развивает тему поэта («Амур-Анакреон», «Два пастыря», «Сон поэта», «Тризна», «Умирающий художник», «Последняя надежда»), сливающуюся у него с темой о творчестве вообще («Венера небесная», «Два духа», «Как я давно поэзию оставил!..»).

В трактовке темы поэта Одоевский продолжал дело Рылеева, создавшего образ восторженного агитатора, борца за общественное благо. Его стихи о поэзии перекликаются со стихами Кюхельбекера, негодовавшего на тех, рабов или тиранов, которым чужд поэтический восторг и ненавистны музы. Но в то же время образ поэта отличается у Одоевского существенно иными чертами.

У Ф. Н. Глинки, у Кюхельбекера поэт — это прежде всего пророк, гневный обличитель. Давид у Грибоедова — воин, победитель; он силен, правда, духом, а не «крепостью телесной», он — псалмопевец, но побеждает все же не песней, а мечом. Поэт Рылеева — это прежде всего оратор, трибун, гражданин — даже, демонстративно и подчеркнуто: не поэт, а гражданин.

Как и у Рылеева, Кюхельбекера, Раевского, Глинки, образ поэта у Одоевского противопоставлен карамзинистскому беспечному эпикуреизму; он «не поет для суеты». Образ «певца народного», каким Одоевский осознал себя в Петропавловской крепости, проходит сквозь всю его поэзию. Боян в его поэме «Василько» с горечью поет:

Видел я мира сильных князей,
Видел царей пированья;
Но на пиру, но в сонме гостей
Братий Христовых не видел.

Слезы убогих искрами бьют
В чашах шипучего меда.
Гости смеются, весело пьют
Слезы родного народа.

Искренняя любовь к родному народу запечатлена в мужественных строках Одоевского:

Спите, <равнины> угрюмые!
Вы забыли, как поют.
Пробудитесь!.. Песни вольные
Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь.

Но поэт Одоевского — не обличитель, не трибун. Это, прежде всего, певец-утешитель, чья «страдательная и сладкая» поэзия подымает дух, обещает «земное воскресение». Он может это обещать, потому что постиг «красу и стройность мира». Не случайно образ певца народного раскрывается в строках:

Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы.

В «Венере небесной» поэт говорит о себе; и эти слова могут послужить эпиграфом ко всему творчеству Одоевского:

Взор лучезарный мне в душу запал,
С ним — и мученье, и сладость.

Поэзия, по Одоевскому, это «божий глагол»,

И пеньем птиц, и бурями воспетый,
То в радугу, то в молнию одетый,
И в цвет полей, и в звездный хоровод,
В порывы туч, и в глубь бездонных вод,
Единый ввек и вечно разнозвучный!

Этот лирический, вернее — лирико-философский образ поэта очень близок к аналогичному образу у Д. В. Веневитинова.

Сопоставление декабриста Одоевского с «любомудром» Веневитиновым может показаться случайным. Но близость к декабристской поэзии в стихах Веневитинова и в его критических выступ-

лениях очевидна. Сам он, как известно, будучи арестован в 1826 году, заявил, что если он и не принадлежал к обществу декабристов, то «мог бы легко принадлежать ему»[1]. И в его образ поэта, в котором, конечно, воплощены шеллингианские мотивы, врывается иной пафос — мы можем с полным правом назвать его гражданским:

Да! Смерть мила, когда цвет жизни
Приносишь в дань своей отчизне.

(«Смерть Байрона»)

Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный поэт...

(«К Пушкину»)

Строки из стихотворения Веневитинова «Утешение» уже сопоставлялись с ответом Одоевского на послание Пушкина. Но еще больше эти строки напоминают «Последнюю надежду» Одоевского.

Сохранился отзыв Одоевского о Веневитинове: «...мне дали прочесть его стихи, в которых были не поэтические ощущения, не порывы души юной и впечатлительной, как у Бенедиктова, но глубокое чувство, которое так редко можно встретить в русских стихах» (из письма к В. И. Ланской от 17 июля 1836 г.).[2] Отметим, что именно в поэзии Веневитинова, содержательной, подчеркнуто смысловой, Одоевский видит «глубокие чувства». И в посвященном памяти Веневитинова стихотворении «Умирающий художник» он, используя фразеологию Веневитинова, даже просто его повторяя, оттеняет то, что было свойственно и ему самому, — эмоциональное восприятие мира, его единства:

Все впечатленья в звук и цвет
И слово стройное теснились;
И музы юношей гордились
И говорили: «Он поэт!..»

Характерно, что стихотворение «Умирающий художник» воспринималось друзьями Одоевского как написанное им о самом себе.

Но то, что сближает Одоевского с Веневитиновым, — только один аспект его образа поэта. «Краса и стройность мира», пости-

---

[1] А. П. Пятковский. Князь В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов. СПб., 1901, стр. 127.

[2] Письмо на франц. языке; перевод, опубликованный в Полном собрании стихотворений и писем А. И. Одоевского, неточен.

гаемые поэтом, приводят к вере в конечное торжество правды на земле:

> Пройдут князья, пройдет и суд князей,
> Но истина на небе и в потомстве
> Как солнце просияет.

Нет возможности установить, сложился ли этот образ поэта у Одоевского еще до четырнадцатого декабря 1825 года. Но, во всяком случае, после поражения декабристов этот образ певца-утешителя не только не был отступлением от революционных традиций — наоборот, в новой, последекабрьской обстановке он помогал сохранению революционной перспективы.

5

В подавляющем большинстве дошедших до нас произведений Одоевского воплощена героическая тема «вольности святой».

Борьба за самобытность и народность русской литературы, которая так характерна для писателей гражданского романтизма, вела, естественно, к исторической тематике. В выборе тем из русской истории, в их трактовке сказывался истинный патриотизм Одоевского, любовь к родине и желание видеть ее свободной. В соответствии с настроениями декабризма, выросшего на почве национального подъема эпохи войны 1812 года и воспринявшего впечатления от общеевропейской революционной ситуации 20-х годов, от освободительной борьбы испанских и португальских колоний в Южной Америке, Одоевский органически сливает в своих стихах вольнолюбивые и патриотические мотивы.

Историческая концепция «Девы 1610 года» (отрывка из незаконченной поэмы о Василии Шуйском) в точности соответствует раннему пропагандистскому документу декабристов — «Любопытному разговору» Н. М. Муравьева. «*Вопрос.* Что было причиной побед и торжества татар? — *Ответ.* Размножение князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества. — *Вопрос.* Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар? — *Ответ.* Предания рабства и понятия восточные покорили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам»[1]. У Одоевского:

---

[1] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, стр. 332.

Моголов бич нагрянул: искаженный
Стенал во прах поверженный народ,
И цепь свою, к неволе приученный,
Передавал из рода в род.
Татарин пал; но рабские уставы
Народ почел святою стариной.
У ног князей, своей не помня славы,
Забыл он даже образ мой.

Абстрактное вольнолюбие, представление о «божественной вольности», боготворимой в «западном мире», воплощенное в «Деве 1610 года», далеко, конечно, от того критического отношения к буржуазной демократии, которое мы находим после 1825 года у Н. А. Бестужева, у М. С. Лунина. Стилистически в этом отрывке Одоевский, пожалуй, наиболее близок к Рылееву. Иначе звучат другие его произведения.

Очевидно, в 1829—1830 годы Одоевским были написаны четыре песни поэмы «Василько» из времен княжеских междоусобиц. В поэме скрещиваются две тематические линии: одна — национально-освободительная (Василько ведет народ на врагов Руси); другая — национально-объединительная (Василько — жертва княжеских раздоров). Примечательно, что имя Василька находилось в словнике «Словаря знаменитым людям Российского государства», задуманного членами «Зеленой лампы». Н. И. Гнедич собирался писать о Васильке поэму; сохранился набросок ее начальных строк:

Беда висит над землею русскою,
Беда грозит Киеву престольному.
Раздоры князей накликают беду на землю.[1]

Есть предположение, что с этим списком был знаком Рылеев.[2] Рылеев мог с ним познакомить и Одоевского.

Если это и простое совпадение, оно, во всяком случае, также свидетельствует о верности Одоевского гражданской тематике периода подъема революционного движения. Однако, убедившись, что «30 или 40 человек, по большей части ребят, и пять или шесть мечтателей не могут произвести перемены» (из показания на следствии),[3] Одоевский вносит в поэму то, чего не было ни у кого из

[1] См. И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич. — Н. И. Гнедич. Стихотворения. Л., 1956, стр. 44.
[2] И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. Сб. «Декабристы и их время». М.—Л., 1951, стр. 145.
[3] Восстание декабристов, т. 2, стр. 262.

декабристских поэтов до 1825 года, — мотив поддержки народа, опоры на народ. Василько — любимец народа; именно этим прежде всего — как показал в своем подробном анализе поэмы В. Г. Базанов — противопоставлен Василько его врагам.[1]

Нет сомнений, что раздумья о причинах поражения декабристов повлияли на замысел поэмы «Василько». Ослепление Василька в поэме ставится в связь с тем, что в решительную минуту его не поддержала «чернь». Четвертая песня кончается у Одоевского ослеплением Василька и победой темных сил — между тем в летописи, послужившей основой для поэмы, история о Васильке на этом не кончается, и враги его терпят поражение. Однако поэма Одоевского не была закончена — об этом мы знаем из письма А. Е. Розена к М. А. Назимову от 24 октября 1881 года: «Одоевский сам был недоволен своею поэмою, отмахивался рукою, когда я просил его продолжить и окончить. Он отговаривался скудостью исторических документов и недостатком топографических указаний».[2] Если не учитывать этого и воспринимать поэму как завершенную, неизбежным будет одностороннее ее понимание.[3] Сводить замысел поэмы только к вопросу о роли народа нет достаточных оснований.

В другом отрывке из поэмы о Василии Шуйском — та же тема единства и независимости России вопреки боярским козням:

Предав царя на заточенье,
Бояре сеют злой развет.
. . . .
Без Думы — Русская земля,
И лях, разрушив град престольный,
Смеется нам со стен Кремля!

Хор народа

Василий развенчан, но царь нам — Россия!

---

[1] См. В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. М.—Л., 1950, стр. 198—204.

[2] Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР, PI, оп. 24, ед. хр. 79, л. 118.

[3] Ср., например: «В поэме Одоевского «Василько» ставится излюбленная декабристами тема гражданского мужества в условиях политической катастрофы, постигшей героя» (А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII — первой половины XIX века. М., 1955, стр. 557); ср. также В. Г. Базанов. Поэты-декабристы, стр. 205.

Одной из традиционных тем декабристской и околодекабристской поэзии была борьба Новгорода и Пскова с Москвой. Исторический смысл этой борьбы, объективная прогрессивность политики московских князей были недоступны декабристам, видевшим в новгородцах и псковитянах лишь борцов за вольность. Продолжая традицию, Одоевский создает целый цикл стихотворений, посвященных различным эпизодам падения Новгорода и Пскова. Но это не просто продолжение традиции. Идейная концепция в стихах Одоевского та же, и это совершенно естественно, ибо так же продолжали думать, так же продолжали воспринимать новгородскую вольность и Н. М. Муравьев, и М. А. Фонвизин, и М. С. Лунин и другие. Стилистически же «новгородский» цикл Одоевского резко отличается от вольнолюбивой лирики Раевского, Рылеева, Языкова на новгородскую тему. Это вообще не лирика, это, если можно так выразиться, историческая живопись. В основе каждого из этих стихотворений лежат летописные или житийные повествования. В стихи вплетаются фольклорные обороты, текстуальные выписки из источников. Конкретизация образов, попытки воссоздания исторического колорита характеризуют эти картины. В особенности это относится к стихотворениям «Старица-пророчица», «Зосима», «Кутья».

Выразительной иллюстрацией может послужить сопоставление образа Марфы Борецкой в стихах Раевского, Рылеева и Одоевского. У Рылеева:

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

(«Марфа Посадница»)

У Раевского:

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли:
Богоподобная жена,
Борецкая, Вадим — вы пали!

(«Певец в темнице»)

У Одоевского:

Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать!»

Марфа, кланяясь гостям,
Целый пир обводит взором,
Все встают и отдают
Ей поклон с радушной важностью.

(«Зосима»)

Стремлением к воссозданию исторической эпохи отличается и поэма «Василько», лишенная того лирического характера, который был свойствен гражданским поэмам Рылеева.

В сущности, мы не можем утверждать, что к этой — несомненно более реалистической — трактовке древнерусской темы Одоевский пришел именно на каторге. Он сам писал отцу 22 ноября 1833 года: «С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновений — древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев». Это могло быть сказано и о годах до каторги. Дворовые Одоевских вспоминали о стихах юного Одоевского «про старину седую».[1] Но каковы были эти стихи, мы не знаем. Характерно, что Одоевский в Сибири бросает, не заканчивая, свои более крупные исторические произведения (поэма о Василии Шуйском, «Послы Пскова», «Василько») по той же причине, на которую жаловался на Кавказе А. А. Бестужев, — по недостатку источников, отсутствию документальных данных.[2]

Конечно, исторические анахронизмы, свойственные поэзии декабризма, встречаются и в творчестве Одоевского, например, «Россия» в устах смолян 1611 года или вольнолюбивая формулировка начала XIX века в устах норвежского скальда:

Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

Но по сравнению с откровенными историческими анахронизмами Рылеева («древние права граждан» в устах князя Дмитрия Донского, «щит с гербом России» в эпоху войн Руси с Византией в начале X века) анахронизмы в стихах Одоевского не столь явны. Вместе с тем, например, негодующие обращения «Девы 1610 года» имеют, несомненно, иносказательный смысл и обращены к современникам Одоевского — подданным Николая I. Иносказательный смысл имеет, конечно, и «Тризна» — смысл напоминания о повешенных 13 июля 1826 года. Посвящение «Тризны» смелому и реши-

---

[1] Запись краеведа М. Орлова.
[2] Ср. приведенное выше письмо А. Е. Розена.

тельному декабристу Ф. Ф. Вадковскому еще явственнее подчеркивает это и в то же время говорит о твердой вере Одоевского в революционный дух сосланных декабристов.

Высокое революционное и патриотическое чувство особенно отличает стихи Одоевского, написанные во время длительного перехода декабристов из Читинской в Петровскую тюрьму.

Революционную направленность вносит Одоевский в стихи, посвященные национально-освободительной борьбе славянских народов. Возможно, что здесь сказалось сближение Одоевского на каторге с членами наиболее демократической декабристской организации — «Общества соединенных славян», в которой идея всеславянского объединения под знаком национально-освободительной борьбы играла важную роль.

Одно из самых любимых ссыльными декабристами стихотворений Одоевского «Славянские девы» характерно глубоко прогрессивным пониманием великих задач России, «старшей сестры в семействе Славяна».

Показателен поэтический отклик Одоевского на польскую революцию 1830 года. Отношение подавляющего большинства русского дворянского общества, даже его передового слоя, к восставшей Польше было резко отрицательным. Ссыльные декабристы видели в поляках, боровшихся с русским царизмом, с Николаем I, союзников. В стихах, написанных Одоевским при получении известия о польской революции, он сливает сочувствие к ней с воспоминанием о пяти казненных декабристах — жертвах того же Николая:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

В этой уверенности в осуществление декабристских идеалов и был действенный смысл поэзии Одоевского. Эта уверенность — существеннейшая черта, отсутствующая в последекабрьских произведениях других декабристов. И связано это, очевидно, не только с личными качествами Одоевского, не только с особенностями его творческого метода, но и с тем, что он находился в это время в кругу соузников, а Бестужев и Кюхельбекер были оторваны от друзей и единомышленников, томясь в крепости, на поселении, в кавказской ссылке.

Одоевский высказывает эту уверенность прямым образом от лица всех декабристов в ответе на послание Пушкина:

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей.

Одоевский высказывает эту уверенность и устами «исторических» персонажей:

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет.

Ее он переносит и в свою лирику, убежденный, что его надежды —

Не случайное виденье,
Что приснятся и другим
И зажгут лучом своим
Дум высоких вдохновенье.[1]

Уверенность эта перерастает в его «Элегии» в широкое символическое обобщение:

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья...
. . . .
В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастает века;
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

В этом абстрактном историко-философском представлении о восходящем развитии несомненно следует видеть художественно-историческое оправдание подвига декабристов.

---

[1] В первоначальном варианте — «Дел высоких вдохновенье».

6

До последнего времени стихотворение Одоевского «Сен-Бернар», написанное в Петровском заводе, казалось случайным явлением в его творчестве. Может быть, поэтому оно не привлекало внимания исследователей, даже, в сущности, не комментировалось. Между тем это стихотворение примечательно — в нем вновь встает проблема народа. В этом стихотворении, посвященном Наполеону, воплощено декабристское понимание Отечественной войны 1812 года как войны народной:

Свершая замыслы всемирного похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибал
С юнеющей судьбой могучего народа
В борьбе неравной шумно пал.
Страшись! Уже на клик отечества и славы
Встает народ: он грань твоих путей!
Всходящая звезда мужающей державы
Уже грозит звезде твоей!..

И если несколько смущают как будто однозначные, по Одоевскому, понятия — народ и держава, то еще яснее сказано в другом варианте:

Ты помни: твой предтеча Аннибал,
Вождей разбив, не победил народа
И грозный поворот фортуны испытал.

Обнаруженные ныне стихотворения «Венера небесная», «Дифирамб», «Два духа» позволяют думать, что пребывание Одоевского в Петровском заводе отличали интенсивные историко-философские и философско-эстетические размышления. В частности, стихотворение «Дифирамб» примыкает по своей идейной концепции, по стилистике и даже по теме к «Сен-Бернару». Это также стихотворение о Наполеоне, и также стихотворение о роли народа.

Тема Наполеона в 20—30-х годах XIX века концентрировала в себе важнейшие идеологические проблемы этого времени. Неоднократно к судьбе Наполеона обращались Пушкин и Лермонтов.

Нам известны отклики декабристских писателей на эту тему. Непосредственно по получении известия о смерти Наполеона в 1821 году появилось стихотворение Ф. Н. Глинки «Судьба Наполеона». Традиционный образ Наполеона Глинка ничем не обогащал:

Он шел — и царства трепетали,
Сливался с стоном звук оков,
И села — в пепл, града пылали,
И в громе битв кипела кровь;
Земля пред сильным умолкала...
Он, дерзкий, скиптрами играл;
Он, грозный, троны расшибал:
Чего ж душа его алкала?

Глинка фактически отрицал какое-либо влияние Наполеона на дальнейшие судьбы Европы:

И все узнали: умер он,
И более о нем ни слова;
И стал он всем как страшный сон,
Который не приснится снова:
О нем не воздохнет любовь,
Его забыли лесть и злоба...
. . . .
Молва и слава зазвучала,
Но — не о нем... В могиле он,
И позабыт Наполеон! —
Чего ж душа его алкала?

В том же духе упоминал Наполеона Рылеев в оде «Гражданское мужество» (1824):

Где славных не было вождей
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

К 1824 году относится и незаконченный прозаический набросок Рылеева о Наполеоне. Враг свободы и законов, поскольку все средства для него равны, низверженный, униженный царями при помощи народов, — таков образ, намечаемый Рылеевым, скорее психологический, чем исторический.

Неясно когда, но не исключено, что после 14 декабря 1825 года написано было стихотворение «Наполеон» Н. И. Лорером. В стихотворении есть отдельные словесные переклички с Одоевским, но вся концепция, все отношение к Наполеону прямо противоположны:

Моя соперница — Россия,
Но победитель мой — судьба...
Я шел не по следам Батыя,
И не бессмысленна была моя борьба:
Я движим был не погремушкой славы.
Я видел пепл Москвы, но я не Герострат...
Все царства я б сложил в итог одной державы...
Я прав перед людьми, пред богом — виноват.
Я не постиг его предназначенья,
Но, ослеплен успехом чудных дел,
Хотел переступить в пылу самозабвенья
Божественным перстом начертанный предел.

Здесь уже, в сущности, присутствует романтическая наполеоновская легенда.

Пушкин, пересматривая свои прошлые оценки, пришел в 20-е годы к более исторической характеристике Наполеона; это было тесно связано с тем, что, говоря словами Б. В. Томашевского об оде «Наполеон» (1821), «принцип революции был в эти дни прочно усвоен Пушкиным»: [1]

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил.

Ода Пушкина заканчивалась словами:

Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Одоевский в сложном отношении к Наполеону — преклонении перед его величием, оценке его как поработителя свободы, проложившего «всемирной войной» путь для свободы будущей, — следует за Пушкиным:

---

[1] Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, стр. 559.

Могучий дух все бури укротил,
Когда явился он в пылу грозы кровавой.
Едва дохнул на мир и громоносной славой
Свободы голос заглушил.
Втоптал [он в прах] главы нестройного народа,
И в тучах и громах по миру полетел,
И замерла пред ним бессмертная свобода,
И целый мир оцепенел.

Одоевский осуждает Наполеона, но не перед богом, как Лорер, а перед людьми, и вместе с тем утверждает историческое предназначение Наполеона:

Напрасно павший вождь царей
Для мира вынес гром цепей
Из бурь народного броженья.
Он своего не понял назначенья
И власть гранитную воздвигнул на песке.
Весь мир хотел он сжать в руке,
Но узами любви соединил народы;
И увлекаемый таинственной судьбой,
Невольно вытоптал кровавою стопой
Высокий, тайный путь для будущей свободы...

Перед Одоевским встает по существу тот же вопрос, который задавал Пушкин в 1824 году:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был вершитель?

Тема Наполеона вела к теме свободы. «Дифирамб» в еще большей степени, чем о Наполеоне, стихотворение о революции. И не только потому, что приведенные строфы наиболее яркие, центральные в стихотворении; в сущности, все стихотворение — это аллегорическая картина французской революции, дифирамб «тысячеглавому борцу», народу.

7

Еще в 1825 году в своей единственной критической статье «О трагедии «Венцеслав», сочинение Ротру, переделанной г. Жандром», Одоевский хвалил А. А. Жандра за «важную перемену»: «Самый смелый, вольный метр (Одоевский имеет в виду нерифмованный пятистопный ямб. — *М. Б.*) заступил место натянутого и надутого шестистопного стиха ямбического, которым никто из наших стихо-

творцев не владел и не владеет совершенно... Французы имеют ту особенность, что у них стихосложение силлабическое и что ударения падают неопределенно. У нас же шесть тяжелых *ямбов,* худо заменяемых *пиррихиями,* тащатся друг за другом и бьют молотом в слух... Итак, сохраняя обыкновенное наше стихосложение, должно искать возможного разнообразия» [1].

«Возможное разнообразие» очень характерно для творчества самого Одоевского. Он пишет белыми стихами, обращается к народному стиху, широко использует редкие в русской поэзии начала XIX века дактилические рифмы, применяет неожиданные перебои ритма. Новаторство Одоевского в стихотворении «Что за кочевья чернеются...» далеко опережает его эпоху; в строках этого стихотворения, которое пели декабристы на пути из Читы в Петровский завод, непосредственно звучит ритм народной песни, ломающий метрические каноны:

Дикие кони стреножены,
Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
Видят Русь во сне.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Во второй песне поэмы «Василько», в сцене в вертепе чуть ли не каждая строфа написана иным стихотворным размером; то же — в «Осаде Смоленска»; резко меняется размер в разных строфах «Дифирамба». Необычайно смелой сменой метров отличается более позднее стихотворение «Брак Грузии с Русским царством»:

Вышла невеста навстречу; любовь
Зноем полудня зажгла ее кровь;
И, откинув покрывало
От стыдливого чела,
В даль всё глядела, всем звукам внимала.
Там, под Казбеком, в ущелье Дарьяла
Жениха она ждала.

Ритмические эксперименты Одоевского были им принципиально обоснованы; в той же статье о трагедии «Венцеслав» он писал:

---

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, стр. 249—250. Исправлено по первопечатному тексту.

«Неужели наш русский язык, и звучный, и мужественный, будет вечно заключен в сей тесной, однообразной оболочке для выражения самых пламенных порывов, — тесной не для одного отдельного счастливого изречения, но для полноты чувств и непрерывной связи мыслей». И правилом «истинного стихотворства», требующего «самых тонких оттенков», Одоевский считает «музыкальную соответственность между смыслом и размером» [1].

Поэтические достижения Одоевского особенно четко выявились в его элегических стихах, являющихся звеном между поэзией 20-х годов и поэзией Лермонтова.

К середине 20-х годов противоречия литературного развития в России достигли крайней остроты. Перед литературой стояла важнейшая задача расширения ее идейного содержания; в поэзии это было особенно трудно реализовать; прежние литературные жанры все явственней теряли свою действенность. Ведущее в начале века карамзинистское направление явно не соответствовало задачам повышения общественной значимости литературы. Разгорались споры между «классиками» и «романтиками». Московский кружок «любомудров» вносил в поэзию отвлеченное философское содержание. Декабристская пропаганда «высоких ощущений» и «глубоких мыслей» выражалась в ораторской поэзии Рылеева, в творчестве Грибоедова, Катенина, Кюхельбекера, обращавшихся к библейским образам, к одической традиции.

Передовых русских писателей этих лет — и в первую очередь декабристов — отличает желание поднять национальное значение русской литературы, забота о ее подлинной самостоятельности, стремление к народности — в том ограниченном смысле, какой им поневоле был доступен.

Главным объектом нападений передовой критики была сентиментально-романтическая элегия школы Жуковского с ее атрибутами — условной грустью, бесплотной мечтательностью, традиционным литературным пейзажем, гладкостью стиха. Яростным борцом против этой элегии был, в частности, товарищ Одоевского — Кюхельбекер. «Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску», — писал Кюхельбекер о романтической элегии в «Мнемозине», в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». [2]

---

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, стр. 250—251.

[2] «Декабристы». Сост. В. Н. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 551—552.

Путь Одоевского к повышению общественного значения поэзии был, однако, иным, хотя и он иронизировал над мечтательностью школы Жуковского, «которая прямо заведет в желтый» (из письма к В. Ф. Одоевскому от 27 мая 1822). По существу же элегический жанр был близок Одоевскому, и ему удалось вложить в элегию реальное, общественно значимое содержание. Его подлинная жизненная трагедия, тоска «зарытого» в темнице узника, придала особый оттенок романтической элегии.

Одоевский усиливает ее личностный элемент, превращает беспредметные элегические жалобы в насыщенное конкретным психологическим содержанием меланхолическое размышление. Он вносит в элегию рефлектирующие моменты, смягчаемые интимностью тона. Одоевский отказывается от традиционного элегического пейзажа; элегические жалобы приобретают в его стихах характер широкого философского обобщения.

Всем этим Одоевский подготовил превращение элегии в «думу». Лермонтов завершил этот процесс.

Некоторая, правда умеренная, гиперболизация, анафорическое построение, убыстренный, как бы задыхающийся темп превращают сентиментально-романтическую медитацию в лирический, патетический монолог:

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал,
Но с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал...
...Кто жаждал жизни всеобъятной,
Но чей стеснительный обзор
Был ограничен цепью гор,
Темницей вкруг его темницы;
Кто жаждал снов, как ждут друзей,
И проклинал восход денницы...
...Кто с миром связь еще хранил,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы из света в заточенье
Любимый голос доходил...
...Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил...
...Тот мог спросить у провиденья:
Зачем земли он путник был

И ангел смерти и забвенья,
Крылом сметая поколенья,
Его коснуться позабыл?

Язык Одоевского сохранил в большой степени условно-романтический характер. Элегическое настроение находит выражение в традиционном словаре, традиционных образах начала 20-х годов. Но сочетание этих образов подчиняется основной задаче — патетически усилить элегическое размышление. В 1825 году, в своей статье, напечатанной в «Сыне отечества», «О трагедии „Венцеслав", сочинение Ротру, переделанной г. Жандром» Одоевский писал: «Многие ищут в стихотворении не поэзии, но заметных стихов; восхищаются, когда поэт стройностью целого жертвует мысли отдельной, часто блестящей от одной расстановки понятий и мнимо-нравоучительной»[1]. Речь идет о подытоживающих формулах, заканчивающих стихотворение, заостряющих его мыслью или сравнением. Впоследствии Одоевский широко пользовался такими «формулами», но в его стихах этот метод применяется очень осторожно, приглушенно: «формулы» эти не живут у Одоевского сами по себе, они лишь заостряют отдельные строфы. Их назначение — обобщить смысл стихотворения. Например:

Минула жизнь без потрясений,
Огонь без пламени погас...
...Как тени, исчезают лица
В тебе, обширная гробница...
...Но со ступени на ступень
Века возводят человека...

Проступающий сквозь лирический монолог единый образ поэта-узника, подлинного героя элегии, обогащал ее идейно и подымал до политической лирики:

Кто ядом облит был холодным
И с разрушительной тоской
Еще пылал огнем бесплодным
И порывался в мир душой,
Но порывался из могилы...
Тот жил! — Он духом был борец:
Он, искусив все жизни силы,

---

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, стр. 250.

Стяжал страдальческий венец;
Он может бросить взор обратный
И на минувший темный путь
С улыбкой горькою взглянуть.

Большинство элегий Одоевского появилось в печати в 1830—1831 годах в «Литературной газете» и в альманахе «Северные цветы». Напечатаны они были анонимно, но думаем, что автор их не остался неизвестен многим из тогдашних читателей. Первой из напечатанных была «Элегия на смерть А. С. Грибоедова», которая появилась под полным заглавием; ее содержание, несмотря на произведенные из цензурных соображений поправки, подсказывало, что автор — реальный узник, что он действительно друг Грибоедова. Все это должно было усиливать ту политическую окраску, которая является своеобразием элегий Одоевского.

Характеризуя элегический стиль Одоевского, мы должны вновь вернуться к стихам Веневитинова. То же использование традиционного словаря, те же притушенные стиховые «формулы», лирический монолог, прерываемый риторическими повторами и обобщающими суждениями, — все это очень близко Одоевскому. Сравним, например, из второго послания к Н. М. Рожалину:

Когда б ты видел этот мир,
Где взор и вкус разочарован,
Где чувство стынет, ум окован
И где тщеславие — кумир;
Когда б в пустыне многолюдной
Ты не нашел души одной, —
Поверь, ты б навсегда, друг мой,
Забыл свой ропот безрассудный...

Именно усиление смыслового момента в лирическом цикле отмечалось исследователями, писавшими о Веневитинове как предшественнике Лермонтова. Это же можно сказать и о лирике Одоевского.

8

В середине января 1833 года Одоевский переходит на поселение — сначала в Тельму под Иркутском, затем, в том же году, в деревню Елань, Иркутской губернии, и, наконец, в 1836 году после усиленных ходатайств родных, незадолго до перевода на Кавказ, — в г. Ишим, Тобольской губернии.

Он не оставил после себя никаких бумаг, никаких документов. Все, что мы знаем о нем, почерпнуто из воспоминаний друзей, из немногих его сохранившихся писем, из записей некоторых произведений в бумагах друзей.

От периода поселения (февраль 1833 — август 1837) до нас дошло лишь несколько стихотворений Одоевского. Частично это объясняется, конечно, тем, что рядом с ним не было товарищей, которые могли бы сохранить его произведения; характерно, что все, написанное безусловно в эти годы, представляет собой обращения к кому-либо (послание к отцу, стихи А. М. Янушкевичу, альбомная запись; даже стихотворение «Как я давно поэзию оставил...» в одном из списков названо «Послание к Е...»). Но, очевидно, Одоевский вообще в это время очень мало сочинял; об этом прямо сказано в названном только что наиболее интересном его произведении 1833—1837 годов — «Как я давно поэзию оставил...». В этом стихотворении наиболее широко раскрыто то понимание Одоевским поэтического творчества, о котором мы уже говорили выше. Оно свидетельствует о внимании Одоевского к животрепещущим вопросам литературной жизни 30-х годов: Одоевский откликнулся этим стихотворением на борьбу с «торговым направлением», с опошлявшей высокое представление о задачах искусства деятельностью О. И. Сенковского. Справедливо отмечено было В. Н. Орловым, что «по своему смыслу и пафосу» стихотворение «Как я давно поэзию оставил...» находится в полном соответствии со статьей Кюхельбекера 1835—1836 годов «Поэзия и проза».[1]

В августе 1837 года по распоряжению Николая I несколько поселенных в Сибири декабристов и в том числе Одоевский были определены рядовыми в Кавказский корпус. Милость эта была довольно относительная — посылая своих «друзей 14 декабря» на Кавказ, Николай I рассчитывал не столько на облегчение их участи, сколько на их скорую гибель. Однако солдатская служба на Кавказе сулила и возможность выслуги в офицеры, а значит, и отставки. Некоторые из переведенных вместе с Одоевским декабристов — например, М. М. Нарышкин — восприняли известие о предстоящей солдатской лямке крайне болезненно. Одоевский же рвался на Кавказ, он сам об этом просил.

Двухмесячное путешествие ранней осенью в обществе друзей

---

[1] См. В. Н. Орлов. Статья Кюхельбекера «Поэзия и проза» (1835—1836). «Литературное наследство», № 59. М., 1954, стр. 388.

почти через половину России, встреча в Казани с отцом, проводившим его до Симбирска, мысли о юге,

> ...где яхонт неба рдеет
> И где гнездо из роз себе природа вьет —
> (*«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..»*)

не могли не воодушевить Одоевского. Это подтверждается написанным в пути его стихотворением «Как сладок первый день среди полей отчизны...» Вместе с тем и мысли о том, что ожидает их на Кавказе, не покидали Одоевского и его друзей. Н. И. Лорер вспоминал об отъезде из Ставрополя: «Вечером нас потребовали в штаб для объявления, кто из нас в какой полк назначен... В эту же ночь должны мы были отправиться по полкам. Нам дали прогоны каждому на руки. В первый еще раз с выезда из Сибири мы отправились без провожатых... Была туманная черная ночь, когда несколько троек разъехались в разные стороны. Что ожидает нас в будущем? Черкесская ли пуля сразит, злая ли кавказская лихорадка уложит в мать-сырую землю?»[1] Эти же размышления выражены и в стихотворении Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?..»

Но все же нет решительно никаких оснований утверждать, будто (как это казалось до последнего времени) кавказские годы жизни Одоевского были годами предсмертной тоски, душевного упадка, обострения религиозных настроений, мыслей о ничтожестве человека. Эти утверждения целиком были основаны на приписывавшихся Одоевскому чужих произведениях («Глетчер», «Лавина», «Охлаждение»), на неверных датировках, и потому неверном понимании стихотворений «Зачем ночная тишина...», «Как я давно поэзию оставил...».

Воспоминания друзей Одоевского свидетельствуют о другом. «Всегда беспечный, всегда довольный и веселый... он легко переносил свою участь; быв самым приятным собеседником, заставлял он много смеяться других и сам хохотал от всего сердца», — таким запомнился Одоевский Розену в Тифлисе. А. П. Беляев писал, что «каким друзья знали Одоевского в тюрьме, таким точно остался он до конца: всегда или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущий до исступления»[2]. Этому

---

[1] Н. И. Лорер. Записки, стр. 189—190.
[2] А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 243; А. П. Беляев. Воспоминания декабристов о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, стр. 413.

не противоречат, конечно, раздумья о том, что ожидает его на Кавказе, или «грусть тихая» и чувство усталости, отраженные в стихотворении «Моя Пери».

Переведенные на Кавказ декабристы встретили, вопреки расчетам Николая I и стараниям высшего военного начальства, сочувственное и внимательное отношение непосредственных командиров (некоторые из них в прошлом сами были членами тайных обществ). Одоевский от трудностей солдатской жизни был в значительной мере освобожден; изредка встречался он со старыми друзьями, с увлечением отдавался боевой жизни, бывал в Тифлисе, провел некоторое время в Пятигорске и Железноводске.

На Кавказе Одоевский встретился с М. Ю. Лермонтовым, Н. П. Огаревым, Н. М. Сатиным. В работах последнего времени раскрыты связи Одоевского с представителями передовой грузинской культуры[1]. Александр Чавчавадзе перевел одно его стихотворение на грузинский язык. Отголоском бесед и размышлений о взаимоотношениях русских и грузинских деятелей, о прогрессивном историческом смысле присоединения Грузии к России явилось стихотворение Одоевского «Брак Грузии с Русским царством».

От кавказского периода до нас дошло также всего лишь пять стихотворений Одоевского, причем одно из них — совершенно незначительное, написанное «на случай». Поэтому пытаться делать какие-либо обобщения о его стихах последних двух лет жизни было бы просто несерьезно. Но что он в это время писал, явствует из воспоминаний Н. П. Огарева. Приходится признать, что последний этап творчества Одоевского нам, в сущности, остается пока что неизвестен.[2]

В июне 1839 года на Черноморском побережье (где погиб недавно А. А. Бестужев, где Николай I рассчитывал погубить Лермонтова) Одоевский узнал о смерти отца. Письмо его к М. А. Назимову от 21 июня и воспоминания Лорера говорят о таком душевном потрясении Одоевского, которое, вне всяких сомнений, его

---

[1] См. И. Л. Андроников. Лермонтов. М., 1951; И. Л. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955; А. В. Попов. Одоевский на Кавказе. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 4, 1952, стр. 219—238.

[2] В. С. Шадури справедливо отметил, что в кавказской ссылке «в противоположность каторге, Одоевского редко окружали заботливые соузники, записывавшие и хранившие его произведения» (В. С. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 334).

сломило. Ему предлагали уехать с друзьями в Крым — он отказался; по всему видно, что он решил погибнуть от черкесской пули. Но умер он от «кавказской лихорадки», злокачественной малярии 15 августа 1839 года в укреплении Псезуапе (ныне Лазаревское).

9

Еще до первой ссылки на Кавказ Лермонтов не мог не знать стихов Одоевского, напечатанных в «Литературной газете» и в «Северных цветах». Он не мог не знать также, кто их автор. В 1832 году он посещал в Петербурге дом своей родственницы В. Н. Столыпиной[1], вдовы друга декабристов А. А. Столыпина, которому в 1825 году посвятил стихотворение Рылеев; сын Столыпиных стал близким другом Лермонтова (Монго-Столыпин). Лермонтов, вероятно, знал и те полученные П. А. Вяземским стихи Одоевского, которые не были напечатаны, мог слышать и рассказы о самом Одоевском — в доме Столыпиных и в кругу своих московских знакомых Лужиных и Комаровских[2], родственников сослуживцев Одоевского по Конногвардейскому полку. Лермонтов осведомлен был о жизни и настроениях декабристов на каторге — свидетельством этого являются стихи в поэме «Последний сын вольности», написанной в конце 1830 или в начале 1831 года:

Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнаньи дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны.

Биографы Лермонтова расходятся во мнениях о том, когда именно произошла встреча Лермонтова и Одоевского. Одни считают, что это имело место еще в Ставрополе, в октябре 1837 года, на пути Одоевского к месту службы, и что Лермонтов и Одоевский совершили совместно поездку от Ставрополя до Тифлиса (Одоевский был назначен в Нижегородский драгунский полк, где служил и Лермонтов; полк стоял неподалеку от Тифлиса). Другие относят

---

[1] См. В. А. Мануйлов. Семья и детские годы Лермонтова. «Звезда», 1939, № 9, стр. 85.
[2] Указано нам И. Л. Андрониковым.

знакомство Лермонтова и Одоевского к началу ноября, к приезду Одоевского в Грузию[1]. Как бы то ни было, общение Одоевского и Лермонтова продолжалось недолго — в начале декабря Лермонтов уже возвращался в Россию.

Но хотя и недолгое, общение это было, как можно думать, очень интенсивным. Об этом свидетельствует одно из лучших, вдохновенных стихотворений Лермонтова — «Памяти А. И. Одоевского».

Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!
...Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную...

Стихотворение это дает возможность понять, чем был для Лермонтова Одоевский. Его стихи, его судьба, его личность не только глубоко запечатлелись в сознании Лермонтова, но сыграли существенную роль для кристаллизации представления Лермонтова о современной ему российской действительности, столь чуждой подлинной поэзии:

Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?

---

[1] Подробнее см. А. В. Попов. М. Ю. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949, стр. 84—94; И. Андроников. Лермонтов, стр. 195; А. В. Попов. А. И. Одоевский на Кавказе, стр. 219—230; Л. Иванова. Лермонтов и декабрист М. А. Назимов. — «Литературное наследство», № 58. М., 1952, стр. 431—440; Д. А. Гиреев и С. И. Недумов. К истории знакомства Лермонтова с декабристами. — «Литературное наследство», № 60, кн. 1. М., 1956, стр. 507—514. Хотя последняя статья имеет характер итоговой, но и она, на наш взгляд, оставляет вопрос о первой встрече Лермонтова и Одоевского открытым.

Идейный наследник декабристов, продолжатель их литературного дела, Лермонтов встретился с одним из тех «сынов снегов, сынов славян», о чьих помыслах,

Как вольность пробудить опять,

он писал еще в 1830—1831 годах. Декабрист-поэт Одоевский был для Лермонтова реальным воплощением того высокого образа поэта-гражданина, о котором Лермонтов писал в юности:

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу.

В стихотворение, посвященное Одоевскому, он внес черты своего лирического героя — романтический образ отверженного светом мятежного изгнанника, который

меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

Именно из этого стихотворения 1832 года («Он был рожден для счастья, для надежд...») перенес Лермонтов в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» с незначительными изменениями стихи:

Он был рожден для счастья, для надежд,
И вдохновений мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!

Еще две строфы перенесены сюда Лермонтовым (с некоторыми изменениями) из поэмы «Сашка», написанной до первой ссылки Лермонтова на Кавказ.[1] Именно в этих строфах находятся строки о гордом одиночестве поэта:

Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

---

[1] О сложном вопросе датировки поэмы «Сашка» см. Э. Э. Найдич. О тексте и датировке поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка». «Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. 5 (8). Л., 1958, стр. 201—208.

Переносая в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» строки из более ранних своих произведений, Лермонтов в то же время переосмысливал их, наполнял глубоким общественным содержанием.

Реальный облик Одоевского помог Лермонтову в дальнейшем развитии образа его лирического героя. Об этом говорит нам стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» в значительно большей мере даже, чем о самом Одоевском.

Творчество Одоевского, его личная и поэтическая судьба знаменуют преемственность революционных поколений. Н. П. Огарев видел в его лице живую связь со своими предшественниками-декабристами: «Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь», — вспоминал Огарев о встрече с Одоевским.[1] Но не только как память о мучениках — как завет первых русских революционеров, как призыв к продолжению их революционного дела жили стихи Одоевского. Поэзия Одоевского полностью сохранила до наших дней эстетическую ценность. Стихи его помогают понять, каков был путь русской поэзии между 14 декабря 1825 года и расцветом творчества Лермонтова.

М. Брискман

---

[1] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 406.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

И если ты за то сочел безумным брата,
Что сердце ссорится с умом,
То верно бы пришлось и самого Сократа —
Врасплох — отправить в желтый дом.

15 октября 1821
Велиж

* * *

Иль, сбросив бремя светских уз,
В крылатые часы отдохновенья,
С беспечностью любимца муз
Питаю огнь воображенья
Мечтами лестными, цветами заблужденья.
Мечтаю иногда, что я поэт,
И лавра требую за плод забавы,
И дерзостным орлом лечу, куда зовет
Упрямая богиня славы:
Без заблужденья — счастья нет.
За мотыльком бежит дитя вослед,
А я душой парю за призраком волшебным,
Но вдруг существенность жезлом
враждебным
Разрушила мечты — и я уж не поэт!
Я не поэт! — и тщетные желанья
Дух юный отягчили мой!
Надежда робкая и грустны вспоминанья
Гостьми нежданными явились предо мной.

15 октября 1821
Велиж

ЧАЛМА

Отрывок из повести

Диких взоров красотой,
Кос блестящей чернотой
Я прельстился, как безумный:
Я турчанку полюбил.
Я был молод. С нею шумно,
С нею весело я жил.
По коврам она скакала
И кружилась; на лету
Поцелуй с меня срывала,
То со смехом обнажала
Юных персей красоту;
Жаркой грудью прижималась
Мне ко груди; увивалась
Белой, вкруг меня, рукой,
И, усталая, со мной
Долго, долго целовалась...

Грейтесь в шубах, на снегах,
Под метелию полночной!
Мне теплее на грудях
У красавицы восточной!
Что в друзьях мне? Что в родных?
Пышет холодом от них!
Я во сне же их видаю;
Но проснусь, и наяву
Я Роксану обнимаю;
Я проснусь, я оживу
На устах моей Роксаны,

И забуду и снега,
И родные берега,
И болотные туманы...

. . . .
. . . .

«Солнце знойно; ярок свет,
Как очей твоих сиянье;
Как ни сладок твой шербет,
Слаще уст твоих дыханье.
Наклонись ко мне челом,
Уст румяных жги огнем,
Поцелуй меня, Роксана!»

Я рукой ей руку жал,
И лицо и прелесть стана
Страстным взором озирал
Сквозь душистый дым кальяна.
«Наклони свое чело,
Поцелуй меня, Роксана!
Что ты дышишь тяжело?
Мне так весело с тобою!
Что уходишь ты? Постой!
Я шербет не допил твой;
Сядь ко мне, побудь со мною!»
Наклонилась головой
И к устам моим прильнула;
Грустно в очи мне взглянула:
(Как и всем, сгрустнулось ей)!
«Ты с Роксаною веселой
Не считаешь шумных дней;
Но нагрянет час тяжелый,
Камнем ляжет он на грудь.
Русский! русский! дай мне руку!
И на нас, когда-нибудь,
Черный дух нашлет разлуку.
Здесь ты век не проживешь.
Бедный русский! Ты умрешь!
Не на радость, а на скуку...
В бане, лежа на софах,
Мне о ваших небесах
Раз армянка говорила...

Все слова я затвердила,
Хоть не очень поняла!

. . . .

Ты умрешь! Хоть неохотно,
А простишься ты со мной,
И взлетит твой дух бесплотный
На пустые небеса;
Скучной жизни бесконечной
Не утешит девы вечной
Вечно-юная краса!»
И опять взглянув с печалью,
Шаль с груди она сняла
И чело мне мягкой шалью,
Улыбаясь, обвила.
«Русский! Как тебе пристала
Мною свитая чалма,
Я ее бы не снимала;
И твою бы я сама
Гребнем бороду чесала»...
Улыбалась, целовала
И опять, как без ума,
И резвилась, и скакала.

. . . .

Конь оседлан; раб мой ждет;
У крыльца нетерпеливо
Борзый конь копытом бьет.
Мне Роксана путь счастливый
Пожелала из окна;
Опуская покрывало,
Поклонилася она.

Начало 1820-х годов (?)

ЛУНА

Встал ветер с запада; седыми облаками
  Покрыл небес потухший океан.
    Сквозь тонкий видишь ли туман,
    Как, увлекаемый волнами,
    Челнок летает золотой?
Вот он исчез... блеснул... вот скрылся за волной,
  Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звезд кормилом управляет.

1824
Стрельна

БАЛ

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их — все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;

Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пробила полночь... Грянул гром,
И грохот радостный раздался;
От звона воздух колебался,
От пушек, в сумраке ночном,
По небу зарева бежали
И, разлетаяся во тьме,
Меня, забытого в тюрьме,
Багровым светом освещали.
Я, на коленях стоя, пел;
С любовью к небесам свободный взор летел...
И серафимов тьмы внезапно запылали
В надзвездной вышине;
Их песни слышалися мне.
С их гласом все миры гармонию сливали,
Средь горних сил Спаситель наш стоял,
И день, блестящий день сиял
Над сумраками ночи;
Стоял он радостный средь волн небесных сил
И полные любви, божественные очи
На мир спасенный низводил.
И славу вышнего, и на земле спасенье
Я тихим гласом воспевал,
И мой, мой также глас к воскресшему взлетал:
Из гроба пел я воскресенье.

18 апреля 1826
Петропавловская крепость

УТРО

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне всё завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл.

Начало 1826 (?)

* * *

Что мы, о боже? — В дом небесный,
Где сын твой ждет земных гостей,
Ты нас ведешь дорогой тесной,
Путем томительных скорбей,
Сквозь огнь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание твое;
Но для чего, о бесконечный!
Вложил ты мысль разлуки вечной
В *одноночнóе* бытие?

Начало 1826 (?)

ДВА ПАСТЫРЯ

Стада царя Адмета
Два пастыря пасли;
Вставали прежде света
И в поле вместе шли.
Один был юн и статен,
И песен дар имел;
Глас звучен был, приятен;
В очах, когда он пел,
Небесный огнь горел.
Другой внимал; невольно
Дослушав до конца,
С улыбкой недовольной
Глядел он на певца...
«Пленять я не умею
Напевов красотой;
Но песни — дар пустой!
Хоть слуха не лелею,
Не хуже я тебя!» —
Шептал он про себя.

Раз шел он за стадами;
Товарищ не был с ним.
За синими горами
Алел тумана дым;
Рассыпалась денница:
Взомчалась колесница
На радостный восток,
И пламени поток —

Горящими стопами
Бесчисленных лучей —
Летел над облаками
Из пышущих коней.

Пастух, с благоговеньем
Колена преклоня,
Воззрел — и с изумленьем
На колеснице Дня
Узнал... Певца! Лучами
Увенчанный, стоял
И гордыми конями
С усмешкой управлял.

1826
Петропавловская крепость

СОН ПОЭТА

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках;
И песнь, незнаемую в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народный.
Но — не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца. —
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.

Между июлем 1826 и февралем 1827
Петропавловская крепость

АМУР-АНАКРЕОН

Зафна, Лида и толпа греческих девушек.

Зафна

Что ты стоишь? Пойдем же с нами
Послушать песен старика!
Как, струн касаяся слегка,
Он вдохновенными перстами
Умеет душу волновать
И о любви на лире звучной
С усмешкой страстной напевать.

Лида

Оставь меня! Певец докучный,
Как лунь, блистая в сединах,
Поет про негу, славит младость —
Но нежных слов противна сладость
В поблеклых старости устах.

Зафна

Тебя не убедишь словами,
Так силой уведем с собой.

(К подругам)

Опутайте ее цветами,
Ведите узницу со мной.

Под ветхим деревом ветвистым
Сидел старик Анакреон:
В честь Вакха лиру строил он.
И полная, с вином душистым,
Обвита свежих роз венцом,
Стояла чаша пред певцом.
Вафил и юный, и прекрасный,
Облокотяся, песни ждал;
И чашу старец сладострастный
Поднес к устам — и забряцал...
Но девушек, с холма сходящих,
Лишь он вдали завидел рой,
И струн, веселием горящих,
Он звонкий переладил строй.

Зафна

Певец наш старый! будь судьею:
К тебе преступницу ведем.
Будь строг в решении своем
И не пленися красотою;
Вот слушай, в чем ее вина:
Мы шли к тебе; ее с собою
Зовем мы, просим; но она
Тебя и видеть не хотела!
Взгляни — вот совести укор:
Как, вдруг вся вспыхнув, покраснела
И в землю потупила взор!
И мало ли что насказала:
Что нежность к старцу не пристала,
Что у тебя остыла кровь!
Так накажи за преступленье:
Спой нежно, сладко про любовь
И в перси ей вдохни томленье.

Старик на Лиду поглядел
С улыбкой, но с улыбкой злою.
И, покачав седой главою,
Он тихо про любовь запел.
Он пел, как грозный сын Киприды
Своих любимцев бережет,
Как мстит харитам за обиды
И льет в них ядовитый мед,

И жалит их, и в них стреляет,
И в сердце гордое влетя,
Строптивых граций покоряет
Вооруженное дитя...
Внимала Лида, и не смела
На старика поднять очей
И сквозь роскошный шелк кудрей
Румянца пламенем горела.
Всё пел приятнее певец,
Всё ярче голос раздавался,
В единый с лирой звук сливался;
И робко Лида, наконец,
В избытке страстных чувств вздохнула,
Приподняла чело, взглянула...
И не поверила очам.
Пылал, юнел старик маститый,
Весь просиял; его ланиты
Цвели как розы; по устам
Любви улыбка пробегала —
Усмешка радостных богов;
Брада седая исчезала,
Из-под серебряных власов
Златые выпадали волны...
И вдруг... рассеялся туман!
И лиру превратя в колчан,
И взор бросая, гнева полный,
Грозя пернатою стрелой,
Прелестен детской красотой,
Взмахнул крылами сын Киприды
И пролетая мимо Лиды,
Ее в уста поцеловал.
Вздрогнула Лида и замлела,
И грудь любовью закипела,
И яд по жилам пробежал.

Между 1826 и 1829

* * *

Тебя ли не помнить? Пока я дышу,
Тебя и погибшей вовек не забуду.
Дороже ты в скорби и сумраке бурь,
Чем мир остальной при сиянии солнца.
Будь вольной, великой и славой греми,
Будь цветом земли и жемчужиной моря,
И я просветлею, чело вознесу,
Но сердце тебя не сильнее полюбит:
В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает,
И с каждою каплею крови твоей
Пьют чада любовь из живительных персей.

1827 или 1828 (?)

ДЕВА 1610 ГОДА

(К «Василию Шуйскому»)

Явилась мне божественная дева;
Зеленый лавр вился в ее власах;
Слова любви, и жалости, и гнева
У ней дрожали на устах:

«Я вам чужда; меня вы позабыли,
Отвыкли вы от красоты моей,
Но в сердце вы навек ли потушили
Святое пламя древних дней?

О русские! Я вам была родная:
Дышала я в отечестве славян,
И за меня стояла Русь святая,
И юный пел меня Боян.

Прошли века. Россия задремала,
Но тягостный был прерываем сон;
И часто я с восторгом низлетала
На вещий колокола звон.

Моголов бич нагрянул: искаженный
Стенал во прах поверженный народ,
И цепь свою, к неволе приученный,
Передавал из рода в род.

Татарин пал; но рабские уставы
Народ почел святою стариной.

У ног князей, своей не помня славы,
Забыл он даже образ мой.

Где ж русские? Где предков дух и сила?
Развеяна и самая молва,
Пожрала их нещадная могила,
И стерлись надписи слова.

Без чувств любви, без красоты, без жизни
Сыны славян, полмира мертвецов,
Моей не слышат укоризны
От оглушающих оков.

Безумный взор возводят и молитву
Постыдную возносят к небесам.
Пора, пора начать святую битву —
К мечам! за родину к мечам!

Да смолкнет бич, лиющий кровь родную!
Да вспыхнет бой! К мечам с восходом дня!
Но где ж мечи за родину святую,
За Русь, за славу, за меня?

Сверкает меч, и падают герои,
Но не за Русь, а за тиранов честь.
Когда ж, когда мои нагрянут строи
Исполнить вековую месть?

Что медлишь ты? Из западного мира,
Где я дышу, где царствую одна,
И где давно кровавая порфира
С богов неправды сорвана,

Где рабства нет, но братья, но граждане
Боготворят божественность мою
И тысячи, как волны в океане,
Слились в единую семью, —

Из стран моих, и вольных, и счастливых,
К тебе, на твой я прилетела зов
Узреть чело сармат волелюбивых
И внять стенаниям рабов.

Но я твое исполнила призванье,
Но сердцем и одним я дорожу,
И на души высокое желанье
Благословенье низвожу».

Между 1827 и 1830 (?)

ОСАДА СМОЛЕНСКА

<К «Василию Шуйскому»>

(Соборный храм Бож<ией> М<атери>. — Перед иконами затеплены свечи. — Иереи стоят перед царск<ими> дверями и молятся шепотом. Посадник; несколько купцов, старцы, жены толпятся посреди храма.)

Старец

Я стражем был на западной бойнице;
Бойцов разводит ночь; пищалей гром
Затих; но вновь заутра, на деннице
Втеснится враг в предательский пролом:
Мы до зари не довершим завала...
Наш сын, наш брат Смоленску изменил!
Я видел: на расселину забрала
Предатель сам пищали наводил.

Хор иереев и народа

Страшися, изменник! Небесный каратель
Недремлющим взором коварных блюдет!
Пусть гибнет без гроба отчизны предатель!
Да гибнет! и память его не прейдет!..

Жена именитого гражданина

Взойдет заря: опять в кровавой битве
Падут и братья, и мужья...
Господь и Спас! внемли моей молитве:
Да нас прикроет длань твоя!
Призри на нас: мы все осиротели!
В дыму, блуждая вкруг домов,

Детей своих находим колыбели
Под гробом братьев и отцов.

Клирос

Будь нашим покровом, пречистая дева!
Заступницей нашей пред сыном твоим!
Да стрелы потухнут господнего гнева,
И даст он спасение людям своим!

Посадник

Господь единый — нам спасенье:
У нас земной опоры нет!
Предав царя на заточенье,
Бояре сеют злой развет.
Развенчан царь — чернец невольный;
Без Думы — Русская земля,
И лях, разрушив град престольный,
Смеется нам со стен Кремля!

Хор народа

Василий развенчан, но царь нам — Россия!

Между 1827 и 1830 (?)

ТРИЗНА

Ф. Ф. Вадковскому

Утихнул бой Гафурский. По волнам
Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
Убитым в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священный,
И мрачные воссели пред холмом
И внемлют арфе вдохновенной.

Скальд

Утешьтесь о павших! Они в облаках
Пьют юных Валкирий живые лобзанья.
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветает преданье.
Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенник жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

1828
Чита

* * *

Звучит вся жизнь, как звонкий смех,
От жара чувств душа не вянет...
Люблю я всех, и пью за всех!
Вина, ей-богу, недостанет!

Я меньше пью, зато к вину
Воды вовек не примешаю...
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

1828
Чита

УМИРАЮЩИЙ ХУДОЖНИК

Все впечатленья в звук и цвет
И слово стройное теснились,
И музы юношей гордились
И говорили: «Он поэт!..»
Но нет, — едва лучи денницы
Моей коснулися зеницы —
И свет во взорах потемнел;
Плод жизни свеян недоспелый!
Нет! Снов небесных кистью смелой
Одушевить я не успел;
Глас песни, мною недопетой,
Не дозвучит в земных струнах,
И я — в нетление одетый —
Ее дослышу в небесах.
Но на земле, где в чистый пламень
Огня души я не излил,
Я умер весь... И грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На череп мой остывший ляжет
И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира,
И не успел я в стройный звук
Излить красу и стройность мира.

1828
Чита

* * *

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829 (?)
Чита

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Промелькнул за годом год,
И за цепью дней минувших
Улетел надежд блеснувших
Лучезарный хоровод.
Лишь одна из дев воздушных
Запоздала. Сладкий взор,
Легкий шепот уст радушных,
Твой небесный разговор
Внятны мне. Тебе охотно
Я вверяюсь всей душой!
Тихо плавай надо мной,
Плавай, друг мой неотлетный!
Все исчезли. Ты одна
Наяву, во время сна
Навеваешь утешенье.
Ты в залог осталась мне,
Заверяя, что оне
Не случайное виденье,
Что приснятся и другим
И зажгут лучом своим
Дум высоких вдохновенье!

1829
Чита

УЗНИЦА ВОСТОКА

Как много сильных впечатлений
Еще душе недостает!
В тюрьме минула жизнь мгновений,
И медлен, и тяжел полет
Души моей, не обновленной
Явлений новых красотой
И дней темничных чередой,
Без снов любимых, усыпленной.
Прошли мгновенья бытия
И на земле настала вечность.
Однообразна жизнь моя,
Как океана бесконечность.
Но он кипит... свои главы
Подъемлет он на вызов бури,
То отражает свод лазури
Бездонным сводом синевы,
Пылает в заревах, кровавый
Он брани пожирает след,
Шумя в ответ на громы славы
И клики радостных побед.
Но мысль моя — едва живая —
Течет, в себе не отражая
Великих мира перемен;
Всё прежний мир она объемлет,
И за оградой душных стен —
Востока узница — не внемлет
Восторгам западных племен.

1829
Чита

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ А. С. ГРИБОЕДОВА

Где он? Кого о нем спросить?
Где дух? Где прах? .. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Ее согреть моим дыханьем;
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его,
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму — как друга моего!
Как друга! .. Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предамся всей порывной силе
Моей любви, любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой...

Но под иными небесами
Он и погиб, и погребен;
А я — в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут.
Я в узах был; — но тень надежды
Взглянуть на взор его очей,

Элегія на смерть
А. С. Грибоѣдова

Гдѣ онъ — ~~Кого~~ [illegible]
~~Гдѣ [illegible]~~ схоронить?
Гдѣ духъ? — гдѣ прахъ? ..... въ краю далекомъ
О грусти горькими слезами [illegible]
Его любимую [illegible] —
на [illegible] [illegible] [illegible];
и съ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] во прахѣ его,
исполнясь весь мой [illegible],
и горечь [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible] взоръ
[illegible], — Какъ друга нашей!
Какъ друга!.. онъ [illegible] [illegible],
и вся вкругъ родня [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible],
[illegible] не нарушаю ~~[illegible]~~,
[illegible] [illegible] [illegible] силъ.
[illegible] любви ~~[illegible]~~ твои,
и [illegible] [illegible] могилы!
Могилы [illegible] [illegible].

Взглянуть, сжать руку, звук речей
Услышать на одно мгновенье —
Живило грудь, как вдохновенье,
Восторгом полнило меня!
Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только — дым и тленье;
Они — мне огнь: уже давно
Всё жгут, к чему ни прикоснутся;
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забыться миг веселым сном
И грусть сердечную развеять
Мечтанья радужным крылом.

1829
Чита

ЭЛЕГИЯ

Что вы печальны, дети снов,
Летучей жизни привиденья?
Как хороводы облаков,
С небес, по воле дуновенья,
Летят и тают в вышине,
Следов нигде не оставляя,
Равно в подоблачной стране
Неслися вы! .. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы мира мрачные печали,
Все бури сердца миновали
И безыменно протекли.
Вы и пылинки за собою
В теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкий прах,
Следов не врезали в граните
И не оставили в сердцах.
Зачем же вы назад глядите
На путь пройденный? Нет для вас
Ни горьких дум, ни утешений;
Минула жизнь без потрясений,
Огонь без пламени погас.

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал,

Но с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал;
Кто ядом облит был холодным
И с разрушительной тоской
Еще пылал огнем бесплодным,
И порывался в мир душой,
Но порывался из могилы...
Тот жил! Он духом был борец:
Он, искусив все жизни силы,
Стяжал страдальческий венец;
Он может бросить взор обратный
И на минувший, темный путь
С улыбкой горькою взглянуть.

Кто жаждал жизни всеобъятной,
Но чей стеснительный обзор
Был ограничен цепью гор,
Темницей вкруг его темницы;
Кто жаждал снов, как ждут друзей,
И проклинал восход денницы,
Когда от розовых лучей
Виденья легкие ночей
Толпой воздушной улетали,
И он темницу озирал
И к ним объятья простирал,
К сим утешителям печали;
Кто с миром связь еще хранил,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы из света в заточенье
Любимый голос доходил,
Как по умершим стон прощальный, —
Чтобы утратам слух внимал
И отзыв песни погребальной
В тюрьму свободно проникал;
Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил,
И, небесам во всем покорный,
Просил в молитвах одного:
От друга вести животворной;

И кто узнал, что нет его —
Тот мог спросить у провиденья,
Зачем земли он путник был,
И ангел смерти и забвенья,
Крылом сметая поколенья,
Его коснуться позабыл?

Зачем мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнует трепетную грудь?
Как званый гость, или случайный,
Пришел он в этот чудный мир,
Где скудно сердца наслажденье
И скорби с радостью смешенье
Томит, как похоронный пир;
Где нас объемлет разрушенье,
Где колыбель — могилы дань,
Развалин цепь — поля и горы;
Где вдохновительные взоры
И уст пленительная ткань
Из гроба в гроб переходили,
Из тлена в жизнь, из жизни в тлен,
И в постепенности времен
Образовалися из пыли
Погибших тысячи племен. —
Как тени, исчезают лица
В тебе, обширная гробница!

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья;
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Как дар без цели, донесут
И сбросят путники земные...
Без цели!.. Кто мне даст ответ?
Но в нас порывы есть святые,
И чувства жар, и мыслей свет,
Высоких мыслей достоянье!..

В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастает века;
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

1829
Чита

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов;
Подошел в доспехах молодец,
Молвил слово ей с поклоном:
«Загадай ты мне на счастие,
Ворочусь ли через Волхов».
За Шелонью враны каркают,
Плачет в тереме невеста.
«Гой еси ты, красный молодец!
Есть одна теперь невеста,
Есть одна — святая София:
Обручись ты с ней душою,
Уберися честно ранами
И омойся алой кровью.
Обручися ты с невестою:
За Шелонью ляжь костями.
Если ж ты мечом не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вече, не на родину, —
А придешь ты на неволю!»

Трубы звучат за Шелонью-рекой:
Грозно взвевают московские стяги!
С радостным кликом Софии святой
Стала дружина — и полный отваги
Ринулся с берега всадников строй.
С шумом расхлынулись волны, вскипели;
Двинулась пена седая грядой.

Строи смешались, мечи загремели;
Искрятся молнии с звонких щитов,
С треском в куски разлетаются брони;
Кровь потекла... Разъяренные кони
Грудью сшибают и топчут врагов;
Стелются трупы на берег Шелони.
. . . .
. . . .
Кровью дымилося поле; стихал
В стонах прерывных и замер глас битвы.
Теплой твоей, о София, молитвы
Спас не услышит... и Новгород пал.

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов:
Не пройдет ли красный молодец
Чрез широкий синий Волхов?
Проезжало много всадников,
Много пеших проходило,
Было много изувеченных
И покрытых черной кровью.
Что ж? прошел ли добрый молодец?..
Не прошел он через Волхов.

1829
Чита

* * *

Зачем ночная тишина
Не принесет живительного сна
Тебе, страдалица младая?
Уже давно заснули небеса;
Как усыпительна их сонная краса
И дремлющих полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сон; но сон не освежит
Тебя, страдалица младая!
Опять недуг порывом набежит,
И жизнь твоя, как лист пред бурей, задрожит.
Он жилы нежные, как струны, напрягая,
Идет, бежит, по ним ударит, — и в ответ
Ты вся звучишь и страхом, и страданьем;
Он жжет тебя, мертвит своим дыханьем,
И по листу срывает жизни цвет;
И каждый миг, усиливая муку,
Он в грудь твою впился, он царствует в тебе!
Ты вся изнемогла в мучительной борьбе;
На выю с трепетом ты наложила руку;
Ты вскрикнула; огнь брызнул из очей,
И на одре безрадостных ночей
Привстала, бледная; в очах горят мученья;
Страдальческим огнем блестит безумный взор,
Блуждает жалобный и молит облегченья...
Еще проходит миг; вновь тянутся мгновенья...
И рвется из груди чуть слышимый укор:
«Нет жалости у вас! постойте! вы так больно,
Так часто мучите меня...

Нет силы более! нет ночи, нету дня,
Минуты нет покойной. Нет! довольно
Страдала я в сей жизни! силы нет...
Но боль растет: все струны натянулись...
Зачем опять вы их коснулись
И воплей просите в ответ?
Еще — и все они порвутся! Ваши руки
Безжалостно натягивают их.
Вам разве сладостны болезненные звуки,
Стенящий ропот струн моих?
Но кто вы? Кто из вас, и злобный, и могучий
Всю лиру бедную расстроил? Жизнь мою
Возьмите от меня: я с радостью пролью
Последний гул земных раззвучий,
И после долгих жизни мук
Вздохну и сладко и покойно;
На небе додрожит последний скорбный звук;
И всё, что было здесь так дико и нестройно,
Что на земле, сливаясь в смутный сон,
Земною жизнию зовется, —
Сольется в сладкий звук, в небесно-ясный звон,
В созвучие любви божественной сольется».

1829
Чита

КН. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

25 декабря 1829
Чита

ВАСИЛЬКО

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Кипел народ на стогнах Теребовля:
Глашатая послыша громкий зов,
Спешили стар и млад; они, как волны,
Со всех сторон стеклись на княжий двор,
Сошлись в толпы и шепчут: «Что задумал
Наш Василько? зачем он позвал нас?»
В волненьи ждут, жужжа как рой пчелиный.
И вышел князь со светлою дружиной.

2

Явился он, как месяц в сонме звезд.
Замолкли все и низко поклонились.
Склоня чело, он с красного крыльца
Заводит так отеческое слово:
«Вы знаете, сыны мои! для вас,
Для тишины всей Руси православной,
Был съезд князей, где, потушив раздор,
Мы клятвою скрепили договор.

3

Князь Святополк и Мономах разумный,
И все князья, сев на один ковер,
Мы в Любиче, как братья, примирились.
Нет! полно нам губить святую Русь:

Мы, русские, забыли мать родную,
У матери — сыны терзали грудь.
Но мир настал — и крестное лобзанье
Ее навек окончило страданье.

4

Уже на Русь не придут, как на пир,
Толпы врагов за вражьими толпами;
И господом благословенных нив
Их бурные набеги не потопчут.
В былой красе восстанут города,
И где теперь церквей сереет пепел,
Там снова Спас сберет под отчий кров
Своих людей, спасенных от оков.

5

Во времена раздора бог все кары,
И глад, и мор на нас ниспосылал;
Но он призрит на клятву примиренных.
Мы на кресте произнесли обет:
Да будет Русь нам общею отчизной,
И если кто из нас нарушит мир,
Восстанем все: пойдут на брата братья,
И крест и огнь — палящий огнь проклятья!

6

Теперь, когда вся Русская земля
Ограждена и крестным целованьем,
И дружными щитами всех князей,
Что медлить нам? Подымем стяг на ляхов,
В пределы их внесем огонь и смерть,
И сломим дух врагов непримиримых.
Но кто из вас последует за мной
В веселый пыл тревоги боевой?

7

Пойдем, друзья, за славой и добычей
В страну врагов. Пусть старцы, пусть отцы

Блюдут дома и вежи охраняют;
Но трубный звук вас, юноши, зовет!
Во бранях вы еще не искусились.
Идите в бой — и ляшским серебром
Соборный храм заблещет; наши жены
Украсят им домашние иконы.

8

Что, други?» — «Все готовы за тобой! —
Воскликнули и юноши и мужи. —
Мы рады все за нашим Васильком!»
И двинулись к нему в порыве сердца,
И пламень, как зарница, заиграл
Во всех очах толпы тысячеглавой.
Все рвутся в бой, все восклицают вновь:
«Твои — наш конь, наш меч, вся наша кровь!»

9

Тогда один из городских старейшин
Ступил вперед: «Кто от души не рад
И честь и смерть делить с твоей дружиной?
Но ты у нас гостишь, а не живешь,
А без тебя мы красных дней не видим.
Останься: суд нужнее нам войны.
Когда ты здесь — и тяжбы нет в народе:
Живем в любви на отческой свободе.

10

К тебе идем на суд, на княжий двор
Все с радостью: и смерд и горожанин.
Пойдешь в поход, — тиун твой судит нас,
А не мирит, как ты, наш миротворец». —
«Нельзя нам ждать, — князь старцу отвечал: —
Дни осени настали, а весною
Не захочу оратая коней
Отторгнуть от невспаханных полей.

11

Вас лях своим считает достояньем:
Он помнит дань Червенских городов.
Нет, вёрьте мне: в душе его коварной
Не дремлет месть, он не забудет ввек,
Как нашу Русь от половцев спасая,
Навел я их на Польшу; как поля
Опустошал я хищными полками
И села жег, губя врагов врагами.

12

Но снова лях послышит грозный клик:
На помощь звал я торков, берендеев
И половцев союзных племена;
Навстречу им я с младшею дружиной
Иду на Днепр и буйные толпы
Сам проведу чрез русские пределы;
Настигну вас, и с бугских берегов
Мы дружно все нахлынем на врагов».

13

Князь Василько окинул всех очами,
И, поклонясь народу, в гридню он
С дружиною при кликах возвратился.
Все разошлись обратно по домам;
Младые, сняв со стен мечи и копья,
Острили их, и холили коней,
Да слушали, когда отцы и деды
Вели рассказ про прежние победы.

14

Оседлан конь княжо́й; он у крыльца
Храпит и ржет, по всаднике тоскуя;
Грызет он сталь и мечет гордый взор
На конный строй, оружием блестящий.
Как жар, глаза его сверкают. Под уздцы
Два отрока его, лаская, держат,

И, под седлом играя, бурый конь
Горит в златых отливах, как огонь.

15

Весь сонм бояр нисходит по ступеням;
Но князя нет. В божницу он вошел
Обнять свою Мстиславну на прощанье;
Он к ней вступил, и всплакалась она.
«Ты едешь? ты не тронулся ручьями
Горючих слез? меня тебе не жаль,
Не жаль меня, предчувствием томимой.
Теперь не я, а меч — твой друг любимый».

16

Огонь течет — не слезы — из очей!
«Сердечный друг! нет, ты меня не любишь!
Не веришь мне! — не верь, а ждет гроза!
Вчера мои две девушки сенные
К ворожее ходили: «Черный путь!»
Заснула я, но смутное виденье,
Зловещий сон мою встревожил грудь,
И слышалось впросонье: «Черный путь!»

17

Не знаю я, сороки или ведьмы,
Но злую весть на утренней заре
Над теремом вещуньи щекотали:
„Не быть добру"». — «Ни слов, ни темных сил
Не бойся! Я проездом через Киев
Свершу обет; молебен отслужу
В обители святого Михаила:
Нас осенит покров его и сила.

18

Я помолюсь, и даст победу нам
Заступник мой, небесный воевода». —
«Так едешь ты? Но вспомни — нас господь
Благословил: в себе ношу я бремя!

Твой первенец родится в божий мир
Не при тебе; и кто же первый взглянет
На твоего младенца?» Слов своих
Не кончила, невольно голос стих.

19

Она, вздохнув, к его груди припала
И, как дитя, слезами залилась.
«Не плачь! поход на ляхов не продлится...»
Но слово сам едва договорил...
Главою к ней склонился, обнял друга,
Поцеловал в чело, перекрестил,
И, скрыв в душе кручины тяжкой бремя,
Сошел, ступил в серебряное стремя.

20

Двор застучал от топота копыт.
Дыханье занялось в груди Мстиславны;
Из терема взглянула — нет его.
Последний строй, ряд отроков и гридней,
В тесовые теснился ворота,
Напутствия по стогнам раздавались,
Двор опустел — но в опустелый двор
Еще она вперяла тусклый взор.

21

Затих и шум вдали, но жадным слухом
Еще она ловила каждый звук,
И крупные жемчужины катились
С горячих вежд из глубины очей.
Она в тоске упала на колена,
К иконе взор сквозь слезы возвела;
И скорбь души, всю тяготу печали
Ее уста в молитве изливали.

22

Граждане между тем, за строем строй,
На красный двор несли свои доспехи,

За ними вслед раздался стук колес.
Куда везут их брони? На Владимир,
А через день идет и войско в путь.
Три мечника несут княжие латы,
Звенящую кольчугу, шлем стальной,
Украшенный насечкой золотой.

23

Мстиславна сбор услышала походный
И девушку сенную позвала.
«Ты видела: без шлема, без кольчуги
Поехал князь? Он половцам себя
Доверит, как друзьям. Я всё забыла!
Его ли удержать я не могла?
Но на меня дохнула злая сила,
И всё не то я в страхе говорила.

24

Ворожея гадала при тебе?
Скажи мне. . . нет! пусть снова загадает.
Что ж выпало?» — «Она шептала нам:
Беда — как гром: не ждем, откуда грянет!» —
«Так, половцы! .. Мне снилось: в грудь его
Вонзился нож, меня обрызгал кровью;
Ощупала рукою, — но по мне
Лишь капли слез струились в чудном сне.

25

Меня, мое дитя — он всё оставил.
Зачем народ не умолил его?
А я? Зачем в беспамятстве разлуки
Я именем господним, всех святых,
К ногам припав, его не заклинала?
Но поздно! Он на киевском пути,
Взметая пыль с летучею дружиной,
Уже моей не тронется кручиной».

1

Красуется престольный Киев-град,
Одушевлен народным ликованьем:
Веселый, громкий гул колоколов
Расходится, как влаги круг струистый;
И звуки сурн и бубнов, слитый шум
Всех голосов, всех кликов благодарных,
Благих небес достойный фимиам,
Соединясь, восходит к небесам.

2

Во всех церквах хвалу господню пели
За крестный мир, за светлый съезд князей.
Толпы граждан по граду волновались
Из края в край; во храмы рои жен
Шли в ферязях камчатных, да краснели
Как маков цвет; а гридни на конях,
Как соколы, по улицам летали
И нищих на княжой обед сзывали.

3

Все собрались на Ярославов двор —
Убогие, и странники, и старцы;
Перекрестясь, уселись вкруг столов;
Дубовые под брашнами трещали.
Добыча смелой ловли — там буй-тур,
Тут кабаны стояли, как живые,
И с влагою искристо-золотой
Одна стопа шипела за другой.

4

Сам ласковый хозяин с турьим рогом
Ходил вокруг и старцам подносил
Кипящий мед из рук своих державных.
За ним и князь Владимирский Давид

И все бояре шли да угощали.
Народ, теснясь, толпился вкруг двора
И повторял гостей веселых клики:
«Да здравствует надолго князь великий!»

5

За трапезой был странник; на челе
Бездомие, быть может, и невзгоды,
А не лета, прорезали бразды.
Взор пламенел из-под склоненной вежды;
В окладистой и черной бороде
Довременно седины пробивались:
Так серебрит луны незримый луч
Окраины широких темных туч.

6

Он встал, когда приблизился державный,
С поклоном тихо встал он со скамьи,
Взглянул, — печаль в очах его сказалась.
«Ты беден? я на радость преложу
Твою печаль: и паволок и злата —
В сей день проси всего!» — «Великий князь!
Я беден, но что у души отъято,
Не возвратит твое княжое злато.

7

Я не тужу о бедности своей;
Богатым я не жил и не родился.
Нет! на сердце иное налегло:
Я вспомнил. . . но зачем тебя печалить
И облако на солнце наводить?» —
«Нет, странник, скорбь поведай мне!» — «Твой образ
Мне брата, князь, напомнил твоего:
Высокий стан и орлий взгляд его.

8

Уже давно нет князя Ярополка!
Он в землю лег, но памятную песнь

Еще сыны Бояна напевают.
Я пел дела, я пел и смерть его;
При мне он пал, я гнался за Нерядцем,
Мой жадный меч убийцы не настиг.
Но вот рубец! на память он остался,
Что честно я за князя подвизался». —

9

«Дай злата, князь! — прервал певца Давид, —
Он от тебя награды ждет за рану». —
«Нет, государь, жду милости иной:
Дозволь твое воспеть гостеприимство.
Пусть, нищие, за хлеб и соль твою
Отплатим мы хоть благодарным словом,
И мой напев, пройдя из уст в уста,
Умчит его в грядущие лета».

10

Запел Боян. В серебряные гусли
Не ударял он легкою рукой,
И с голосом не созвучали струны.
Нет, с хитростью певец, как соловей,
Не сочетал божественного дара.
Лилася песнь, как вольная струя,
По первому порыву, без искусства,
От полноты восторженного чувства.

«Видел я мира сильных князей,
Видел царей пированья;
Но на пиру, но в сонме гостей
Братий Христовых не видел.
Слезы убогих искрами бьют
В чашах шипучего меда.
Гости смеются, весело пьют
Слезы родного народа.

Слава тебе! ты любишь народ,
Чествуешь бедных и старцев.
Слава из рода в будущий род!
Солнышку нашему слава!

Ты с Мономахом Русь умирил
Кроткой, могучей десницей;
Тучи развея, ты озарил
Русское небо денницей.

Слава князьям! но в стае орлов,
Слышите, грает и ворон.
Он напитался туком гробов,
Лоснятся перья от крови.
Очи — красу молодого чела —
Очи, подобны деннице,
Он расклевал, — и кровью орла
Рдеется в орлей станице».

11

Еще стоял осанисто певец,
И черный взор, как молния из мрака,
Сверкал. Глядел он долго на князей.
Народ не знал, хвалить ли, нет Бояна,
И княжих слов в недоуменьи ждал.
Но Святополк безмолвно озирался,
Сгущалась тьма на сумрачном лице,
И в горести забыл он о певце.

12

Он в гридницу медлительной стопою
Идет, склоня угрюмое чело.
И, проводив печального очами,
С упреком все взглянули на певца.
Зачем он пир расстроил? .. За державным
Один Давид последовать дерзнул,
Пытал лица, очей его движенье
И наконец промолвил утешенье:

13

«Я ближний твой по крови; кто иной
От всей души твое разделит горе?
Мне был он по тебе дороже всех,
И долго сам я сетовал о падшем.

Открой же мне всю душу: я твой друг!
Излей печаль о брате Ярополке,
И будет нам отраднее вдвоем
И горевать, и поминать о нем.

14

Господь, господь единый, а не люди,
Тебя и нас утешит. Но к чему
В день пиршества певец, презренный нищий,
На язву яд излил? Что до князей
За дело им?» — «Я за любовь ко брату
Прощаю всё ему. Но что он пел?
Не верю я... Нет! я ли верить стану
Порыву чувств и пылких дум обману!» —

15

«Что песнь!» — «Что песнь? Давид, я сознаюсь,
Мне в душу песнь вдохнула подозренье.
О ком он пел?» — «Ты знаешь, Святополк,
Известно всем, куда бежал Нерядец». —
«Куда бежал!.. но быть не может, князь,
Не может быть. Как, дети Ростислава —
Убийцы? нет, они в крови родной
Не обагрят руки своей честной». —

16

«Я думал, что ты знаешь, мне казалось,
Скрываешь ты в груди своей вражду
Для тишины отчизны». — «Я? До гроба
Я буду мстить за брата моего,
До гроба мстить, и до последней капли
Я выпью кровь убийцы... Бедный брат!
Ты юный пал, душой и станом красный,
И не в бою померкнул взор твой ясный.

17

Но мне твоим не верится словам.
Скорее все, чем дети Ростислава...

Не верю!» — «Я напомню, Святополк:
Ты требовал от них главы Нерядца?» —
«Я требовал, и был бы выдан он,
Но он бежал». — «Живет он в Теребовле». —
«Как? Василько... убийцу... в свой удел...
Не принял, нет! не он его призрел...

18

Холодный пот с раздумья проступает;
Скажи мне, князь, ужели Василько?
Пусть Володарь, умерший брат их, Рюрик —
Но тот ли, кто и славим и любим...» —
«Он черни льстит на вече, а дружина
За то его возносит до небес,
Что, с юных лет ее послушный кличу,
Водил ее успешно на добычу.

19

Да что народ! пусть славит он его;
Из гроба нам не вызвать Ярополка»...
И взорами впился в его чело:
Он жадно зрел, как дума тяжелела.
В помост глаза уставя, Святополк
Безмолвен был. Он шевелил устами;
От смутных дум горела голова,
Но на устах не строились слова.

20

По гриднице поспешными шагами
Прошел. «Меня сомненье тяготит;
Где нищий?» — «Князь, ты нищему доверишь?
Ему ли знать, он темный человек». —
«А ты, Давид, как знаешь?» — «Я? От многих...
От Туряка... но вспомни, Святополк,
Мы поклялись пред всеми, на налое,
Блюсти любовь и Русь хранить в покое.

21

И первый ты! Забудь же месть свою». —
«Мне брат, мне кровь его дороже мира.
Не буду я покоен... не могу
Покойным быть, пока я не открою
Всей тайны. Не томи: скажи мне всё...
Нет! ты не любишь брата... Из могилы
Он молит! к нам возносит скорбный глас:
Не брань, Давид, на месть зовет он нас.

22

Он предо мной стоит окровавленный...
Ты побледнел, Давид? ты сам в лице
От жалости и гнева изменился.
Клянись же, дай обет, что будешь мстить
Как друг, как брат!» — «Я помню Ярополка!
А на душу греха я не приму;
Не навлеку на имя укоризны,
Что первый я нарушил мир отчизны». —

23

«Так вот, Давид, твоя любовь ко мне?» —
«Поверь мне, что я предан всей душою
Тебе, мой брат старейший, но как друг
Не растравлю твоей сердечной язвы.
И так сказал я лишнее». — «Постой!
Иди! Ты стал душою слаб». И долго
Ходил один по гриднице пустой
То быстрою, то медленной стопой.

24

Луна взошла на вышину лазури
И сыплет свет с безоблачных небес
И на венцы Софии величавой,
И на святой Печерский монастырь.
Главы церквей, как звезды, отделились,
Светлея от серебряных лучей,

И Спасу в честь их сонм блистает звездный,
Как и небес сверкающие бездны.

25

Престольный град, по шумном торжестве,
Покоится, как море после бури.
Задумчив Днепр: едва струится он;
В его волнах не плещутся русалки
И песней заунывных не поют;
Их древние приюты опустели,
И крест святой из ясно-синих вод
Изгнал навек подводный хоровод.

26

Уже луна сребристее мерцает,
И сумраки спустилися на Днепр,
Прозрачное накинув покрывало
На горы и на сонный Киев-град.
Недвижим он! И только где Владимир
Крещенья свет излил на свой народ,
Во мраке челн, мелькая под горою,
Колышется, лелеемый волною.

27

Но кто стоит, опершись на весло?
С челна глядит он на высокий берег;
Как тень, другой спустился. В зыбкий челн
Едва ступил: «Узнал ли ты, где нищий?» —
«Я с пиршества княжова шел за ним,
Над ним дышал, но во вратах, внезапно
Отброшенный стремлением толпы,
Уже с трудом следил его стопы.

28

Он скрылся. Я искал еще глазами,
Куда он путь направил; но в толпе
Пестреющей и странников и нищих
Не распознал я рубища его.

Рассыпались полунагие гости,
Остался я один. Но будь храним
Он ведьмами, в вертепах под землею,
Я всё его пристанище открою».

29

Сказал, и челн он оттолкнул веслом;
Ударил им по влаге; отскочило
Оно от волн и с плеском пало вновь.
Челн вышел из-под тени гор прибрежных;
Блеснув, струя змеею развилась,
Дошла до пол-Днепра, и по теченью
Чуть зыблемых, объятых негой волн
Она, светясь, следила легкий челн.

30

Без весел он спускался. Днепр покойно
Качал его, как старец колыбель.
«Ты слышишь ли, Туряк? звучнеет пенье.
Ударь веслом». Протяжно голоса
Исходят из обители Печерской;
В ней луч блеснул; незримая рука
По храму цепь златую протянула,
И полон Днепр молитвенного гула.

31

«Мне тяжело, Туряк!» — «Вернемся, князь». —
«Нет, всё равно: я Спасу неугоден.
В обители еще я утром был;
Давал обет ему придел воздвигнуть;
Что ж отвечал мне схимник Иоанн? —
Лежит ли грех на сердце, — покаянье,
А не сребром обложенный придел
Омоет дух твой от греховных дел». —

32

«Всё мало для монахов! Им хотелось
В твое княжое сердце заглянуть». —

«От схимника я к вещуну поехал,
Но отложил до ночи. Чернецы
Всё видят, знают: разгласят в народе,
Что жертву жгу богам моих отцов...
Как будто и грешно пред небесами
Сегодня знать, что завтра будет с нами.

33

Но будет ли он завтра?..» — «Едет он». —
«Но едет ли на Киев?» — «От Кульмея
Что мне кудесник передал вчера,
Тебе пересказал я, князь, и время
Прибыть ему». — «Презрительный певец
Едва из рук добычи не исторгнул.
Как он метал бесстыдно на меня
Свой мрачный взгляд, исполненный огня!

34

Мне чудилось, что весь народ, все очи
В меня впились!» — «Тут был я, государь,
Я замечал за всеми: на Бояна
Глядел весь мир и взоров не сводил». —
«Я знаю сам, мне только показалось,
Но если б я негласно мог певца...» —
«Чтоб проводить его на новоселье,
Что думать тут? лишь слово, князь, да
зелье...» —

35

«Молчи, Туряк, ты изверг». — «Государь!
Я за тебя готов в огонь и в волны,
И в самый ад». — «Но что бы он ни пел,
Он повод дал к тому, чего я жаждал,
Туряк! Теперь направлен Святополк.
Он позовет тебя, будь скуп на слово —
Я собственной предал его борьбе,
И пламя он раздует сам в себе».

36

«Попал ли зверь, пусть он в тенетах бьется,
Лишь только бы тенет не разорвал». —
«В нужде шепни два слова о Кульмее. . .
Но если нищий раз еще придет?» —
«Два ловчие вблизи двора княжова,
Твои бояре, Лазарь и Василь,
Ждут недруга, и до исхода ночи
Блюдут вокруг недремлющие очи». —

37

«Но если кто увидит слуг моих?
Молва — огонь, чуть вспыхнет, всё обхватит...
Как медлит он! Дождусь ли? Червь забот
Меня томит, как огненная жажда;
Но как свершим, то отдохнем душой:
Наказанный — пред чернию виновен! . .
И в пропасти померкнет без следа
С высот небес упавшая звезда.

38

Что, друг, успех?» — «Всё в мире, князь,
гаданья,
Хоть иноки считают их за грех,
Но жрец теперь нам тайну разгадает.
Мы Выдубич минули». Вправо челн
Направил он. — «Но что за визг и вопли?» —
Спросил Давид. — «Недаром, государь,
Ведется слух давно про эту гору,
Что не тиха в полуночную пору».

39

Еще взмахнул он веслами. «Туряк!
Закинь багор!» — и, челн причалив, оба
Взбираются по крутизне горы,
И, слева обогнув ее вершину,
В ущелье, по уступу, где земля
Обрушилась и поросла кустами,

Сокрылись. Там за камнем тесный ход
В пещеры вел под лоно самых вод.

40

Подземный путь во все концы ветвится,
Сто отзывов в ответ на каждый звук
Грохочет в нем: то своды захохочут,
То всплещут, то завоют. Ведьма путь
Перебежала, громко засвистала,
За свистом свист раздался ей вослед.
«Где путь? земля колеблется под нами.
И я во тьме теряюся очами.

41

Куда ступить?» — «Всё ниже, князь». Блеснул
Им в очи яркий светоч — и не дева
Явилась, не земная красота,
Но с небом ад слилися в обольщенье,
В грозу очей и прелесть гневных уст.
В руке был меч, в другой — пылавший светоч.
И взор блуждал, как слово на устах —
Безумный взор в пленительных очах.

42

Бледна — и грудь под русыми волнами,
Как легкий пламень в трепетной руке,
То падала, то воздымалась снова,
Дыханье прерывалось, и уста,
Когда искали звуков, то привычной
Улыбкою, казалось, расцветут.
«Пришельцы!» — и промчалось слово гнева,
Как первый звук волшебного напева.

43

«Ответ! ответ! потушен ли огонь?» —
«Неугасим», — ответствовал боярин,
И повторил Давид: «Неугасим!» —
«Над сим мечом заветным наших предков

Клянитесь век блюсти святыню тайн!» —
«Клянемся!» — «Если тайну разрешите,
Испепелит вас пламя по частям,
И вихри вас развеют по полям». —

44

«Клянемся!» — Своды клятвы повторили.
Им усмехнулась чудная жена
И, будто не ступая, побежала.
За нею пламя, как светила хвост,
Летело вниз, потухло в легком беге,
И путников объемлет прежний мрак.
Над их челом пронесся звонкий хохот,
И вновь кругом звучит стогульный грохот.

45

И вдоль пути глухие голоса
Из стен пещерных им шептали в уши:
«Храните тайну: если враг про нас
Узнает, мы и сестры обернемся
В станицу птиц ночных и на куски
Когтями растерзаем ваше тело,
И воскресим, и растерзаем вновь,
И высосем предательскую кровь.

46

Клянитесь же и в третий раз!» — «Клянемся!»
Внезапно дверь отверзлась — понеслись
Стремительно навстречу тучи дыма;
Сквозь облако вертеп, как смутный сон,
Открылся: семь кумиров, огнь пред ними,
Кругом богов кружилась цепь старух,
И вкруг нее с веселостью безумной
Цепь юных дев мелькала в пляске шумной.

47

Незримый хор при заклинаньях пел:
«Перун ли в тучах на крылах Стрибога

Промчится, вслед по радуге сойдут
Велéс, бог стад, Купала-плодоносец,
Калядо с миром, Ладо — бог любви,
А где любовь, там благ податель — Даж-бог».
Но смолкнул хор. При входе двух гостей
Распались звенья пляшущих цепей.

Жрец

Добрые гости!

Хор

Добрые гости!
Ведьмы, русалки! снова двойною
Цепью скачите. Вечно меняясь —
Юность и старость, лето — зима
Пляшут, летят двойной вереницей
Вкруг неизменных вечных богов.
Снова летите птица за птицей,
Шумно кружась двойной вереницей!

Жрец Перунов

Кружитесь вкруг вечно живого костра
И пойте вечное проклятье!
Низринут небесный в пучину Днепра —
Проклятье, вечное проклятье!

Все

Проклятье! Вечное проклятье!

Незримый хор

Горят, гремят небесные проклятья.
Божественный в седую бездну пал,
Но верный Днепр принял его в объятья
И влажными устами лобызал
Главу, стопы его святые;
И перед тем, кто вержет гром,
Покорно волны вековые
Поникли трепетным челом.

Перунов жрец

Костер, разметанный врагами,
Пылает снова перед ним!

Пусть тушат хладными устами, —
Священный огнь неугасим!

Все

Священный огнь неугасим.

[Верховный жрец

Перун! Твой огнь, сокрытый под землею,
Из недр ее пылающей рекою
На град преступный потечет,
И пепел стен, и прах неверных братий,
Постигнутых стрелой твоих проклятий,
Как жертву, небу вознесет.]

Хор жрецов

Грудных младенцев, непричастных
Греху отцов,
Несите, ведьмы и русалки,
Пред лик богов!
Мы на костре сожжем начатки
От их волос,
Чтоб сын славян богам славянским
Во славу рос.

Три ведьмы

Мы змеею зашипели
И как вихорь понеслись;
С визгом в теремы влетели,
И детей из колыбели
Мы схватили и взвились.

Все ведьмы

Цепки у ведьмы медвежии лапы,
Легок наш конь-помело,
Свищем и скачем, пока на востоке
Не рассвело.

Русалки

Неслышной стопою
Касаясь земли,
Мы руку с рукою,
Как ветви, сплели.

Мы песнь напевали
И в лунных лучах,
Как тени мелькали
На Лысых горах.
Мы дев заманили
На песенный глас.
Вкруг липы водили,
И с каждой из нас,
Смеясь, целовались
Они сквозь венок,
И с нами сплетались
В русальный кружок.
Вот сходим. Как птицы,
Поем и летим;
Со смехом в светлицы
Порхнем к молодым:
То шепотом сладко
Над люлькой поем,
Поем — и украдкой
Дитя унесем.

Верховный жрец

Святых постриг совершены обряды,
И семь славян богам посвящены!
Да будут их младенческие сны
Исполнены божественной отрады.
Пусть Ладо к ним в видении сойдет,
Пусть им внушит к богам благоговенье —
И сладкое младенчества виденье
Глубоко в душу западет.

Хор жрецов

И пусть с колыбели сердце их дышит
Любовью к богам славянских племен,
Пусть каждый младенец имя услышит,
Святейшее всех небесных имен.

Верховный жрец

Есть небеса над небесами
Превыше молний и громов;
Есть звездный терем над звездами!
И ни единый из богов

Не преступал его порога.
Судьба! — при имени святом
Во прах поникните челом!
Сама судьба есть мысль Белбога!

Все жрецы

Обряд свершен.

Верховный жрец

Теперь распадитесь
Все звенья цепей:
Два гостя, ступите
Пред жертвенный огнь.
Вопрос ваш я знаю,
И дам я ответ...
Русалки и ведьмы!
По дебрям, горам
Вы скачете ночью
Вкруг киевских стен.
Кто прибыл? Кто прибыл?

Русалки

На Рудице стан!

Ведьмы

На Рудице стан!
И чуждому богу
В шелковом шатре
Там молится витязь.

Верховный жрец

Тот бог не спасет!
Запекшейся крови
Возьмите от жертв;
Скачите вкруг стана,
Промчитесь грозой;
От крови, согретой
Дыханием уст,
Вы бросьте три капли
На витязя стан.
Там враг, там гонитель
Славянских богов.

Русалки и ведьмы,
По долам, по горам
Рассейтесь, несите
Погибель врагам.

48

Рассеялись. Один верховный жрец
Остался. «Знать грядущее ли жаждешь?
Иди за мной!» — Давиду он сказал.
И путников сквозь ряд богов проводит.
В священный сумрак тихо сходит он:
Чуть светит луч от тлеющего жара,
В крови стоит пред ними Чернобог,
И черепы повержены у ног.

49

Верховный жрец на угли кинул жупел
И в синий пламень череп положил,
Он шепотом невнятным заклинанья
Над ним читал. Вот череп почернел,
И наконец опепелились кости;
Вот жрец на них перстом следит черты:
«Внимай, Давид, благоговейным слухом:
Успех тому, кто бодр и силен духом!

50

Кто чашу яда смело поднесет
И даст врагу испить ее до капли!
Тебе есть путь, но нет полупути:
От робкого и боги отлетают». —
«На всё готов, — ответствовал Давид
В смятеньи. — Я ручаюсь за начало!
Но что конец... как низкие рабы,
Мы при конце зависим от судьбы».

51

«В свидетели приемлю Чернобога,
Давид! Черты по черепу легли

Во зна́мёнье желанного успеха;
Но вспомни: не пришлец из чуждых стран,
Но бог родной успех тебе дарует,
Но бог славян, его ж отвергла Русь,
Затем, чтоб нам, питомцам бранной славы,
Бессильный грек, наш данник, дал уставы;

52

Признай, люби отеческих богов:
Клянись!» — Давид невольно поднял руку,
Но, как свинец, отяжелела длань
И на плечо боярина упала;
Туряк взглянул с усмешкой на него.
«Ужель тебя христьянский рай чарует? —
Воскликнул жрец. — Но там, средь чернецов,
Ты будешь сир и чужд своих отцов.

53

Закон христьян не доблесть, а смиренье.
Уже народ женоподобен стал,
И прежде всех сам древний князь Владимир,
Вот первый бич. Еще иной грозит!
С зари восходят тучи! Обратитесь!
Уже кует оковы гневный бог
И превратит всю Русь с ее князьями
В развалины, сцепленные бичами».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Уже давно палаты Святополка
Могильная объяла тишина
И царствует со сумраками ночи.
Лениво сон на стольный Киев-град
Склонил свои распущенные крылья.
Но Святополк не дремлет; он горит,
Он от себя с усильем гонит думу
И в тишине еще внимает шуму.

2

«Как он любим, как он любим, Давид!
Еще мне вече в слухе раздается...»
(Так молвил он. Давид стоял пред ним
И наблюдал души его порывы.)
«Я сам ушел; всё вече разошлось
По Киеву; но доходили клики
Еще ко мне, среди моих палат,
Гремя, как в тучах грома перекат.

3

Несносный гул! всё слышу те же клики!..
Зачем давно ты не пришел ко мне, —
В тот самый миг, как распустил я вече?..
Я ждал тебя, твоих советов ждал». —
«Но, Святополк, с дружиною до ночи
Ты в гриднице гремел против граждан,
И в шуме слов, в пылу негодованья,
Не мог вести со мною совещанья.

4

Я лишний был. Теперь уже пора
Не слов, а дела». — «Мне одно осталось,
Давид!.. пустить на волю!.. Весь народ
Заступится за князя. Из темницы
Он мне назло исторгнет Василька...
Как думаешь?.. Велю я снять оковы!» —
«Но прежде, чем освободишь его,
Сойдешь ли, князь, с престола своего?

5

Советую сойти тебе с престола:
Уже он ков замыслил на тебя,
Но не имел к тому еще предлога.
Теперь на всё решится: есть предлог, —
И на престол он ступит из поруба!
Тогда иной услышишь гул. Народ
Изменой не почтет своей измены
И кликами поколебает стены.

6

Вся чернь воскликнет: «Мы спасли его,
Мы совлекли оковы: он невинен,
Он праведник, наш светлый Василько!»
И станет гнать тебя, как вероломца:
Себя почтет преступный твой народ
Твоим судьей, поставленным от бога,
И будешь из земли конца в конец
Скитаться, как несчастный твой отец». —

7

«Не допущу себя до посрамленья,
Давид! Но я, хотя и убежден
В душе, как ты, что Василько преступен...
Но... если он невинен? ..» — «Поздно, князь!
Зачем, зачем ты прежде не размыслил,
Пока его еще не оскорблял?
В порубе он, оковами тягчимый,
Уже горит враждой непримиримой.

8

Теперь всё поздно, князь! Невинен он?
То будет месть грознее. Он невинен?..
Пусть выйдет из темницы: глас его
Во все концы по Руси пронесется:
Что истины сильнее? — созовет
Поборников своей правдивой мести,
Придет вся Русь по долгу, из любви
И утолит себя в твоей крови.

9

Кого мы раз в сей жизни оскорбили,
Того должны стереть с лица земли.
Тебе нельзя признать его невинным; —
Но, впрочем, я, как ты, уверен, князь,
Что он вполне преступен». — «Я не знаю,
Давид, на что решиться. Не могу

Убить его; держать его — не смею,
И в мыслях я, теряясь, цепенею.

10

Давид! уже мятежный веча клик
Напомнил мне, что было за Всеслава...» —
«Желаешь, князь? Я увезу его:
На всё готов для брата и для друга». —
«Вези его... он как игла в очах...
Вези скорее, делай с ним что знаешь...
Вон, вон отсюда! Он несносен мне,
Я убежден во всей его вине...»

11

Грядами туч заволокло всё небо;
В безмерном мраке светят два огня,
Два светоча горят перед порубом.
Темничные затворы в тишине
Внезапно загремели. Князь очнулся.
По сладостной молитве он дремал.
Мстиславне-другу в тихом сновиденьи
Его уста шептали утешенье.

12

Вошел Туряк, и четверо за ним,
И осветил темницу яркий светоч.
«Иди за нами, князь; никто, как бог!
Надейся, князь, на кротость государя». —
«Мой Спас — моя надежда. Но меня
Куда теперь ведете?..» — «Ты узнаешь, —
Судьба твоя к решению близка».
И, окружив, выводят Василька.

13

На нем гремят, сшибаяся, оковы,
С трудом стопы передвигает он.
Вот вышел князь; медлительным дыханьем
В себя вдыхает воздух; к небесам

Свой вольный взор с улыбкою возводит,
И с именем заступницы святой,
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился он главою.

14

Уже по стогнам киевским стучат
Тяжелые колеса. Дом за домом
Минуется, но ни единый взор
Во тьме ночной и в тишине безлюдной
Из окон не стремится к Васильку,
Не взглянет на него из состраданья;
Как шумные колеса ни стучат,
Но мирный сон объемлет стольный град.

15

Зачем их стук в сердцах не отозвался,
Защитников собой не пробудил? ..
Проехав чрез ворота Золотые,
Князь Василько прощальный бросил взор
На Киев-град, где братьев он оставил,
Не сняв греха с преступной их души.
Уже с горы быстрее скачут кони:
Помчались, как разбойник от погони.

16

Вкруг узника, по сторонам, Василь
И Лазарь, слуги верные Давида,
И Дмитр, его конюший, и Сновид,
А впереди два то́рчина сидели.
«Куда меня везете?» — «В Теребовль», —
Сказал Василь, и все захохотали,
Сошелся взгляд со взглядом; изо всех
Исходит вновь невольный дикий смех.

17

Князь Василько, взглянув на них с участьем,
От глубины души своей вздохнул.

Но вот за ним раздался конский топот,
Летит как вихорь всадник молодой:
«Мой князь, отец мой крестный! Дайте! Дайте
Мне сесть к нему!» — воскликнул Михаил.
Конь мчится, весь на воздухе; но даром
На скачущих он дышит теплым паром.

18

«Стой, стой!» — еще воскликнул Михаил.
К нему Василь мгновенно обернулся,
И, палицей ударя, сшиб с коня.
Он пал, из горла кровь заклокотала.
«О боже, боже! — узник закричал, —
Как Иова меня ты искушаешь».
И к сыну взор летел сквозь ночи тьму;
Но взор, но крик не доходил к нему.

19

Простыл и след за узником державным.
С небес, затканных темной пеленой,
Луна из туч уныло проглянула
И озарила бледное лицо
Младого Михаила. Он недвижим
Лежал; в руках поводья; верный конь
Его чела касался длинной гривой
И землю рыл ногой нетерпеливой.

20

Шел нищий по дороге. Он едва
В ручьях кровавых отрока завидел,
Бежит к нему стремглав. С испуга конь
Шарахнулся, и Михаил очнулся.
«Где Василько?.. Куда везут его?..
Скажи мне, добрый человек!.. Не знаешь?..
Они меня не взяли. Нет! Злодей
Меня ударил палицей своей». —

21

«Ты отрок Василька? — с участьем нищий
Спросил его и побежал к ручью,
Чело страдальца, грудь его больную
Он освежил студеною волной. —
Что? лучше ли? Тебе рукою дряхлой
Я помогу держаться на коне».
Вот отрок сел, и нищий осторожно
Повел коня к дуброве придорожной.

22

В бору огонь из хижины мерцал.
На стук выходит с дочерью старушка,
И с нищим обе юношу с коня
Снимают; на соломенное ложе,
Внеся его, спускают тихо с рук;
И девушка, как ангел над могилой,
С печалию склонилася над ним
И греет грудь дыханием своим.

23

«Людей нашли мы добрых, — молвил нищий, —
Теперь прости! я шел, как ты, вослед
За Васильком. Спешу! про всё узнаю,
И в Теребовль на крыльях полечу». —
«Возьми коня, — сказал с усильем отрок,
И впал в забвенье: — конь, мой конь, лети...
Как шибко скачут... Стой!.. Я, князь, с тобою!
Я буду цепь поддерживать рукою...»

24

Уже под нищим скачет борзый конь
По той дороге, где давно со стражей
Проехал светлый узник. Василька
Уже в то время в Белгород примчали.
Во тьме ночной, в глубокой тишине,

Его ввели в истопку, разложили
Пред ним костер, — и торчин Берендей
Выносит нож из-за полы своей.

25

Он точит нож, бросая взгляд на князя.
Тогда заря зарделась в небесах
И на цепях его засеребрилась.
Он, разгадав сквозь сумрак тяжких дум,
Свой горький жребий, встал, взглянул с любовью
На ясную предшественницу дня.
Во всей красе, в одежде разноцветной,
Лила она по небу свет приветный.

26

Идет во всем величии жених
За светлой, за краснеющей невестой.
Пылает солнце, неба исполин,
Живит весь мир, и пламенное око
Встречает взор прощальный Василька.
Как радостен восход по долгой ночи!
И узник в память, с жадностью очей,
Врезает мир, блестящий от лучей.

27

«Как, Спас, ты льешь и свет, и жизнь на
землю!» —
Воскликнув громко, душу всю излил
Он в утренней и пламенной молитве.
Едва окончил, торчин, Дмитр, Сновид,
Все бросились на князя; но цепями
Он их разит, и падают во прах;
Встают — и вновь повержены: оковы —
Врагов, как меч, всегда разить готовы.

28

На крик вбежали двое. На ковер
Они его повергнув и опутав,
На грудь взложили доски: по концам

Сновид и Дмитр, Василь и Лазарь сели.
Он застонал, и затрещала грудь;
Последний светлый взор уж закатился,
Лучи души потухнули в очах,
И замер стон на трепетных устах.

29

Взял торчин нож, готовясь к ослепленью;
Ударил — но не в очи: он лицо
Страдальца перерезал. «Ты неловок», —
Сказал Василь. Краснея, торчин нож
Отер полою; вот его в зеницу
Ввернул: кровь брызнула из-под ножа;
Ввернул его в другую, и ланиты
Уже волной багровою покрыты.

30

Все вышли вон. Остался Василько
Один. — Он на ковре, как труп кровавый,
Недвижим, без дыхания лежал,
И запеклись — не очи, но отверстья;
Чернеют два кровавые пятна.
Ты их, Давид, не смоешь с книги жизни:
Нетленные, они горят на ней,
И пламя мук зажгут в душе твоей!

31

Уже опять мучители страдальца
Сбираются в дорогу. Дмитр, Сновид
Вошли; из глаз слеза у них пробилась.
Вот, завернув его в ковер, несут,
Как мертвого; взложили; скачут кони;
Вот Здвиженск; мост под ними продрожал;
И в дом, к приему путников готовый,
Уже летят по площади торговой.

32

Священник был хозяин дома. Он
Гостей таких не ждал, нет! дыбом волос

Встал на седой, маститой голове.
Внесли ковер; обедать села стража;
Василь совлек сорочку с Василька,
«Смой кровь!» — сказав, хозяйке бросил в руки,
И старица и внемлет и глядит,
Но замер дух, и вся как лист дрожит.

33

И вдруг, спеша, ее на двор выносит,
И держит недвижимо пред собой;
Взрыдала. «Нашим воплем не поможем,
Не плачь, старушка! — нищий ей сказал. —
К чему твой стон? Нет, лучше дай рубашку;
На ней нужна мне кровь...» И, взяв, исчез;
Но старица рыдала; воплей сила
Страдальца из забвенья пробудила.

34

Привстав, — «Где я?» — промолвил тихо он.
«Ты в Здвиженске», — сказал Василь. «Ах,
дайте
Воды испить». За каплей каплю пьет,
Вздохнул, себя ощупал. «Где рубашка? —
Воскликнул он. — Свлекли ее с меня?
Ее зачем вы сняли? Нет, в сорочке,
Нет, я хотел, одетый в кровь мою,
Предстать перед всевышнего судью».

35

И ослабел он снова от усилья.
Пред ним стоял священник: «Помертвел!
Отходит он! Запасными дарами
Я причащу страдальца». — «Но зачем? —
Сказал Василь, — он осужден князьями,
Зачем спасти ты хочешь дух его?» —
«Господь суда от мира не приемлет!» —
Рек старец; но словам никто не внемлет.

36

«Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми страдалец не виновен:
Пройдут князья, пройдет и суд князей,
Но истина на небе и в потомстве
Как солнце просияет». — «Он ума
От старости лишился», — молвил Лазарь,
И вслед за ним захохотал вокруг
Весь дикий сонм князьям покорных слуг.

37

Страдальца путь окончен. Во Владимир
Заранее приехал князь Давид
И тесный дом к приему приготовил:
Он Василька за стражею провел
И в душную, и мрачную темницу.
Зачем, Давид? По сумраке ночей
Уже ему не светится денница,
И целый мир — как мрачная темница!

1829—1830
Чита

ЗОСИМА

Новогородская святопись

1

У Борецкой, у посадницы,
Гости сходятся на пир.
Вот бояре новогóродские
Сели за дубовый стол,
Стол, накрытый браной скатертью.
Носят брашна; зашипя,
Поседело пиво черное;
Следом золотистый мед
Вон из кубков шумно просится.
Разгулялся пир как пир:
Очи светлые заискрились, —
По краям ли звонких чаш
Ходит пена искрометная? —
На устах душа кипит
И теснится в слово красное.
Кто моложе — слова ждет,
А заводят речь — старейшие
Про святый Софии дом:
«Кто на бога, кто на Новгород?» —
Речь бежала вдоль стола.
«Пусть идет на вольный Новгород
Вся могучая Москва:
Наших сил она отведает! —
Вече воями шумит
И горит заморским золотом.
Крепки наши рамена,

А глава у нас — посадница,
Новогородца жена.
Много лет вдове Борецкого!
Слава Марфе! Много лет
С нами жить тебе да здравствовать!»
Марфа, кланяясь гостям,
Целый пир обводит взором,
Все встают и отдают
Ей поклон с радушной важностью.
За столом сидел чернец.
Он, привстав, рукою медленной,
Цепенеющим перстом
На пирующих указывал,
Избирал их и бледнел.
Перстьми грозный остановится —
Побледнеет светлый гость.
Все уста горят вопросами,
Очи в инока впились;
Но в ответ чернец задумался
И склонил свое чело.

2

По народной Новгородской площади
Шел белец с монахом,
А на башне, заливаясь, колокол
Созывал на вече.

«Отчего, — спросил белец у инока, —
На пиру Борецкой
На бояр рукою ты указывал
И бледнел от страха?

Что, Зосима, видел ты за трапезой?»
У отца святого
Запылали очи, прорицанием
Излетело слово.

3

«Скоро их замолкнут ликованья,
Сменят пир иные пированья,
Пированья в их гробах.

Трупы видел я безглавые,
Топора следы кровавые
Мне виднелись на челах.
Колокол, на вече призывающий!
Я услышу гул твой умирающий,
Не воскреснет он в веках.
Поднялась Москва престольная,
И тебя, столица вольная,
Заметет развалин прах».

1829 или 1830 (?)

НЕВЕДОМАЯ СТРАННИЦА

Уже толпа последняя изгнанников
Выходит из родного Новагóрода,
    Выходит на Московский путь.
В толпе идет неведомая женщина,
Горюет, очи ясные заплаканы,
    А слово каждое — любовь.

С небесных уст святое утешение,
Как сок целебный, сходит в душу путников,
    В них оживает свет очей.
Вокруг жены толпа теснится, слушает;
Услышит слово — сердце расширяется
    И усыпляется печаль.

Уже темнеет небо, путь туманится.
Идут... Но в воздух чудная целебница
    С пути подъемлется, как пар.
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, всё летучий стан воздушнее
    И светозарнее чело.

В тумане с нею над главами странников
Не ангелы, но, как она, небесные,
    Мерцая, медленно плывут.
Плывет она, и с неба слово тихое
Спадает, замирает в слухе путников,
    Не прикасаясь до земли.

«Забыта Русью божия посланница.
Мой дом был предан дыму и мечу,
И я, как вы — земли родной изгнанница —
Уже в свой город не слечу.

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.
Но пусть мои три дочери небесные
Утешат бедный мой народ.

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет».

1829 или 1830 (?)

ИОАНН ПРЕПОДОБНЫЙ

(Гробокопатель)

1

Уже дрожит ночей сопутница
Сквозь ветви сосен вековых,
Заговоривших грустным шелестом
Вокруг безмолвия могил.

Под сенью сосен заступ светится
В руках монаха — лунный луч
То серебрится вдоль по заступу,
То, чуть блистая, промолчит.

Устал монах... Могила вырыта.
Облокотясь на заступ свой,
Внимательно с крутого берега
На Волхов труженик глядит.

Проводит взглядом волны темные —
Шумя, пустынные, бегут,
И вновь тяжелый заступ движется.
И вновь расходится земля.

Кому могилу за могилою
Готовит старец? На свой труд
Чернец приходит до полуночи,
Уходит в келью до зари.

2

Не саранчи ли тучи шумные
На нивах поглощают золото?
    Не тучи саранчи!
Что голод ли с повальной язвою
По стогнам рыщет, не нарыщет?
    Не голод и не мор.

Софии поглощает золото,
По стогнам посекает головы
    Московский грозный царь.
Незваный гость приехал в Новгород,
К святой Софии в дом разрушенный
    И там устроил торг.

Он ненасытен: на распутиях,
Вдоль берегов кручинных Волхова,
    Во всех пяти концах,
Везде за бойней бойни строятся,
И человечье мясо режется
    Для грозного царя.

Средь площади, средь волн немеющих
Блестящий круг описан копьями,
    Стоит над плахою палач; —
Безмолвно ждут... вдруг площадь
                                        вскрикнула,
Глухими отозвалось воплями
    Паденье топора.

В толпе монах молился шепотом,
В молитвенном самозабвении
    Он имя называл.
Взглянул... Палач, покрытый кровию,
Держал отсеченную голову
    Над бледною толпой.

Он бросил... и толпа отхлынула.
Палач взял плат... отер им медленно
    Свой каплющий топор,
И поднял снова... Имя новое

Святой отец прерывным шепотом
    В молитве поминал.

Он молится, а трупы падают.
Неутолимой жаждой мучится
    Московский грозный царь.
Везде за бойней бойни строятся
И мечут ночью в волны Волхова
    Безглавые тела.

3

Что, парус, пена ли белеется
На темных Волхова волнах?
На берег пену с трупом вынесло,
И тень спускается к волнам.

Покровом черным труп окинула,
Его взложила на себя
И на берег под ношей влажною
Восходит медленной стопой.

И пена вновь плывет вдоль берега
По темным Волхова волнам,
И тихо тень к реке спускается,
Но пена мимо пронеслась.

Опять плывет... Во тьме по Волхову
Засре́брилася чешуя
Ответно облаку блестящему
В пространном сумраке небес.

Сквозь тучи тихий рог прорезался,
И завиднелись на волнах
Тела безглавые, и головы,
Качаясь медленно, плывут.

Людей развалины разметаны
По полусумрачной реке, —
Течет живая, полна ласкою,
И трупы трепетно несет.

Стоит чернец, склонясь над Волховом,
На плечи он подъемлет труп,
И на берег под ношей влажною
Восходит медленной стопой.

1829 или 1830 (?)

КУТЬЯ

Грозный злобно потешается
В Белокаменной Москве.

Не в палатах разукрашенных,
Не на сладкий царский пир
Были гости тайно созваны.
Тихо сели вдоль стола,
Вдоль стола белодубового.
Серебро ли — чистый снег
Их окладистые бороды;
Их маститое чело
С давних лет не улыбается;
Помутился светлый взор.
У радушного хозяина
Братья кровные в гостях:
Новгородские изгнанники.

Чем он братьев угостит?
Нет, не сахарными яствами,
Не шипучим медом солнечным
Угостил он изгнанных семью.
Прошептали песнь отходную
В память павших в Новегóроде,
И на стол поставил он кутью.

Грозный злобно потешается
В Белокаменной Москве.
В небе тихо молит София
О разметанных сынах.

1829 или 1830 (?)

ОТРЫВОК

(Из «Послов Пскова»)

Посол, погибели предтеча,
Замолк; но звук последних слов
Еще гремел, как шум оков,
В сердцах внимательного веча.
На бледных лицах скорбь и гнев
Сменили миг оцепененья.
Но дьяк, на степени воссев,
Средь вопля, криков и смятенья
Покоен был, ответа ждал
И с оскорбительным терпеньем
Бессилье бури озирал.
Так, не достигнутый волненьем,
Я видел, как за валом вал,
Венчанный пеной, с моря мчался,
Но берегов едва касался,
И с грозным воплем замирал...
. . . .

1829 или 1830 (?)

* * *

Что за кочевья чернеются
   Средь пылающих огней? —
Идут под затворы молодцы
   За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
   Радость и слава!
Весело ляжем живые
   За святую Русь.

Дикие кони стреножены,
   Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
   Видят Русь во сне.
За святую Русь неволя и казни —
   Радость и слава!
Весело ляжем живые
   За святую Русь.

Шепчут деревья над юртами,
   Стража окликает страж, —
Вещий голос сонным слышится
   С родины святой.
За святую Русь неволя и казни —
   Радость и слава!
Весело ляжем живые
   За святую Русь.

Зыблется светом объятая
Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения,
Под навесом юрт.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Спите, <равнины> угрюмые!
Вы забыли, как поют.
Пробудитесь! .. Песни вольные
Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь.

Август 1830

* * *

На грозном приступе, в пылу кровавой битвы
Он нежной матери нигде не забывал;
Он имя сладкое сливал
Со словом искренней молитвы...
Опять увидеть взор очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать к устам уста и руки
Любимой матери своей, —
Вот были все его желанья.
Уже минули дни страданья!
Ее опять увидел он;
Но дни минутные свиданья,
Но их взаимно-сладкий сон
Едва приснился им... и снова
Из-под семейственного крова
Он в край восточный полетел;
Восторгом взор еще горел;
Еще от сладкого волненья
Вздымалась радостная грудь;
И, не докончив сновиденья,
Уже он кончил жизни путь...
Когда в последний час из уст теснился дух,
Он вспомнил с горестью глубокой
О нежной матери, об узнице далекой, —
И с третьим именем потух.

1830 (?)

СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударяя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь; но чувства живые
В диком напеве блещут красой.

Кто же напевы чехинь услышит,
Звучные песни сладостных дев, —
Дышит любовью, славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.
Девы! согласно что́ не поете
Песни святой минувших времен,
В голос единый что́ не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ. СТАРШАЯ ДЕВА

Старшая дочь в семействе Славяна
Всех превзошла величием стана;
Славой гремит, но грустно поет.
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле!
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши с меньши́ми сестрами —
И хоровод веди за собой!
Дружно сплетая руки с руками,
Сладкую песню с ними запой!

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

1830 (?)

ДВА ОБРАЗА

Мне в ранней юности два образа предстали
И, вечно ясные, над сумрачным путем
Слились в созвездие, светились сквозь печали
И согревали дух живительным лучом.

Я возносился к ним с молитвой благодарной,
Следил их мирный свет и жаждал их огня,
И каждая черта красы их светозарной
Запала в душу мне и врезалась в меня.

Я мира не узнал в отливе их сиянья —
Казалось, предо мной открылся мир чудес;
Он их лучами цвел; и блеск всего созданья
Был отсвет образов, светивших мне с небес.

И жаждал я на всё пролить их вдохновенье,
Блестящий ими путь сквозь бури провести...
Я в море бросился, и бурное волненье
Пловца умчало вдаль по шумному пути.

Светились две звезды, я видел их сквозь тучи;
Я ими взор поил; но встал девятый вал,
На влажную главу подъял меня могучий,
Меня, недвижного, понес он и примчал, —

И с пеной выбросил в могильную пустыню...
Что шаг — то гроб, на жизнь — ответной жизни нет;

Но я еще хранил души моей святыню,
Заветных образов небесный огнь и свет!

Что искрилось в душе, что из души теснилось, —
Всё было их огнем! их луч меня живил;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали две звезды на камни двух могил...

Они рассыпались! они смешались с прахом!
Где образы? Их нет! Я каждую черту
Ловлю, храню в душе и с нежностью и страхом,
Но не могу их слить в живую полноту.

Кто силу воскресит потухших впечатлений
И в образы сведет несвязные черты?
Ловлю все призраки летучих сновидений —
Но в них божественной не блещет красоты.

И только в памяти, как на плитах могилы,
Два имени горят! Когда я их прочту,
Как струны задрожат все жизненные силы,
И вспомню я сквозь сон всю мира красоту!

1830 (?)

* * *

Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит — еще мы живы!

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их!.. Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний.

Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огнь во глубине сердец,
Пять жертв встают пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог! .. А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

13 июля 1831
Петровский завод

* * *

По дороге столбовой
Колокольчик заливается;
Что не парень удалой
Чистым снегом опушается?
Нет, а ласточка летит —
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,
Вся душою в даль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено,
Сердце надвое не делится, —
Разрывается оно...
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В думе мыслит красна девица. —

Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица!
Занеси в его тюрьму...
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я — и к нему
Притаюсь, людьми забытая!»

Сентябрь 1831 (?)
Петровский завод

СЕН-БЕРНАР

Во льдя́ных шлемах великаны
Стоят, теряясь в небесах,
И молний полные колчаны
Гремят на крепких раменах;
Туманы зыбкими грядами,
Как пояс, стан их облегли,
И расступилась грудь земли
Под их гранитными стопами.

Храните благодатный юг,
Соединясь в заветный полукруг,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы из века в век
Источники вечно шумящих рек
И нежно-злачные Ломбардии долины.

Кто мчится к Альпам? Кто летит
На огненном питомце Нила?
В очах покойных взор горит,
Души неодолимой сила!
В нем зреет новая борьба,
Грядущий ряд побед летучих;
И неизбежны, как судьба,
Решенья дум его могучих.

С коня сошел он. Чуя бой,
Воскликнул Сен-Бернар: «Кто мой покой
Нарушить смел?» Он рек — и шумная лавина
Ниспала и зарыла дол;

Протяжно вслед за гулом гул пошел,
И Альпы слили в гром глаголы исполина:

«Я узнаю тебя! Ты с нильских пирамид
Слетел ко мне, орел неутомимый!
Тебя, бессмертный вождь, мучительно томит
Победы глад неутолимый!
И имя, как самум на пламенных песках,
Шумящее губительной грозою,
Ты хочешь впечатлеть железною стопою
В моих нетающих снегах!
Нет, нет! Италии не уступлю без боя!» —

«Вперед!» — ответ могучий прозвучал...
Уже над безднами висит стезя героя,
И вверх по ребрам голых скал,
Где нет когтей следов, где гнезд не вьют орлицы,
Идут полки с доверьем за вождем;
Всходя, цепляются бесстрашных вереницы
И в медных жерлах взносят гром.
Мрачнеет Сен-Бернар; одеян бурной мглою,
Вдруг с треском рушится, то вновь стоит скалою;
Сто уст, сто бездн раскрыв со всех сторон,
Всем мразом смерти дышит он.
«Вперед!» — воскликнул вождь. «Вперед!» — промчались клики.

Редеет мгла, и небо рассвело...
И гордую стопу уже занес Великий
На исполинское чело.

«Италия — твоя! мой чудный победитель!
В лучах блестит Маренго! Цепь побед
По миру прогремит... но встанет крепкий мститель,
И ты на свой наступишь след.
Свершая замыслы всемирного похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибал
С юнеющей судьбой могучего народа
В борьбе неравной шумно пал.

Страшись! уже на клик отечества и славы
Встает народ: он грань твоих путей!..

Всходящая звезда мужающей державы
Уже грозит звезде твоей!..
В полночной мгле, в снегах, есть конь и всадник
медный...
Ударит конь копытами в гранит
И, кинув огнь в сердца, он искрою победной
Твой грозный лавр испепелит!»

1831 (?)

ДИФИРАМБ

Как мирен океан! Заснул, и без движенья
Валы покоятся, как сонные борцы.
Когда пробудится борец тысячеглавый
И вскинет на себя сребристые венцы?

Он жизни ждет. Но нет, не дышит беспредельный.
Ровна, мертва, как степь, пустыня сонных вод.
И целый океан, без зыби, будто капля
Возносит в свод небес свой необъятный свод.

Когда повеет жизнь? И, свежими устами
Зефир касаясь волн, крылами зашумит,
И древний океан спросонья улыбнется,
И легким говором волна заговорит?

Когда повеет жизнь? Ты жаждешь дуновенья,
Тебе томителен невольный твой покой.
Для жизни созданный, для вечного волненья,
Ты мертвою, как раб, окован тишиной.

Твой необъятный труп лежит передо мною.
Но время мертвого покоя протекло,
И вновь усмешкою зазыблилось чело,
Блеснуло жизненной красою.

Заколебались небеса.
За полосою полоса

По морю быстро пробежала
И влагу сонную широко взволновала.

Повеял дух вечерних стран,
Вольнее дышит океан,
Что миг растет его дыханье.
И беспредельного объяло волнованье.

Отяжелел темнеющий обзор,
Весь опоясался грядами,
И мрачных волн, летучих гор
Неперерывными хребтами
Покрылось море; молний луч
Над океаном зазмеился,
Он кровью облил лоно туч
И в грудах бездны отразился.

За блеском блеск кровавый, горы вод
Бегут, горят в крови текучей.
Грохочет небо; гулкий свод
Повис над морем черной тучей.
То вспыхнет влага вся огнем,
Вся дикой жизнию заблещет,
То, как живая под ножом,
Она и стонет и трепещет.

На бурный ветер ветер набежал.
Из рук его он вырвал грозный вал
И зашумел победными крылами.
Боренье бурь завыло над водами.
Не устают воздушные борцы.
Смешались! В чудной пляске мир кружится,
И океан бежит во все концы,
По воле их и мечется и мчится.

Замолкните, ветры! борец не по вас
Зовет вас на битву. Он йздал свой глас.
Он встанет, и небо наполнит собою,
И море утопчет воздушной стопою.

На крыльях бежит ураган.
От страха затих Океан,
Дрожит пред лицом Великана.

Могучий все бури пожрал,
И крепкой стопой утоптал
Седые валы океана.

Замолк. Настала тишина.
Чернеет небо над водою,
И за ленивою волною
С любовью ластится волна.

Сверкая, пенится безбрежная пучина,
Вокруг пустынных скал бездонная шумит.
И там, на теме их, могильный крест стоит.
Там смолкнул бурный глас иного Исполина.
Могучий дух все бури укротил,
Когда явился он в пылу грозы кровавой.
Едва дохнул на мир, и громоносной славой
Свободы голос заглушил.
Втоптал [он в прах] главы нестройного народа,
И в тучах и громах по миру полетел,
И замерла пред ним бессмертная свобода,
И целый мир оцепенел.
. . . .
. . . .
[Я слышу войск бесчисленный (?)] восторг,
Победы радостные клики.
Цари! пред вами пал Великий.
Но кто из рук его вселенную исторг?
Он [*нрзб.*] крепкий дух; но молненное тело
На дальнем Севере во льдах оцепенело.

Он пал, вздохнул и снова поднял стан,
Но высохла навек руки могучей сила.
Вокруг высоких скал бушует океан,
На теме вырыта пустынная могила.

Глубокая настала тишина
В странах, усеянных могильными холмами.
Как благодатна брань! Всемирная война
Связала мир — сдружила племена,
Сроднила их под бранными шатрами.

Напрасно павший вождь царей
Для мира вынес гром цепей

Из бурь народного броженья.
Он своего не понял назначенья
И власть гранитную воздвигнул на песке.

Весь мир хотел он сжать в руке,
Но узами любви соединил народы,
И, увлекаемый таинственной судьбой,
Невольно вытоптал кровавою стопой
Высокий, тайный путь для будущей свободы.

Его уж нет. Костями бранных сил
Цари поля его покрыли,
И ружей блеск сквозь тучи пыли
Обратный путь в отчизну осветил!..

Во все концы летучий прах клубится;
Серея, тянутся сухие облака.
Теперь под ними войск широкая река,
И бесконечно серебрится.

1831 (?)

ВЕНЕРА НЕБЕСНАЯ

Клубится чернь: восторгом безотчетным
Пылает взор бесчисленных очей;
Проходит гул за гулом мимолетным;
Нестройное слияние речей
Растет; но вновь восторг оцепенелый
Сомкнул толпы шумливые уста...
Не мрамор, нет! не камень ярко-белый,
Не хладная богини красота
Иссечена ваятеля рукою;
Но роскошь неги, жизни полнота; —
И что ни взгляд, то новая черта,
Скользя из глаз округлостью живою,
Сквозь нежный мрамор дышит пред толпою.
Все жаждали очами осязать
Сей чудный образ, созданный искусством,
И с трепетным благоговейным чувством
Подножие дыханьем лобызать.
Казалось им: из волн, пред их очами,
Всплывает Дионеи влажный стан
И вкруг нее сам старец-Океан
Еще шумит влюбленными волнами...
Сглянулись в упоеньи: каждый взгляд
Искал в толпе живого соучастья;
Но кто средь них? Чьи очи не горят,
Не тают в светлой влаге сладострастья?
Его чело, его покойный взор
Смутили чернь, и шепотом укор
Пронесся — будто листьев трепетанье.
«Он каменный!» — промолвил кто-то. «Нет,

Завистник он!» — воскликнули в ответ,
И вспыхнула гроза; негодованье,
Шумя, волнует площадь; вкруг него
Толпятся всё теснее и теснее...
«Кто звал тебя на наше празднество́?» —
Гремела чернь. «Он пятна в Дионее
Нашел!» — «Ты богохульник!» — «Пусть резец
Возьмет он: он — ваятель!» — «Я — поэт».
И в руки взял он лиру золотую,
Взглянул с улыбкой ясной, и слегка
До звонких струн дотронулась рука;
Он начал песнь младенчески простую:

«Легкие хоры пленительных дев
Тихо плясали под говор Пелея;
Негу движений я в лиру вдыхал,
Сладостно пел Дионею.

В образ небесный земные красы
Слил я, как звуки в созвучное пенье;
Создал я образ, и верил в него, —
Верил в мою Дионею.

Хоры сокрылись. Царица ночей,
Цинтия томно на небо всходила;
К лире склонясь, я забылся... но вдруг
Замерло сердце: явилась

Дочь океана! Над солнцем Олимп
Светит без тени; так в неге Олимпа,
В светлой любви без земного огня
Таяли очи небесной.

Сон ли я видел? Нет, образ живой;
Долго следил я эфирную поступь,
Взор лучезарный мне в душу запал,
С ним — и мученье и сладость.

Нет, я не в силах для бренных очей
Тканью прозрачной облечь неземную;
Голос немеет в устах... но я весь
Полон Венеры небесной».

1831 или 1832 (?)

ДВА ДУХА

Стоит престол на крыльях: серафимы,
Склоня чело, пылают перед ним;
И океан горит неугасимый —
Бесплотный сонм пред господом своим.
Все духи в дух сливаются единый,
И, как из уст единого певца,
Исходит песнь из солнечной пучины,
Звучит хвалу всемирного творца.
Но где средь волн сияет свет предвечный,
Уже в ответ звучнеют голоса
И, внемля им, стихают небеса,
Как струнный трепет арфы бесконечной...
«Вы созданы без меры и числа
Предвечных уст божественным дыханьем...
И бездна вас с любовью приняла,
Украсилась нетлеющим созданьем.
На чудный труд всевышний вас призвал:
Вам дал он мир, всю будущую вечность —
Но вещества, всю мира бесконечность —
На вечное строенье даровал.
Дольется ваша творческая сила!..
Блудящие нестройные светила
Вводите в путь, как стройный мир земной,
Как Землю. Духа вышнего строенье
Исполните изменчивые тленья
Своею неизменной красотой».
Замолкла песнь. Два духа светлым станом
Блеснули над бесплотным океаном;

Им божий перст на пропасть указал.
Под ними за мелькающей Землею
То тихо, то с порывной быстротою
Два мира, как за валом темный вал,
В бездонной мгле, светилами блестящей,
В теченьи, в вихре солнечных кругов
Катились средь бесчисленных миров,
Бежали — в бесконечности летящей.

Склоняя взор пылающих очей,
Два ангела крылами зашумели,
Низринулись и в бездну полетели,
Светлее звезд, быстрее их лучей.
Минули мир за миром; непрерывно,
Как за волной волна падучих вод,
Всходил пред ними звездный хоровод;
И, наконец, в красе, от века дивной,
Явилась им Земля, как райский сон,
И одного из ангелов пленила.
Над нею долго... тихо... плавал он,
И видел, как божественная сила
Весь мир земной еще животворила.
Везде — черта божественных следов:
Во глубине бушующих валов,
На теме гор, встающих над горами.
Венчанные алмазными венцами,
Они метают пламя из снегов,
Сквозь радуги свергают водопады,
То, вея тихо крыльями прохлады
Из лона сенелиственных лесов,
Теряются в долинах благовонных,
И грозно вновь исходят из валов,
Из-под морей, безбрежных и бездонных.
Душистой пылью, негой всех цветов
И всех стихий величьем и красою,
Летая, ангел крылья отягчил,
И медленно поднялся над Землею,
И в бездну, сквозь златую цепь светил,
Летящий мир очами проводил.
Еще в себе храня очарованье,
Исполненный всех отцветов земных,
Всех образов недвижных и живых,

Он прилетел... и начал мирозданье...
Мир вдвое был обширнее Земли.
По нем живые воды не текли,
Весь мрачный шар был смесью безобразной.
Дух влагу свел и поднял цепи гор,
Вкруг темя их провел венец алмазный,
И на долины кинул ясный взор,
И, вея светозарными крылами,
Усеял их и лесом и цветами.
И Землю вновь, казалось, дух узрел.
Все образы земные вновь предстали,
Его опять собой очаровали, —
Другой же дух еще высоких дел
Не кончил. Он летал. Его дыханье,
Нетленных уст весь животворный жар
Пылал... живил... огромный, мертвый шар.
Изринулись стихии... Мирозданье
Вздрогну́ло... Трепет в недрах пробежал...
Все гласы бурь завыли; но покойно
В борьбе стихий, над перстию нестройной
Дух творческий и плавал и летал...
Покрылся мир палящей лавой; льдины,
Громады льдов растаяли в огне,
Распались на шумящие пучины,
И огнь потух в их мрачной глубине;
Взошли леса, в ответ им зашумели.
Но вкруг лесов, высоких и густых,
Еще остатки пепельные тлели,
Огромные, как цепи гор земных.
Окончил дух... устроил мир обширный...
Взвился... очами обнял целый труд,
И воспарил. Пред непреложный суд
Два ангела предстали. Дух всемирный
С престола встал... Свой бесконечный взор
С высот небес сквозь бездну он простер...
Катится мир, но мир, вблизи прекрасный,
Нестроен был. Всё чуждое цвело,
Но образов и мера, и число
С объемом мира были несогласны.
Узрел господь, и манием перста
Расстроил мир. Земная красота,
Всё чуждое слетело и помчалось,

Сквозь цепь миров с Землею сочеталось.
Другой же мир, как зданье божьих рук,
Юнел. В красе явился он суровой,
Но в бездне он, — ответный звукам звук —
Сияет век одеждой вечно новой,
Чарует вечно юной красотой;
И, облит света горнего лучами,
Бесплотный Зодчий слышал глас святой,
Внимал словам, воспетым небесами:
«Ты к высшему стремился образцу,
И строил труд на вечном основаньи,
И не творенью, но творцу
Ты подражал в своем созданьи».

1831 или 1832 (?)

* * *

Сначала он полком командовал гусарским,
Потом убийцею он вызвался быть царским,
Теперь он зубы рвет
И врет.

1831 или 1832 (?)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Спи, мой младенец,
Милый мой Атий,
Сладко усни!
Пусть к изголовью
Ангел-хранитель
Тихо слетит.

Вот он, незримый,
Люльку качает,
Крылышком мирный
Сон навевает.

Атий, мой Атий
Веянье крыльев
Слышит сквозь сон;
Сладко он дышит,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.

Ангел-хранитель
Люльку качает,
Крылышком тихо
Сон навевает.

Когда же ты, младенец, возъюнеешь,
Окрепнешь телом и душой
И вступишь в мир и мыслию созреешь,
Блеснешь взмужавшей красотой, —

Тогда к тебе сойдет другой хранитель,
    Твой соименный в небесах!
Сей сын земли был вечный небожитель!
    Он сводит небо в чудных снах!
С любовью на тебя свой ясный взор он склонит,
И на тебя дохнет, и в душу огнь заронит!
И очи с трепетом увидят, как в венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется!
Но он, даруя цель земному бытию,
По верному пути стопы твои направит,
Благословит на жизнь, и нет — не смерть свою,
Но только жизнь в завет тебе оставит.

2 июля 1832
Петровский завод

МОЙ НЕПРОБУДНЫЙ СОН

Еще твой образ светлоокой
Стоит и дышит предо мной;
Как в душу он запал глубоко!
Тревожит он ее покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мне на мой далекий путь,
Как старый друг, пожала руку
И мне сказала: «Не забудь!»

Тебя я встретил на мгновенье,
Навек расстался я с тобой!
И всё — как сон! Ужель виденье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновиденье
Играет бедною душой,
Кто даст мне сон без пробужденья?
Нет, лучше смерть и образ твой!

Между 1827 и 1833 (?)

* * *

Тебя уж нет, но я тобою
Еще дышу;
Туда, в лазурь, я за тобою
Спешу, спешу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
В тот лучший мир,
Растаю и с тобой сольюсь я
В один эфир,
Чтоб с неба пасть росой жемчужной,
Алмазом слез
На бедный мир, где крест я дружно
С тобою нес.
Но на земле, блеснув слезами,
Взовьюсь я вновь
Туда, где вечными зарями
Блестит любовь.

Между 1828 и 1835 (?)

* * *

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех,
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.

Я помню липу, нераздельно
Я с нею жил; и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

Как ветви сладостно шептали!
Как отвечал им лепет мой!
Мы будто вместе песнь слагали
С любовью, с радостью одной.

Давно я с липой разлучился;
Она как прежде зелена,
А я? Как стар! Как изменился!
Не молодит меня весна!

Увижу ль липу я родную?
Там мог бы сердце я согреть
И песнь младенчески простую
С тобой, мой добрый друг, запеть.

Ты стар, но листья молодеют,
А люди, люди! Что мне в них?
Чем старей — больше всё черствеют
И чувств стыдятся молодых!

Между 1832 и 1835 (?)

* * *

Как недвижи́мы волны гор,
Обнявших тесно мой обзор
Непроницаемою гранью!
За ними — полный жизни мир,
А здесь — я одинок и сир,
Отдал всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остаток прежних сил,
Теперь в одно я чувство слил,
В любовь к тебе, отец мой нежный,
Чье сердце так еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снежной.

Проснется ль тайный свод небес,
Заговорит ли дальний лес
Иль золотой зашепчет колос —
В луне, в туманной выси гор,
Везде мне видится твой взор,
Везде мне слышится твой голос.

Когда ж об отчий твой порог
Пыль чуждую с иссохших ног
Стрясет твой первенец-изгнанник,
Войдет, растает весь в любовь,
И небо в душу примет вновь,
И на земле не будет странник?

Нет, не входить мне в отчий дом
И не молиться мне с отцом

Перед домашнею иконой;
Не утешать его седин,
Не быть мне от забот, кручин
Его младенцев обороной!

Меня чужбины вихрь умчал
И бросил на девятый вал
Мой челн, скользивший без кормила;
Очнулся я в степи глухой,
Где мне не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

С тех пор, займется ли заря,
Молю я солнышко-царя
И нашу светлую царицу:
Меня, о солнце, воскреси,
И дай мне на святой Руси
Увидеть хоть одну денницу!

Взнеси опять мой бедный челн,
Игралище безумных волн,
На океан твоей державы,
С небес мне кроткий луч пролей
И грешной юности моей
Не помяни ты в царстве славы!

14 апреля 1836
Елань

А. М. ЯНУШКЕВИЧУ,
РАЗДЕЛИВШЕМУ СО МНОЮ ВЕТКУ КИПАРИСОВУЮ С МОГИЛЫ ЛАУРЫ

В странах, где сочны лозы виноградные,
Где воздух, солнце, сень лесов
Дарят живые чувства и отрадные,
И в девах дышит жизнь цветов,
Ты был! — пронес пытливый посох странника
Туда, где бьет Воклюзский ключ...
Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!
И что осталось в память солнца южного?
Одну лишь ветку ты хранил
С могилы Ла́уры: — полный чувства дружного,
И ту со мною разделил!
Так будем же печалями заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг,
И крыльями, для мира незаметными,
Перелетать на чудный юг,
Туда, где дол цветет весною яркою
Под шепот Авиньонских струй
И мысль твоя с Лаурой и Петраркою
Слилась, как нежный поцелуй.

30 августа 1836
Ишим

* * *

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку
И передал мне дружний разговор,
Душе моей знакомый с давних пор;
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их в даль... лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

3 октября 1836
Ишим

* * *

Пусть нежной думой — жизни цветом —
Благоухает твой альбом!
Пусть будет дума та заветом
И верным памяти звеном!

И если кто — альбома данник —
Окончит грустный путь земной
И, лучшей жизни новый странник,
Навек разлу́чится с тобой, —

Взгляни с улыбкою унылой
На мысль, души его завет,
Как на пустынный скромный цвет,
    Цветущий над могилой.

1836 (?)

* * *

Как я давно поэзию оставил!
Я так ее любил! Я черпал в ней
Все радости, усладу скорбных дней,
Когда в снегах пустынных мир я славил,
Его красу и стройность вечных дел,
Господних дел, грядущих к высшей цели
На небе, где мне звезды не яснели,
И на земле, где в узах я коснел,
Я тихо пел пути живого бога
И всей душой его благодарил,
Как ни темна была моя дорога,
Как ни терял я свежесть юных сил...
В поэзии, в глаголах провиденья,
Всепреданный, искал я утешенья —
Живой воды источник я нашел!
Поэзия! — не божий ли глагол,
И пеньем птиц, и бурями воспетый,
То в радугу, то в молнию одетый,
И в цвет полей, и в звездный хоровод,
В порывы туч, и в глубь бездонных вод,
Единый ввек и вечно разнозвучный!
О друг, со мной в печалях неразлучный,
Поэзия! слети и мне повей
Опять твоим божественным дыханьем!
Мой верный друг! когда одним страданьем
Я мерил дни, считал часы ночей, —
Бывало, кто приникнет к изголовью

И шепчет мне, целит меня любовью
И сладостью возвышенных речей?
Слетала ты, мой ангел-утешитель!
Пусть друг сует, столиц животный житель,
Глотая пыль и прозу мостовой,
Небесная, смеется над тобой!
Пусть наш Протей Брамбеус, твой гонитель,
Пути ума усыпав остротой,
Катается по прозе вечно гладкой
И сеет слух, что век проходит твой!
Не знает он поэзии святой,
Поэзии страдательной и сладкой!
В дни черные не нежил твой напев
Его души; его понятен гнев:
Твой райский цвет с его дыханьем вянет,
И на тебя ль одну? — на всё, на всех
Он с горя мечет судорожный смех —
Кроит живых, у мертвых жилы тянет.
Он не росу небес, но яд земли —
Злословье льет, как демон, от бессилья;
Не в небесах следит он орли крылья,
Но только тень их ловит он в пыли,
И только прах несет нам в дар коварный —
Святой Руси приемыш благодарной!
Но нет! в пылу заносчивых страстей
Не убедит причудливый Протей,
Что час пробил свершать по музам тризны,
Что песнь души — игрушка для детей,
И царствует одна лишь проза жизни.
Но в жизни есть минуты, где от мук
Сожмется грудь, и сердцу не до прозы,
Теснится вздох в могучий, чудный звук,
И дрожь бежит, и градом льются слезы...
Мучительный, небесный миг! Поэт
В свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность,
Как сам господь вдохнул в свой божий свет —
В конечный мир — всю духа бесконечность.

Когда шутя наш Менцель лепит воск
И под ногой свой идеал находит,
Бальзака враг, его же лживый лоск
На чуждый нам, наборный слог наводит, —

Поэт горит! из глубины горнил
Текут стихи, — их плавит вдохновенье;
В них дышит мысль, порыв бессмертных сил —
Души творца невольное творенье!

Конец 1836 или начало 1837 (?)

* * *

Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усьмы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Наш взор тонул в зеленом море
Родных полей, и рощей, и холмов.
Там горы тянутся, тут в живописном споре
С лазурью струй сень пышная лесов.
Усьма то скроется в лесу, то вновь проглянет,
Одета, как невеста, в блеск небес,
В объятья кинется, а там опять обманет
Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.
Тут как дитя шалит: то с мельницей играет
И резвится, как белка с колесом,
То остров срядит и, его объемля, засыпает,
Как мысль любви, застигнутая сном;
И сладкий сон ее сияет небесами,
Всей прелестью осенних ясных дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побежит вдоль рощей и полей.
И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрадный спасов крест?

Сентябрь 1837

* * *

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
    И нас, и нас далекий путь влечет...
    Но солнце там души не отогреет
    И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям.

Октябрь—декабрь (?) 1837

1837 года
въ Октябрѣ.

И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно поджидаетъ послѣднимъ новосельемъ;
Но кровью жаркою обрызганный [illegible]кинь
Гостей бездомный прахъ разброситъ по ущельямъ
Грою.

1838 года
въ Сентябрѣ въ Пятигорскѣ. Почеркъ А. И. Одоевскаго.

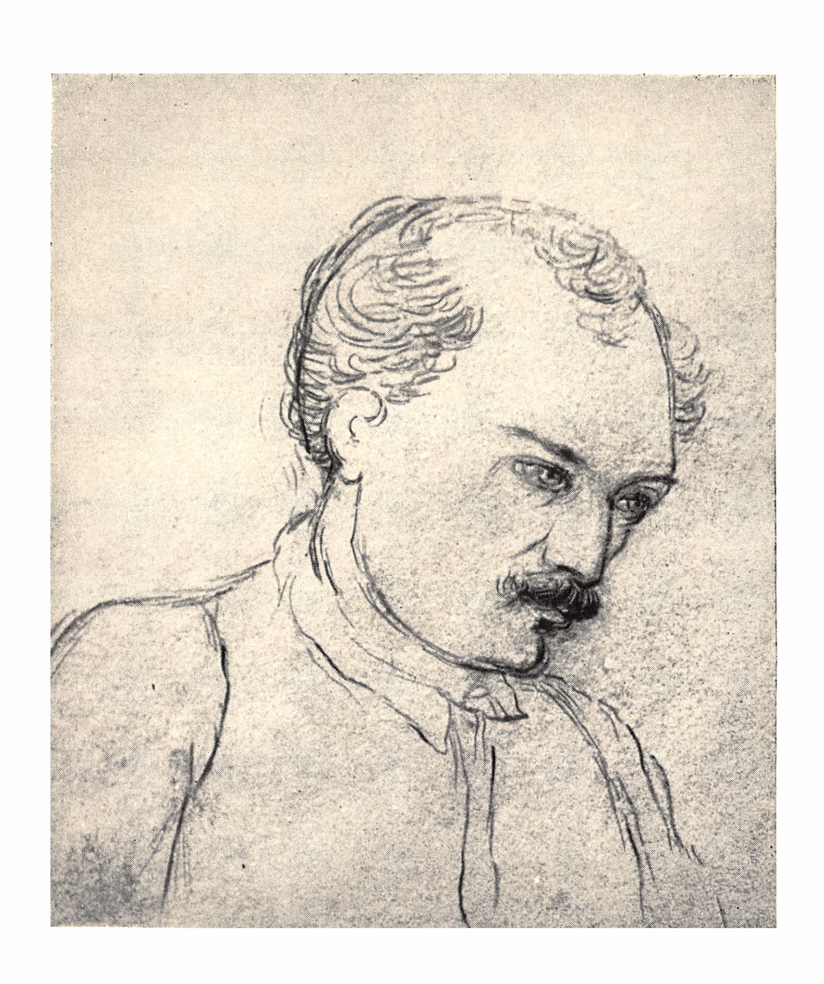
СОЛОВЕЙ И РОЗА

Зачем склонилась так печально,
Что не глядишь ты на меня?
Давно пою и славлю розу,
А ты не слушаешь меня!

— Зачем мне слушать? Слишком громко
Поешь ты про свою любовь.
Мне грустно: ты меня не любишь,
Поешь не для меня одной.

— Но ты, как дева Франкистана,
Не расточай души своей:
Мне одному отдай всю душу!
Тогда я тихо запою.

Конец 1837
Тифлис

МОЯ ПЕРИ

Взгляни, утешь меня усладой мирных дум,
  Степных небес заманчивая Пери!
Во мне грусть тихая сменила бурный шум,
  Остался дым от пламенных поверий.
Теперь, томлю ли грусть в волнении людей,
  Меня смешит их суетная радость;
Ищу я думою подернутых очей;
  Люблю речей задумчивую сладость.
Меня тревожит смех дряхлеющих детей,
  С усмешкою гляжу на них угрюмой.
Но жизнь моя цветет улыбкою твоей,
  Твой ясный взор с моей сроднился думой.
О Пери! улети со мною в небеса,
  В твою отчизну, где всё негой веет,
Где тихо и светло, и времени коса
    Пред цветом жизни цепенеет.
Как облако плывет в иной, прекрасный мир
И тает, просияв вечернею зарею,
Так полечу и я, растаю весь в эфир
И обовью тебя воздушной пеленою.

Февраль 1838
Караагач

БРАК ГРУЗИИ С РУССКИМ ЦАРСТВОМ

Дева черноглазая! Дева чернобровая!
Грузия! дочь и зари, и огня!
Страсть и нега томная, прелесть вечно новая
Дышат в тебе, сожигая меня!

Не томит тебя кручина
Прежних, пасмурных годов!
Много было женихов,
Ты избрала — Исполина!

Вот он идет: по могучим плечам
Пышно бегут светлорусые волны;
Взоры подобны небесным звездам,
Весь он и жизни и крепости полный,
Гордо идет, без щита и меча;
Только с левого плеча,
Зыблясь, падает порфира;
Светл он, как снег; грудь, что степь, широка,
А железная рука
Твердо правит осью мира.

Вышла невеста навстречу; любовь
Зноем полудня зажгла ее кровь;
И, откинув покрывало
От стыдливого чела,
В даль всё глядела, всем звукам внимала,
Там, под Казбеком, в ущелье Дарьяла,
Жениха она ждала.

Гимнъ Грузiи въ Пушкину
Царскомъ.

Дѣва златокудрая! дѣва черноокая
Грузiя! долъ и зари и огня!
Страсть и нѣга томная, прелесть вѣчно-новая
Дышитъ въ тебѣ, солнечная моя.

Не томилась тебѣ Грузiя
Пожизнь, на супругъ царей;
Много было женихов,
Ты избрала — Исполина!

Вотъ онъ идетъ: по могучимъ плечамъ
Пышно бѣгутъ свѣтлорусыя волны;
Взоръ подобенъ небеснымъ звѣздамъ,
Весь онъ и шапки и храбрости полонъ;
Гордо идетъ, безъ щита и меча;
Только и лѣваго плеча
Збывъ, назадъ порфира;

В сладостном восторге с ним повстречалась
    И перстнями поменялась;
    В пене Терека к нему
Бросилась бурно в объятья, припала
Нежно на грудь жениху своему.
Приняла думу, и вся — просияла.
Прошлых веков не тревожься печалью,
Вечно к России любовью гори, —
Слитая с нею, как с бранною сталью
    Пурпур зари.

12 апреля 1838
Тифлис

* * *

Я разлучился в колыбели
С отцом и матерью моей,
И люди грустно песнь запели
О бесприютности моей.

Но жалость их — огонь бесплодный,
Жжет укоризненной слезой;
Лишь дева, ангел земнородный,
Простерла крылья надо мной.

Мне, сирому, ты заменила
Отца и мать, вдали от них,
И вполовину облегчила
Печаль родителей моих.

С отцом и матерью родною
Теперь увиделся я вновь,
Чтоб век меж ними и тобою
Делить сыновнюю любовь.

22 июня 1838
Пятигорск

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ОДОЕВСКОМУ

* * *

Как носятся тучи за ветром осенним,
Я мыслью ношусь за тобою, —
А встречусь — забьется в груди ретивое,
Как лист запоздалый на ветке.

Хотел бы — как небо в глубь синего моря
Смотреть и смотреть тебе в очи,
Приветливой речи, как песни родимой,
В изгнаньи хотел бы послушать!

Но света в пространстве падучей звездою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо, —
И снова не видно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротея...

* * *

На западе подъемлется заря,
На встречу ей кипит народ могучий
И шлет привет наследнику царя,
Сливая гул из всех любви созвучий.
И вздрогнула от радости святой
Вся русская земля, заколебалась:
«К нам будет гость державный, наш родной!»
И мыслью той, как солнцем обновлялась:
«Дум царственных отеческую цель
Исполни, гость, слей душу ты с полсветом!

Вступил он в путь, и Руси колыбель
Он первую почтил своим приветом.
Сам Рюрик-князь, с дружиной удалой,
На Новгород из светозарной тучи
Глядит и пьет из чаши круговой
Янтарный мед, как радость их, шипучий;
А там, нося святыню честных ран,
Монгольских мук нетленное преданье,
Князь Михаил с небес склоняет стан,
Своей Твери он слышит ликованье:
«Нежданный здесь!» У всех забилась грудь,
И Тверь его с любовью угостила,
И вся, как взор один, следила путь,
Где встретит гость иного Михаила.
Витая над обителью святой,
Где Русь нашла единство и спасенье,

Он с неба шлет невидимой рукой
Напутное тебе благословенье.

Он предок твой, Петра высокий дед,
Кем лжецарей окончен пир кровавый.
Родник всех дел великих, всех побед,
И первый луч неугасимой славы.
Взгляни: волной сменяется волна,
Тесна для них широкая дорога;
Спешат к тебе всей Руси племена
Твой встретить взор и громко славят бога.
Что град, что весь, — всё здравый русский ум,
Плоды труда и русское приволье;
Для чувств добра, для благотворных дум
Везде царю роскошное раздолье.

И где предел? Там — гранью Арарат,
Тут — вечных льдов полярные громады,
И та же мысль всё движет: все горят,
Ждут на всю жизнь одной себе отрады.

Но здесь — чья тень? Кто в думу погружен?
Над Иртышем стоит Ермак печальный.
Всё скорбь одна его тревожит сон,
Опальный сон: обрел он край опальный.
Века идут, о берег бьется вал,
И каждый вал приносит плач изгнанья.
Не край, а мир Ермак завоевал,
Но той страны страшатся и названья.

Взирай: крутит Иртыш; до крайних стран
Промчалась весть, за нею ликований
Несется гром, и льдяный Океан
Заискрился от радужных сияний.
Слилась Сибирь в гимн радости; сердца
В ее сынах забились русской кровью,
Боготворя отечества отца, —
К тебе они исполнены любовью.
Сибирь стрясла двухвековой укор
И — вся восторг — к стопам твоим припала.
Как сладостен ей первый царский взор!
Твой взор блеснул, и рушилась опала.

Минула ночь: от солнца тьма бежит;
Теперь Сибирь не та же ли Россия?
Уж гостя нет! но вся еще дрожит,
Храня о нем предания святые.
Уж гостя нет! Куда ж далекий путь
Лежит царя возлюбленному сыну?
Туда, где Русь ему откроет грудь
И крепкий дуб окажет сердцевину,
Приволжие — горнило русских сил,
Где Нижний-град разгул готовит царский
И где четой хранительных светил
Нам светятся и Минин и Пожарский.

А там, как Рим, разлегшись на холмах,
Взнося тьмы глав, святыни украшенье,
Москва хранит их памятник в стенах,
Как вечное потомства вдохновенье.
Спасенья град, где враг великий пал,
Чья длань грозой победною владела;
Святый костер, где гибли лях и галл
И дважды Русь как феникс возъюнела,
Москва! Москва! В чьем русском сердце нет
Отзывных чувств на клик сей величавый?
Она блестит и славой древних лет,
И твоего рожденья юной славой;
Свой первый взор ты кинул на Москву,
Твой первый звук отгрянул в них громами,
Внемли ж ее восторженному зву
И озари престольную очами,
Всей юностью и красотой,
Ее надежд небесным исполненьем!
Святи ж и будь нам радостной судьбой,
Нас радуй всех безоблачным воззреньем.

Но подвиг твой не кончен! Не свершен
Возвышенный урок самодержавья.
Ты слышишь ли печерский звон
Над первою купелью православья?
Туда твой путь: во сретенье спешит
Весь Киев-град веселыми толпами.
И самый Днепр торжественно шумит
Под мирными обители стенами.

Лазурь небес раскрылась над тобой.
Сплетясь в венцы, горят лучи златые,
И райскою сияют в них красой
России всей хранители святые;
Ко господу возносятся хвалой
Апостол-князь и все светила веры,
И вторят им из глубины земной
Угодников священные пещеры.
От бога — власть и в господе предел
Путей земных и всех благих деяний.
Конец пути в святыне ты обрел,
Исполнив цель высоких назиданий.

Ждет гостя царь: крылатых сто полков
Приветствуют их сладкое свиданье;
И примет сын награду всех трудов,
Родителей державных целованье.
В тот самый миг, склоня колено в прах,
Взнесет царю чело свое Россия;
Признательность блестит в ее очах,
Уста дрожат от радости немые,
И свежих чувств всей юностью горит,
Могучим вся восторгом пламенеет
И за тебя его благодарит:
Мужаясь в нем, она в тебе юнеет,
Благодарит за свет твоих очей
Царя-отца и кроткую царицу,
Прозрев в тебе бессмертный цвет царей
И будущих судеб своих денницу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

PRIÉRE D'UN PAYSAN RUSSE

Dieu des hommes libres, Dieu fort! J'ai longtemps prié vers le tzar qui est ton représentant sur la terre... Le tzar n'a pas écouté ma plainte... il se fait tant de bruit autour de son Trône!

Si, comme nos prêtres le disent, l'esclave est aussi ta créature, ne le condamne point sans l'entendre, comme le font les boyards et les serviteurs des boyards.

J'ai arrosé la terre de mes sueurs, mais rien de ce que la terre produit n'appartient à l'esclave. Cependant, nos maîtres nous comptent par âmes; ils ne devraient compter que nos bras.

Ma fiancée était belle,— ils l'ont envoyée à Moscou dans la maison de notre jeune maître: alors je me suis dit: il y a un Dieu pour l'oiseau, pour les plantes, il n'y a point de Dieu pour l'esclave!

Pardonne-moi dans ta miséricorde, ô mon Dieu! Je voulais te prier, et voilà que je t'accuse![1]

---

[1] Перевод см. на стр. 5.

ПРИМЕЧАНИЯ

В данное издание входят все известные в настоящее время произведения А. И. Одоевского.

Издание стихотворений Одоевского представляет особую трудность. Несмотря на свидетельства друзей поэта о «многих тысячах» написанных им стихов, до нас дошло лишь несколько более трех тысяч его стихотворных строк. Одоевский редко сам записывал свои стихи; чаще — диктовал их, а многое, очевидно, только импровизировал. Так было на каторге, на Кавказе. До 14 декабря 1825 г. дело обстояло иначе: «Стихи пишу и весьма много бумаги мараю не только в продолжение года, но даже ежедневно, смотря по вдохновению», — сообщал он В. Ф. Одоевскому в 1824 г. Но, записывал ли он сам или диктовал, Одоевский неоднократно перерабатывал свои стихи, исправлял их, постоянно оставался неудовлетворен и немало своих произведений сам же уничтожал. До 14 декабря 1825 г. он ничего в печать не отдавал, за исключением одной критической статьи.[1] После 14 декабря известна лишь одна попытка П. А. Му-

[1] «О трагедии «Венцеслав», сочинение Ротру, переделанной г. Жандром» («Сын отечества», 1825, № 1, стр. 100—105, подпись: А. О.). Авторство Одоевского засвидетельствовано В. К. Кюхельбекером (см. «Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., 1929, стр. 105). В издании произведений Одоевского 1934 г. статья помещена в числе приписываемых ему сочинений, хотя в комментарии никаких сомнений в авторстве Одоевского не высказано. М. К. Азадовский предполагал, что статья приписана Одоевскому Кюхельбекером по догадке, на основании сходства инициалов, и вопрос об авторстве Одоевского решал отрицательно, т. к. в том же году в «Сыне отечества» другая статья, явно не Одоевского, была подписана теми же инициалами (см. М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов. «Литературное наследство», № 59. М., 1954, стр. 772). Но Кюхельбекер именно в 1825 г. был дружен с Одоевским, жил у него на квартире; сближали их, прежде всего, литературные интересы; сам Кюхельбекер в 1824—1825 гг. не раз печатался в «Сыне отечества», — все это решительно не позволяет даже предположить, чтобы он не знал твердо, кем написана статья о русском стихосложении (поводом для которой, тем более, послужил перевод, выполненный А. А. Жандром — близким другом А. С. Грибоедова и Одоевского).

ханова — надо думать, с ведома Одоевского — напечатать несколько его стихотворений (см. ниже).

Наконец, многое, записанное друзьями Одоевского, погибло в условиях тюрьмы и ссылки, а также и впоследствии. Какие произведения Одоевского не сохранились, невозможно сказать даже приблизительно. Известно, во всяком случае, что не дошли до нас написанные им в 1823 г. стихотворение «К товарищам», в 1824 г. — «К юности», стихотворение «Безжизненный град», стихи, посвященные Никите Муравьеву как президенту Северного общества, 3-я песнь поэмы «Василько», тюремная песня на голос «Во саду ли, в огороде. . .», ряд эпиграмм, стихотворение, посвященное М. Л. Огаревой, предсмертная импровизация о лечившем Одоевского молодом враче (подробный обзор сведений о не дошедших до нас произведениях Одоевского см. в упомянутой в примечании на стр. 197 работе М. К. Азадовского, стр. 685—686, 700—706, 726, 729). Кроме того, дворовые Одоевских помнили ранние стихотворения Александра Ивановича о липе и о русалках в пруду;[1] есть основание думать, что в 1837—1838 гг. Одоевским было написано второе стихотворение памяти А. С. Грибоедова.[2]

Первым и единственным до сих пор академическим изданием произведений Одоевского было «Полное собрание стихотворений и писем», вышедшее в 1934 г. и подготовленное И. А. Кубасовым, под редакцией Д. Д. Благого.

При подготовке настоящего издания обследованы все известные печатные тексты и рукописи и выявлен ряд новых, не входивших в научный оборот.

Сравнительно с изданием 1934 г., в настоящем сборнике помещено свыше четырехсот ранее неизвестных стихотворных строк Одоевского, причем три стихотворения — «Иоанн Преподобный», «Дифирамб» и «Два духа» — публикуются впервые.

Вместе с тем в данное издание не включены восемь стихотворений, обычно печатавшихся в собраниях произведений Одоевского: «Глетчер», «Лавина», «А. М. П-ой», «Охлаждение», «На приезд в Сибирь наследника цесаревича», «Склонясь рукой на грань Урала. . .», «Вдруг над высями Урала. . .», «Итак, исполнены желанья. . .» (последние четыре стихотворения были объединены в издании 1934 г. в одно). Все они принадлежат другим авторам.[3] Кроме того, вызывают серьезные сомнения в авторстве Одоевского стихотворения «Как носятся тучи за ветром осенним. . .» и «На западе подъемлется заря. . .», включавшиеся обычно в основной корпус; здесь они перенесены в раздел приписываемых (подробнее см. в примечаниях к названным стихотворениям).

Вовсе не помещены — даже в числе приписываемых — «Песня» («Бывало, в доме преобширном. . .»),[4] «Луна» («Тебя ли вижу из

---

[1] См. запись краеведа М. Орлова. Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 368, оп. I, ед. хр. 2.

[2] См. А. Е. Розен. Записки декабриста. М., 1907, стр. 243.

[3] См. наше сообщение «Мнимые стихотворения А. И. Одоевского». Сб. «Декабристы и их время». Л., 1951, стр. 204—213.

[4] См. издание 1934 г., стр. 246—247, 411.

окна. . .») [1] и так называемые стихи о наводнении («И день настал, и истощилось. . .»). Для приписывания их Одоевскому нет решительно никаких оснований. Ввиду большого интереса, который вызывает отрывок «И день настал, и истощилось. . .», мы считаем необходимым остановиться на нем несколько подробнее.

Отрывок этот был опубликован в журнале «Былое» (1906, № 5, стр. 1—2) по списку Н. И. Второва, собирателя 40—50-х годов, как принадлежащий М. Ю. Лермонтову (первые четыре строки печатались и ранее в некоторых собраниях его сочинений). Основываясь на том, что Д. И. Завалишин вспоминал о «дифирамбе на наводнение» Одоевского, Н. О. Лернер в 1925 г., в статье «Мелочи прошлого. IV. Стихи о наводнении», приписал этот отрывок Одоевскому. [2] С тех пор в изданиях сочинений Лермонтова эти стихи не печатаются даже в разделе «Dubia». В собрании сочинений Одоевского, в числе приписываемых, оно помещено впервые в 1934 г. М. К. Азадовский, в обзоре «Затерянные и утраченные произведения декабристов», категорически отверг возможность авторства Одоевского и подробно аргументировал свою точку зрения. Аргументация М. К. Азадовского сводится к тому, что стихотворение, о котором вспоминал Завалишин, было, судя по его передаче содержания, посвящено действительному наводнению в 1824 г.; между тем в отрывке, о котором идет речь, изображено не наводнение, а революционное восстание, символом которого является наводнение. «Все эти соображения приводят к мысли о невозможности отождествлять упоминаемые Завалишиным стихи о наводнении со стихотворением, обнаруженным в сборнике Второва и четыре первых стиха которого сохранились в автографе Лермонтова. Это — два различных произведения; подлинное же стихотворение Одоевского пока не разыскано». [3] Доводы М. К. Азадовского относительно несоответствия отрывка «И день настал, и истощилось. . .» и стихотворения, о котором вспоминал Д. И. Завалишин, вполне убедительны; это несоответствие отметил также В. Н. Орлов. [4] А ведь это кажущееся соответствие было единственным основанием приписывать отрывок Одоевскому. Но, конечно, Д. И. Завалишин мог и неточно передать содержание «дифирамба» Одоевского. Однако в таком случае гораздо больше оснований видеть в его словах воспоминание о стихотворении, так и озаглавленном: «Дифирамб», впервые печатаемом в данном издании. Вопрос об авторе стихотворения «И день настал, и истощилось. . .» остается открытым.

Из автографов Одоевского известны лишь 24 строки в юношеских письмах к В. Ф. Одоевскому, одно стихотворение 1838 г. и одна строфа из другого стихотворения конца 1837 г. Последние два автографа — без подписи; собственная рука Одоевского засвидетельствована его друзьями — М. М. Нарышкиным и А. Е. Розеном. Одно стихотворение дошло в писарской копии, подписанной Одоевским, одно — в публикации несохранившегося автографа. Все же

---

[1] Рукописный сборник второй половины XIX века. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ОР, № 256.

[2] «Каторга и ссылка», 1925, № 8 (21), стр. 243—247.

[3] «Литературное наследство», № 59. М., 1954, стр. 702—704.

[4] См. сб. «Декабристы». Л., 1951, стр. 638.

остальное дошло до нас лишь в записях (некоторые с поправками, очевидно, самого Одоевского) и в списках.

Любое издание стихотворений Одоевского поэтому в какой-то мере гипотетично; понятие канонического текста здесь неприменимо; понятие последней авторской воли весьма условно, и можно даже сказать, что часть стихотворений печатается, вероятно, в редакции декабристского круга друзей Одоевского.[1] Выбор того или иного варианта, датировка и хронологическая последовательность стихотворений, самая принадлежность их перу Одоевского часто предположительны и нередко требуют детальных мотивировок.

Основными авторитетными источниками для уточнения круга произведений, несомненно принадлежащих Одоевскому, и для установления их текста являлись до сих пор так называемое издание 1883 г. (фактически 1882 г.),[2] в основе которого лежали списки декабриста А. Е. Розена, и две тетради с записями и списками друзей Одоевского по каторге (в частности, П. А. Муханова), хранящиеся ныне в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР.

Издание 1883 г. в течение почти семидесяти лет рассматривалось в целом как подготовленное друзьями поэта, и тем самым принадлежность перу Одоевского всего помещенного в издании 1883 г. не подвергалась сомнению. Между тем в издании этом были объединены стихотворения, имевшиеся в списках у А. Е. Розена, и произведения, добавленные фактическим редактором издания, Г. П. Данилевским, на основании разнообразных источников. Ясно, что авторитетность этих двух частей издания совершенно различна. И действительно, среди произведений, помещенных вслед за собранными А. Е. Розеном, ныне обнаружено несколько чужих стихотворений. Таким образом, авторитетным источником является только та часть издания 1883 г., где опубликовано собрание самого А. Е. Розена.

С другой стороны, общеизвестная добросовестность А. Е. Розена не позволяет усомниться в правдивости его заявления: «Собранные мною стихотворения А. И. Одоевского были им самим прочтены в моей памятной книжке, в Пятигорске, в 1838 году, за год до его кончины. . . .и сам ставил знаки препинания ко всем своим пьесам» (издание 1883 г., стр. 14—15). Существенно, что подобное же утверждение сделано А. Е. Розеном не только в печатном предисловии, но и частным образом: «. . .собранные мною стихотворения Одоевского, им же самим пересмотренные и исправленные в Пятигорске»

---

[1] Характерно, как озаглавил декабрист А. Е. Розен свою тетрадь со списками стихотворений Одоевского: «Стихотворения князя Александра Ивановича Одоевского, сочиненные на память без помощи пера или карандаша, большею частью продиктованные А. П. Беляеву и А. Е. Розену. От переписывания копии с копии встречаются в печати и рукописях ошибки и пропуски. . .» (Институт русской литературы Академии наук. Рукописный отдел, ф. 265, оп. 2, № 1874, л. 1).

[2] Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). Собрал бар. А. Е. Розен. СПб., 1883.

(из письма к М. А. Назимову).[1] А отсюда следует, что тексты А. Е. Розена — безразлично, печатались ли они по копиям или автографам — это, в сущности, последняя авторская редакция, более, таким образом, достоверная, чем даже сохранившиеся записи и списки периода Читы и Петровского завода. Между тем обстоятельство это до сих пор вовсе не принималось в расчет при подготовке всех советских изданий стихотворений Одоевского.

Однако при этом надо учитывать, что издание 1883 г., печатавшееся без непосредственного участия А. Е. Розена (что окончательно подтверждается письмами А. Е. Розена к М. А. Назимову),[2] не могло быть гарантировано от ошибок — от элементарных опечаток и от вполне возможного вмешательства Г. П. Данилевского. Так оно и оказалось. В архиве «Русской старины» (в Институте русской литературы Академии наук СССР) находится тетрадь со списками рукою А. Е. Розена почти всех стихотворений из его собрания, предоставленная им в 1870 г. М. И. Семевскому. До сих пор эти списки не привлекались для подготовки изданий произведений Одоевского. Правда, это не те списки, которые были в руках Одоевского в 1838 г., но тем не менее они, конечно, еще более авторитетны, чем само издание 1883 г. Все разночтения в этом издании объясняются, как это очевидно из сопоставления его со списками А. Е. Розена, типографскими опечатками или недосмотром Г. П. Данилевского. Лишь в одном случае расхождение не может быть этим объяснено — замена стиха 15 в стихотворении «Воскресенье».

Авторитетность текстов А. Е. Розена не распространяется на заглавия и даты, которые у него так часто противоречат прочим источникам, что каждый раз требуют сугубо критического отношения (даты, кроме того, нередко различны в тетради и в издании); впрочем, в приведенном выше заявлении А. Е. Розена о просмотре его записей Одоевским, собственно, ни о датах, ни о заглавиях ничего и не сказано.

Записи и списки друзей Одоевского по каторге (в двух тетрадях) были впервые изучены и введены в научный оборот И. А. Кубасовым и Н. В. Измайловым.[3] Одна тетрадь (сохраняем для нее условное обозначение: тетр. А, принятое в издании 1934 г.)[4] представляет собою в основном черновые, а в отдельных случаях бело-

---

[1] Институт русской литературы Академии наук. Рукописный отдел, ф. 1, оп. 24, ед. хр. 49, л. 108; см. о том же л. 111.

[2] Институт русской литературы Академии наук. Рукописный отдел, Р1, оп. 24, ед. хр. 49.

[3] И. А. Кубасов. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пб., 1922; Н. В. Измайлов. Обзор хранящихся в Академии наук СССР материалов о декабристах. II. Пушкинский Дом. Сб. «Памяти декабристов». III. Л., 1926, стр. 240—241; Н. В. Измайлов. Неизданное стихотворение Одоевского. Примечание. «Атеней», кн. 3. Л., 1926, стр. 28—29; А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л., 1934.

[4] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. Подготовка текста, биографический очерк и комментарии И. А. Кубасова. Вступительная статья и редакция Д. Д. Благого. М., 1934.

вые записи различными почерками пятнадцати стихотворений и отрывков поэмы «Василько», с многочисленными поправками (в 1922 г. И. А. Кубасов и в 1926 г. Н. В. Измайлов ошибочно рассматривали эти записи как автографы, что в 1934 г. было признано самим И. А. Кубасовым). Тетр. А дала множество разночтений к известным уже произведениям Одоевского, семь неизвестных к тому времени стихотворений и три ранее опубликованных без подписи и не входивших в собрания сочинений Одоевского. Обнаруженная в дальнейшем тетрадь из собрания П. И. Бартенева (сохраняем для нее условное обозначение: тетр. Б, принятое в издании 1934 г.) заключает в себе беловые списки, иногда с поправками, скопированные в основном с тетр. А. Здесь находится одно стихотворение, не известное по другим спискам, и ряд разночтений; почти все стихотворения датированы. Эти списки также были сначала приняты за автографы. Оказалось, что именно эта тетрадь была послана П. А. Мухановым в 1829 г. П. А. Вяземскому в надежде на ее опубликование; часть стихотворений, действительно, была опубликована — без подписи А. И. Одоевского и с некоторыми отступлениями от рукописного текста — в «Литературной газете» и в альманахе «Северные цветы».

Подробное описание этих тетрадей и изложение истории проникновения произведений Одоевского в печать (с некоторыми неточностями) см. в статье И. А. Кубасова «Литературное наследие А. И. Одоевского в рукописях и в печати».[1] Необходимо только отметить, что, исходя из посылки тетр. Б в Петербург в 1829 г., И. А. Кубасов считал, будто все находящееся в тетр. А написано не позднее 1829 г. и все это — более ранние редакции сравнительно с тетр. Б. Однако анализ обеих тетрадей показывает, что работа над тетр. А продолжалась и после отправки в Петербург тетр. Б, — но, очевидно, не позднее 1830 г., так как ни одного из известных нам стихотворений периода Петровского завода здесь нет.

Следует также отметить, что почерк Одоевского был крайне неустойчив (достаточно сравнить воспроизведенные в данном издании два автографа, относящиеся к одному и тому же году); недаром обе тетради были сначала приняты за автографические. Поэтому, хотя ряд поправок в тетр. А мы, так же как и И. А. Кубасов, считаем принадлежащими самому Одоевскому, всякий раз в примечаниях мы отмечаем степень вероятности этого предположения.

Из пятидесяти семи произведений, напечатанных в настоящем издании (не считая приписываемых), к текстам А. Е. Розена и к тетрадям А и Б восходят тексты тридцати стихотворений. Из пяти произведений, сохранившихся в автографах и в списке, подписанном Одоевским, два также имеются в списках А. Е. Розена, с тем же текстом.

Остальные источники текстов произведений Одоевского можно разделить на три группы. К более достоверной мы относим записи и списки М. А. Бестужева, П. А. Муханова, И. И. Пущина и секретного архива III Отделения. Менее авторитетны списки других де-

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, стр. 335—349.

кабристов. Особую группу составляют восемь стихотворений, печатавшихся неоднократно в собраниях сочинений Одоевского: «Тебя ли не помнить. . .» (Из Мура), «Недвижимы, как мертвые в гробах. . .» (При известии о польской революции), «Как я давно поэзию оставил! . .» (Поэзия), «Пусть нежной думой — жизни цветом. . .» (В альбом) и обнаруженные нами: «Иоанн Преподобный», «Венера небесная», «Дифирамб», «Два духа». Записи и списки всех этих стихотворений принадлежали друзьям Одоевского, находятся среди списков других его произведений, но не имеют помет об его авторстве (кроме стихотворения «Пусть нежной думой — жизни цветом. . .», которое в одном случае помечено именем Одоевского, а в другом — именем Н. И. Лорера). Таким образом, принадлежность этих восьми стихотворений Одоевскому, в сущности, документально не подтверждена и аргументируется рядом косвенных доказательств.

Заглавия стихотворений, кроме имеющихся в тетр. А и Б, сохранены тогда, когда они подтверждаются несколькими списками, а также в тех случаях, когда самая структура заглавия не позволяет предположить постороннее вмешательство (например, «А. М. Янушкевичу, разделившему со мною ветку кипарисовую»). Указания на разночтения и на поправки в записях и списках даются выборочно; однако невозможность прямого доказательства авторской воли Одоевского заставляет нас приводить ряд вариантов даже для отдельных строк.

Детальные обоснования выбора того или иного варианта даны в примечаниях к отдельным произведениям. При идентичности всех дошедших до нас текстов, стихотворения печатаются по первой публикации, что в примечаниях специально не оговаривается.

Предположительные даты сопровождаются знаком: (?), причем в датах двойных знак вопроса относится не к последнему году, а ко всей дате. Все остальные датировки либо имеются в авторских и авторизованных списках, либо точно установлены.

Орфография в данном издании в основном приведена к современным нормам. Модернизируя пунктуацию, мы старались все же сохранить своеобразие интонации Одоевского, которое можно обнаружить, сопоставляя издание 1883 г. и различные списки.

Слова, зачеркнутые в рукописях, воспроизводятся в квадратных скобках; слова, восстановленные составителем по смыслу, — в угловых скобках.

Ниже, в примечаниях, фамилия Одоевского указывается сокращенно: О.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей.

изд. 1883 г. — Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). Собрал барон Андр. Евг. Розен (с дополнениями и примечаниями издателей <Г. П. Данилевского>, с портретом и facsimile князя А. И. Одоевского). СПб., 1883.

изд. 1934 г. — А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. Подготовка текста, биографический очерк и комментарии И. А. Кубасова. Вступительная статья Д. Д. Благого. М.—Л., 1934.

изд. 1936 г. — А. Одоевский. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания М. Брискмана. Л., 1936 («Библиотека поэта». Малая серия).

изд. 1954 г. — А. И. Одоевский. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Г. Базанова. Л., 1954. («Библиотека поэта». Малая серия).

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). Рукописное отделение.

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство».

ОЗ — «Отечественные записки».

РА — «Русский архив».

РБ — «Русская беседа».

РС — «Русская старина».

сб. 1922 г. — И. А. Кубасов. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Пб., 1922 (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук).

ССД — Собрание стихотворений декабристов. <Ред. Н. Н. Гербетя.> Лейпциг, 1862 (Библиотека русских авторов, т. 2. На обл. — 1863).

Тетр. А — тетрадь, подаренная Б. Л. Модзалевским Пушкинскому Дому, с записями друзей Одоевского. Рукописное отделение Института русской литературы Академии наук СССР 1648/CIV б. 18.

Тетр. Б — тетрадь, принадлежавшая П. А. Вяземскому. Рукописное отделение Института русской литературы Академии наук СССР (21. 210, CXVII б. 3).

Тетр. Розена — тетрадь со списками рукой А. Е. Розена. Рукописное отделение Института русской литературы Академии наук СССР (ф. 265, оп. 2, № 1874).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

СТИХОТВОРЕНИЯ

«И если ты за то сочел безумным брата...» (стр. 47). Впервые — РС, 1904, № 2, стр. 373, публикация И. А. Бычкова по автографу (ГПБ, арх. В. Ф. Одоевского, II, № 826/4) из письма О. к В. Ф. Одоевскому от 15 октября 1821 г. «Рассудок, который привык все класть на весы свои, не может взвешивать чувствований», — писал в этом письме О. См. также вступит. статью, стр. 10.

«Иль сбросив бремя светских уз...» (стр. 48). Впервые — там же, стр. 373—374, публикация И. А. Бычкова по

автографу (ГПБ, арх. В. Ф. Одоевского, II, № 826/4) из того же письма, что и предыдущее четверостишие.

Чалма (стр. 49). Впервые — РА, 1873, кн. 1, стр. XCIX—CI, по списку из тетр. Б, без последних семи строк; последние строки впервые — сб. 1922 г., стр. 42, по записи в тетр. А. Полностью впервые — изд. 1934 г., по записи в тетр. А, с подзаголовком по тетр. Б (ошибочно: «из поэмы» вместо: «из повести»). Печ. по этому тексту. В изд. 1934 г. стихотворение датировано: до 1829 г. Действительно, текст в тетр. А, л. 20—22 об. — с поправками, возможно рукой О., что свидетельствует о работе над стихотворением в читинском остроге. Поскольку в другом тексте в той же тетр. А, л. 23—25, имеется заключение, отсутствующее в тетр. Б, ясно, что работа над стихотворением была продолжена даже после 1829 г., когда тетр. Б была отослана в Петербург. Но, с другой стороны, характер отрывка резко отличается от известных нам произведений О. периода каторги, и В. Г. Базанов, очевидно, прав, относя «Чалму», к «ранним поэтическим опытам Одоевского, создававшимся под влиянием пушкинской поэмы «Кавказский пленник» (изд. 1954 г., стр. 17). Не случайно в тетр. Б отрывок посвящен А. С. Пушкину. Следует предположить, что на каторге О. вспоминал, но вместе с тем и перерабатывал свое более раннее произведение. *Шербет* — прохладительный напиток. *Кальян* — восточный прибор для курения.

Луна (стр. 52). Впервые — альм. «Северные цветы» на 1831 г. СПб., 1830, стр. 92, по списку из тетр. Б, без подписи. Впервые под именем О. — изд. 1883 г. В тетр. А и Б дата: 1824; в тетр. Б — место написания. В изд. 1883 г. А. Е. Розен сопроводил стихотворение примечанием: «В читинском остроге, во дворе, окруженном частоколом. Экспромт во время прогулки после заката солнца, 1827 года». Примечание это — одно из доказательств того, с какой осторожностью следует относиться к датировкам А. Е. Розена.

Бал (стр. 53). Впервые — альм. «Северные цветы» на 1831 г. СПб., 1830, стр. 93—94, по списку из тетр. Б, с ошибкой в ст. 12, без подписи. Впервые под именем О. — РА, 1873, кн. 1, стр. CI—CII, по тому же списку, с изменением в ст. 2. Исправно — изд. 1934 г., стр. 108—109. Печ. по этому тексту. В тетр. А и Б ст. 31 первоначально:

[Но в ней я не искал друзей]

В тетр. Б посвящено П. А. Вяземскому и датировано: 1825. Поэтому весьма сомнителен рассказ А. П. Беляева, описывающего свой отъезд из Петербурга в Сибирь 1 февраля 1827 г.: «...У крыльца стояло несколько троек. Нас посадили по одному в каждые сани с жандармом, которых было четверо, столько же, сколько и нас, и лошади тихо и таинственно тронулись. Городом мы проехали мимо дома Кочубея, великолепно освещенного, где стояли жандармы и пропасть карет. Взглянув на этот бал, один из наших спутников, Одоевский, написал потом свою думу, озаглавленную «Бал мертвецов» (А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пе-

режитом и перечувствованном. СПб., 1882, стр. 204). Возможно, что это — позднее осмысление декабристами ранее написанного О. стихотворения.

Воскресенье (стр. 55). Впервые — РС, 1870, № 1, стр. 72—73 (1-е изд.), по списку М. А. Назимова, под заглавием: «В светлое воскресенье 1826 года в к<репос>ти С.-Петербурга». Иные тексты — «Записки декабриста» А. Е. Розена. Лейпциг, 1870, стр. 128—129, и РА, 1873, кн. 1, стр. CII, по списку из тетр. Б. Печ. по тетр. Розена, л. 1—2, поскольку его тексты были проверены и исправлены О. в 1838 г. Сохранилось в ряде списков, со значительным числом разночтений. Запись в тетр. А с поправками, может быть рукой О. Список в тетр. Б с поправками (в том числе к заглавию приписано: «Светлое»), сделанными, по мнению И. А. Кубасова, при подготовке стихотворения к печати П. А. Вяземским. Этому, однако, противоречит то, что одна из поправок совпадает с текстом А. Е. Розена, а в публикации П. А. Вяземского 1873 г. именно эта поправка отсутствует (ст. 7). В различных списках и воспроизведениях в печати заглавия: «Светлое воскресенье», «Светло-Христово воскресенье», «Светло-воскресная заутреня», «Полночь». В тетр. Б посвящено В. И. Ланской. В тетр. А:

ст. 7 Меня, поющего в тюрьме,
ст. 8 Багряным светом освещали
ст. 10 Со звуком уст моих на небо взор летел
ст. 11 И херувимов тьмы вспылали
ст. 15 Воскресший средь их [волн] бездн стоял

Важнейшие разночтения в других списках и в печатных публикациях:

ст. 6 И разлетаяся во мгле
ст. 7 Меня, зарытого в тюрьме
ст. 11 И херувимы запылали
ст. 15 Воскресший бог средь ангелов стоял
Воскресший в сонме их стоял
Средь горних сил воскресший бог стоял.

О переживаниях декабристов, заключенных в Петропавловской крепости, в ночь на 18 апреля 1826 г. вспоминали Д. И. Завалишин, Н. И. Лорер и др., причем Н. И. Лорер даже перефразировал О.: «...вошел сторож и... предупредил меня, предлагая заткнуть уши, ибо надо мной сейчас будут палить из пушек, как всегда во время великой заутрени. И действительно, вскоре раздался над головой потрясающий гром, и пламя осветило мою мрачную келью... я упал на колени и горячо молился. Из гроба я пел мысленно Воскресенье. Окошечко мое разлетелось вдребезги, и только холод, меня охвативший, привел меня к действительности...» (Н. И. Лорер. Записки. М., 1931, стр. 105).

Утро (стр. 56). Впервые — сб. 1922 г., стр. 33, по записи в тетр. А. Исходя из содержания стихотворения, И. А. Кубасов предположил, что оно написано в 1826 г. в одиночном заключении. Предположению этому не противоречит и то, что стихотворение в

тетр. А записано начисто, без каких бы то ни было поправок, на первой странице, т. е. оно, очевидно, было совершенно закончено ко времени заполнения этой тетради в читинском остроге.

«Что мы, о боже? — В дом небесный...» (стр. 57). Впервые — «Атеней», 1926, № 3, стр. 8, публикация Н. В. Измайлова по списку из тетр. Б под заглавием «Сетование». В рукописи перечеркнуто; заглавие приписано почерком, напоминающим почерк П. А. Вяземского (см. примечание к стихотворению «Воскресенье»). И. А. Кубасов в изд. 1934 г. ограничился условной датировкой: до 1829 г., поскольку стихотворение находится в тетр. Б, отправленной П. А. Вяземскому в 1829 г. Поместив, однако, стихотворение между произведениями, несомненно написанными в читинском остроге, И. А. Кубасов, как нам кажется, поступил очень формально. В тетр. Б, как известно, находятся и стихотворения, написанные еще в Петропавловской крепости и даже до 14 декабря 1825 г. В большинстве случаев тексты этих стихотворений записаны без существенных поправок, почти начисто. Таков же и текст данного стихотворения. Поэтому очень вероятно предположение В. Г. Базанова, что оно написано в 1826 г., в дни следствия и ожидания приговора (см. изд. 1954 г., стр. 186).

Два пастыря (стр. 58). Впервые — ЛГ, 1830, № 68, стр. 259, по списку из тетр. Б, без подписи. Впервые под именем О. — сб. 1922 г., стр. 40—41. В тетр. А заглавие первоначально: «Два пастуха». В тетр. Б посвящено М. Н. Глебову. Под списком в тетр. Б дата: 1826 (в изд. 1934 г. ошибочно указано: 1829). В. Г. Базанов, сомневаясь в том, что О. «в одиночной камере, во время суда и следствия, писал анакреонтические стихи» (изд. 1954 г., стр. 17), отнес предположительно «Два пастыря» к ранним опытам О., до 14 декабря 1825 г. Но, во-первых, дата, стоящая под авторизованным списком, достаточно авторитетна; во-вторых, нам представляется, что данное стихотворение вовсе не анакреонтическое; это стихотворение о высоком значении поэта, примыкающее тем самым к следующим. *Певец,* о котором говорится в стихотворении, — Аполлон (греч. миф.), покровитель искусств, бог света, отождествлявшийся часто с богом солнца. По одному из мифов, Аполлон, в наказание за убийство Циклопа (одноглазого великана), девять лет служил пастухом у царя Адмета. *Глебов* Михаил Николаевич (1804? — 1851), член Северного общества, отбывал каторгу в Чите и в Петровском заводе.

Сон поэта (стр. 60). Впервые — изд. 1883 г., стр. 23, по списку А. Е. Розена. Печ. по тетр. Розена, л. 6. Заглавие подтверждается списком в секретном архиве III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2234). Этот же список и список в тетр. Розена подтвердили предположение И. А. Кубасова, не реализованное им в изд. 1934 г., об опечатке в ст. 7: *«скрывает* он душой свободной» (предположение это было реализовано В. Н. Орловым в антологии «Декабристы». Л., 1951). В тетр. Розена дата: 1827. В изд. 1883 г. помета: «В каземате Петропавловской крепости. 1826». Та же дата — в перечне стихотворений О., отосланном А. Е. Розеном

М. А. Назимову (ИРЛИ, Р. 24, ед. хр. 49, л. 108). Датируется временем пребывания О. в Петропавловской крепости, после объявления приговора. Цензурные органы, рассматривая представленную А. А. Краевским в 1881 г. рукопись сборника произведений О., предложили стихотворение исключить, поскольку в нем, как писал цензор, «поэт с гордостью восхваляет свою деятельность как борца за свободу» (цит. по изд. 1934 г., стр. 351). Однако в изд. 1883 г. стихотворение все же осталось — вероятно, в результате неофициального содействия П. П. Вяземского, бывшего председателем Совета Главного управления по делам печати и в то же время предоставившего материалы для этого издания из принадлежавшего ему архива (официально все исключения, предложенные СПб. цензурным комитетом, были санкционированы Советом Главного управления под председательством того же П. П. Вяземского. — ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 21).

Амур-Анакреон (стр. 61). Впервые — ЛГ, 1831, № 35, стр. 284, по списку из тетр. Б, с ошибками в ст. 16, 20, без подписи. Впервые под именем О. — сб. 1922 г., стр. 36—38, по записи в тетр. А. Печ. по списку из тетр. Б, как более позднему. В тетр. Б посвящено П. А. Вяземскому. С предположением И. А. Кубасова и В. Г. Базанова, что «Амур-Анакреон» написан до 14 декабря 1825 г. (предположение это нашло отражение и в тексте изд. 1954 г.), согласиться невозможно. В тетр. Б дважды указана дата: 1826. Кроме того, в тетр. А — текст с поправками, послуживший источником для тетр. Б; на л. 19 об. — несколько строк карандашом, наброски к ст. 71—73. Все это свидетельствует о дальнейшей работе над стихотворением в читинском остроге. Поскольку же в тетр. Б также ряд поправок, а первоначальный текст соответствовал первоначальному тексту тетр. А, ясно, что работа над стихотворением продолжалась и в 1829 г. Апелляция же к характеру стихотворения, будто бы относящегося к «циклу ранних стихотворных опытов» (изд. 1934 г., стр. 51), также неубедительна. При всей своей анакреонтичности, это, как нам представляется, кроме того, произведение о силе поэзии, о поэте-творце, и тем самым оно входит в какой-то мере в один цикл со стихами «Два пастыря» и «Сон поэта». В тетр. А:

ст. 2 Послушать песни старика
ст. 39 Вот видишь совести укор
ст. 42 И мало ли что ни сказала

Первоначально:

ст. 15 Запутайте ее цветами
ст. 63—64 [И] все приятней [пел] певец,
[И] ярче голос раздавался
ст. 71—73 Старик пылал, лицо юнело,
[В лучах божественных яснело;
По расцветающим] устам.

Сын Киприды (ант. миф.) — Амур. *Киприда* — одно из имен Афродиты, богини красоты и любви.

«Тебя ли не помнить? Пока я дышу...» (стр. 64). Перевод стихотворения Томаса Мура «Remember thee». Впервые — сб. 1922 г., стр. 54, под заглавием: «Из Мура», по списку тетради из бумаг В. Е. Якушкина (ИРЛИ, ф. 353). Принадлежность О. этого стихотворения обосновывается тем, что вместе с его списком в тетради находятся только стихотворения О.; все это, несомненно, записи, сделанные в кругу декабристских друзей О.; возможно даже, что некоторые стихотворения («Бал», «Чалма») помещены в более поздней редакции. И. А. Кубасов предполагал, что тетрадь была получена Е. И. Якушкиным в Иркутске в 1855 г., что весьма вероятно (ср. письмо Е. И. Якушкина к жене от 9 декабря 1855 г. Сб. «Декабристы на поселении». М., 1926, стр. 58). Датировать перевод следует временем пребывания О. в Чите, т. к. все остальные стихотворения, находящиеся в тетради, созданы не позже 1830 г.; кроме того, очевидна идейная связь со стихотворением «Тризна». Поэзия Т. Мура была весьма популярна в среде передовых русских писателей начала XIX в. В этом стихотворении Т. Мур обращался к Ирландии, окончательно потерявшей свою независимость после подавления национально-освободительного движения 1798—1801 гг. Перевод О. очень близок к подлиннику. Последние две строки в переводе не вполне понятны. В подлиннике: «Чьи сердца, как птенцы в гнезде птицы пустынь, пьют любовь в каждой капле живительной влаги, текущей из твоей груди». *Птица пустынь* — пеликан, распространенный поэтический символ материнского самопожертвования: пеликан кормит птенцов, прижимая их близко к груди; отсюда создалась легенда, будто мать, разрывая грудь, кормит птенцов собственной кровью.

Дева 1610 года (стр. 65). Впервые — сб. 1922 г., стр. 43—44, по записи в тетр. А. Запись — с поправками, целиком перечеркнута карандашом. Печ. по списку из секретного архива III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, оп. I, ед. хр. 2234, л. 6). Заглавие и подзаголовок — по тетр. А. Текст тетр. А, очевидно, не удовлетворил О.; стихотворение не сохранилось ни в каких других списках, и самый факт наличия его в тетрадке III Отделения заставляет рассматривать ее как авторитетный источник; остальные списки стихотворений О. в этой тетрадке совпадают с наиболее достоверными; наконец, разночтения печатаемого текста в тетр. А в ст. 41 и 55 являются несомненными исправлениями. В тетр. А разночтения:

ст. 17 Но вы в груди навек ли потушили
ст. 21 Моголец пал; но рабские уставы
ст. 31 Моей понять не могут укоризны
ст. 41—42 Сверкает меч, и гибнут как герои,
Но не за Русь, а за поляков честь
ст. 44 Исполнят вековую месть
ст. 55 Узреть чело венгерцев горделивых
Над строкой: тиранов

Первоначально:
ст. 41 [Играет] меч, и гибнут как герои
ст. 45 Что медлишь ты? Из [стран моих, из]

В списке секретного архива III Отделения заглавие: «Дева». Стихотворение, очевидно, представляет собой набросок к поэме,

озаглавленной «Василий Шуйский», о борьбе с польскими интервентами (ср. «Осада Смоленска»). Датируется временем пребывания О. в Чите. *Божественная дева* — вольность. *Вещий колокола звон* — звон колокола, созывающего на вече. *Моголов бич* — нашествие татар. *Сарматы* — поляки.

Осада Смоленска (стр. 68). Впервые — сб. 1922 г., стр. 46—47, по записи в тетр. А. Запись — с более поздними поправками, первая половина стихотворения зачеркнута карандашом. Это также, очевидно, один из набросков к поэме о борьбе с польскими интервентами (ср. «Дева 1610 года»). Датируется временем пребывания О. в Чите. *Завал* — заграждение, засека. *Наш сын, наш брат Смоленску изменил.* Осада, длившаяся 20 месяцев, закончилась взятием Смоленска из-за измены боярского сына Андрея Дедешина. *Забрало* — верх крепостной стены. *Предав царя на заточенье.* Имеется в виду насильственное пострижение Василия Шуйского в монахи и заточение его в Чудов монастырь. *Развет* — умысел. *Дума* — боярская дума.

Тризна (стр. 70). Впервые — альм. «Северные цветы» на 1831 г. СПб., 1830, стр. 86, по списку из тетр. Б, с некоторыми изменениями, без подписи. Впервые под именем О. — сб. 1922 г., стр. 34, по записи в тетр. А. В изд. 1934 г., стр. 119, — по списку из тетр. Б, как более позднему, но неисправно; точный текст впервые — изд. 1936 г., стр. 47. Печ. по этому изд. В тетр. А — текст с поправками, очевидно, рукой О.; скопирован в тетр. Б, где первоначально текст соответствовал тетр. А. В тетр. А:

ст. 5 Златится мед, взгремел оружий [слышен] гром
ст. 7—8 И мрачные [воссев] перед холмом
[Внимают песне] вдохновенной
ст. 11 [Их подвиг промчится на крыльях преданья]
[Их тени слетают на голос преданья]
ст. 12 [И в наших деяньях себя воскресят]
ст. 15 Пусть доблестный дух до могилы [горит]

В тетр. Б дата: 1828. В обеих тетрадях посвящено Ф. Ф. Вадковскому. Тема стихотворения — неудачная борьба норвежских ярлов (независимых князей) с королем Харальдом Харфагром, на время объединившим под своей властью всю Норвегию. Побежденные в битве при Хафрсфьюре в 872 г., виднейшие роды бежали в Исландию и на другие острова. *Тризна* — торжественные поминки в честь умершего. *Вадковский* Федор Федорович (1800—1844), член Северного и Южного обществ, организатор Петербургского филиала Южного общества, сторонник цареубийства; поэт, композитор, математик; был на каторге в Чите и в Петровском заводе; автор музыки к стихотворению О. «Славянские девы» (см. также примечания на стр. 215, 224). *Бой Гафурский* — битва при Хафрсфьюре. *Скальды* — древнескандинавские певцы-поэты. *Валкирии* (сканд. миф.) — воинственные божественные девы, повелевающие битвами и уносящие с поля боя павших героев в райское жилище Валгаллу.

«Звучит вся жизнь, как звонкий смех...» (стр. 71). Впервые — ССД, стр. 34, под заглавием: «Экспромт», по

списку А. Ф. Бриггена, с датой: 1828, Петровское. В списке Лорера, с датой: 2 мая 1830 г., как посвященное ему (БЛ, ОР, № 59/16; повторено в копии в прибавлениях к запискам Н. И. Лорера). В ССД, на стр. 223, в примечании приведена выдержка из письма А. Ф. Бриггена: «Пришедши ко мне, в мой нумер (на Петровском заводе, куда были сосланы декабристы), и нашедши там несколько товарищей, Одоевский воскликнул (следует экспромт). Надобно сильное воображение поэта иметь, чтобы сказать это, ибо у меня ни вина, ни пива не было в нумере; одна только вода, да дурной артельный квас». Основываясь на том, что в 1828 г. декабристы были в Чите, а не в Петровском, и что в публикации Н. И. Лорера (РА, 1874, кн. 9, стр. 704) стихотворение датировано 1830 г., И. А. Кубасов в изд. 1934 г. отнес это восьмистишие к 1830 г. Но А. Ф. Бригген в Петровском заводе не был; он провел в Чите лишь один год и в 1828 г. был отправлен на поселение. Поскольку он запомнил стихотворение, ясно, что оно написано именно в 1828 г. Упоминание же о Петровском заводе, несомненно, вставлено в цитату из письма А. Ф. Бриггена составителем «Собрания стихотворений декабристов» Н. Н. Гербелем. Учитывая словарь передовых дворянских кругов 10—20-х годов, думаем, что под «одной» имеется в виду свобода (ср. у Пушкина: «И за здоровье тех и той до дна, до капли выпиваем»).

Умирающий художник (стр. 72). Впервые — РС, 1870, № 1, стр. 73 (1-е изд.), 14 последних строк, по списку М. А. Назимова, дата: 1827. А. Е. Розен добавил первые 10 строк и заглавие (РС, 1870, № 11, стр. 527). В «Записках декабриста» (Лейпциг, 1870, стр. 368) Розен указал, что стихотворение написано на смерть Д. В. Веневитинова, а в изд. 1883 г. — дату: 1831. Обычно в собраниях произведений О. печаталось в редакции, опубликованной А. Е. Розеном и подтверждаемой тетр. Розена, л. 6 об. Только В. Г. Базанов (изд. 1954 г.) поместил в основном тексте другую редакцию, по тексту письма О. к В. И. Ланской от 17 июля 1836 г. (РА, 1885, кн. 1, стр. 129, сообщение М. А. Веневитинова; также в изд. 1934 г., стр. 329). В письме к В. И. Ланской О. писал о том, что, узнав о смерти поэта, он «сымпровизировал приблизительно так...» Эта же редакция — в списке неизвестной рукой в архиве Якушкиных (ЦГИАМ, ф. 279, ед. хр. 1048). Приводим текст стихотворения из письма к В. И. Ланской:

Все впечатленья в звук, и в цвет,
И в слово стройное теснились.
И музы юношей гордились
И говорили: «Он — поэт!»
Но только первую страницу
Заветной книги он прочел,
И вечный сон затмил зеницу,
Где мир так нежно, пышно цвел.
И замер вздох задумчивой печали
С вопросом жизни на устах.
Зачем же струны так дрожали?
Чего они не дозвучали,

Он допоет на небесах!
Но на земле, где в яркий пламень
Огня души он не излил,
Он умер весь, и грубый камень,
Обычный кров немых могил,
На охладевший череп ляжет
И соплеменнику не скажет,
Что рано выпала из рук
Едва настроенная лира,
И не успел он в ясный звук
Излить его душой разгаданного мира.

Стихотворение датируется 1828 г., так как в том же письме к В. И. Ланской О. писал: «Первый и единственный раз, когда я его <Д. В. Веневитинова> встретил, это было на балу у Степана Степановича Апраксина... Три года спустя я узнал о смерти поэта... и сымпровизировал» (РА, 1885, кн. 1, стр. 129; на франц. яз.). Встреча эта могла иметь место только в 1825 г., когда О. был в Москве. Дата: 1828 — указана и в тетр. Розена. Друзья О. воспринимали стихотворение как посвящение Д. В. Веневитинову и вместе с тем как предсказание О. своей ранней смерти. Так, под впечатлением известия о смерти О., А. Е. Розен писал Н. И. Лореру: «...Вы помните надгробную, написанную самим поэтом в Чите, во время работы нашей; но тогда он не думал покоиться на скале Черного моря, а, вероятно, в степи бурятской. Вот она: «Глас песни <и т. д.>» (выписка рукой Н. И. Лорера в альбоме, подаренном А. А. Капнист, — БЛ, ОР, № 59/16). В «Записках декабриста» А. Е. Розена: «В читинском остроге сочинил он на смерть Веневитинова «Умирающий художник» — как будто написал для себя» (СПб., 1907, стр. 246). Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт, один из виднейших участников кружка «любомудров». Веневитинов, несмотря на кратковременность его литературной деятельности, оказал влияние на русскую поэзию 30-х годов. Его ранняя смерть произвела большое впечатление на современников, тем более что его личное обаяние также было очень велико. В указанном выше письме О. писал: «Его манера держаться полностью выдавала, что он — новичок в высшем свете; но изящный облик — что гораздо реже встречается, чем элегантность в манерах, полная грусти улыбка, которой он пытался придать оттенок легкой иронии, чтобы смягчить ее неуместность, — всё это дало мне почувствовать, что он был далек и от этого бала, и от этого мира. ...Вскоре после этого мне дали прочесть его стихи, в которых были не поэтические ощущения, не порывы души юной и впечатлительной, как у Бенедиктова, но глубокое чувство, которое так редко можно встретить в русских стихах» (РА, 1885, кн. 1, стр. 129; на франц. яз.).

«Струн вещих пламенные звуки...» (стр. 73). Впервые — сб. «Голоса из России», изд. Вольной типографии А. И. Герцена, кн. 4. Лондон, 1857, стр. 40, под заглавием: «Ответ на послание Пушкина» с примечанием: «Кто писал ответ на послание — неизвестно». Тот же текст, с тем же заглавием был перепечатан в т. 1 «Русской библиотеки» («Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов», Лейп-

циг, 1858), в 1-м издании — анонимно, а во 2-м с подписью: Искандера. Впервые под именем О. — «Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». Берлин, 1861, в примечании к посланию А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» Неоднократно печаталось в зарубежных изданиях. В России впервые с пропусками — РА, 1881, кн. 1; впервые полностью — в примечаниях Н. О. Лернера к т. 4 Собрания сочинений А. С. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Сохранилось в нескольких авторитетных списках. Печ. по идентичным спискам И. И. Пущина (ЦГИАМ, ф. 279, оп. I, ед. хр. 248, л. 4 об. — 5) и секретного архива III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, оп. I, ед. хр. 2234, л. 2 и 4), с поправкой в ст. 4 по «Запискам» М. Н. Волконской, где, очевидно по цензурным соображениям, был заменен ст. 8 и опущена последняя строфа. За исключением ст. 1, тексту И. И. Пущина тождествен и список рукой П. И. Бартенева (ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 445). По тексту Пущина — Волконской стихотворение напечатано впервые — изд. 1936 г. До настоящего времени считается несомненным, что послание А. С. Пушкина декабристам написано было в конце 1826 — начале 1827 гг. и передано было в январе 1827 г. А. Г. Муравьевой, уезжавшей в Сибирь. Отсюда и ответ О. всегда датируется 1827 г. Но в неопубликованной работе М. К. Азадовского, посвященной этому стихотворению А. С. Пушкина, убедительно доказано, что в действительности послание А. С. Пушкина написано в конце 1828 г. Следовательно, и ответ О. не мог быть написан ранее конца 1828 — начала 1829 гг. Дата: 1828 имеется также на списке П. И. Бартенева; все остальные списки стихотворения О. даты не имеют. В большинстве списков (главным образом, поздних) и в печатных текстах разночтения:

ст. 4 Но лишь оковы обрели
ст. 11 И православный наш народ
ст. 14—15 И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей

Кроме того, в списке П. И. Бартенева:

ст. 1 Струн вещих памятные звуки

Ответ А. С. Пушкину — самое известное стихотворение О., распространившееся в многочисленных списках и прочно вошедшее в арсенал подпольной революционной поэзии. Строка «Из искры возгорится пламя» послужила эпиграфом для ленинской «Искры».

Последняя надежда (стр. 74). Впервые — ЛГ, 1831, № 32, стр. 258, по списку из тетр. Б, без подписи. Впервые под именем О. — РА, 1873, кн. 1, стр. CIII, по тому же списку, с ошибкой в ст. 7. У А. Е. Розена имелся автограф этого стихотворения (см. РС, 1870, т. 2, стр. 527), однако при подготовке изд. 1883 он им не располагал. По словам А. Е. Розена, стихотворение было посвящено ему. В тетр. Б ст. 21 первоначально:

Дел высоких вдохновенье!

Узница Востока (стр. 75). Впервые — ЛГ, 1830, № 26, стр. 204—205, по списку из тетр. Б, без подписи. Впервые под именем О. — изд. 1883 г., стр. 24—25, по списку А. Е. Розена, под заглавием «Дума узника» (опечатка; в тетр. Розена — «Душа узника»). Печ. по тетр. Розена с исправлением ст. 19 (где явная описка) по тексту ЛГ. В тетр Б. посвящено П. А. Муханову. В изд. 1883 г. помета: «В каземате Петропавловской крепости, 1827 года, перед отправкой». Однако в тетр. Розена: «Чита, 1828», так же как и в тетр. Б.

Элегия на смерть А. С. Грибоедова (стр. 76). Впервые — ЛГ, 1830, № 19, стр. 149—150, по списку из тетр. Б, с изменениями, без подписи. Впервые под именем О. — изд. 1883 г., стр. 29—30, под заглавием «Дума на смерть Александра Сергеевича Грибоедова», по списку А. Е. Розена. В изд. 1934 г., стр. 143—144, — по списку из тетр. Б. В изд. 1936 г., стр. 63—64, — по записи в тетр. А (не вполне исправно). Тетр. А — запись с поправками рукой О. Печ. по этому тексту, так как не считаем возможным принять текст А. Е. Розена: в изд. 1883 г. стихотворение напечатано неисправно; в тетради пропущена одна строка. И. А. Кубасов неправ, считая, будто редакции в тетр. А и Б тождественны. Текст в тетр. Б подвергся в Петербурге правке при подготовке к печати, несомненно из цензурных соображений, но при этом нет возможности установить, где — в Чите или в Петербурге — были сделаны поправки в ст. 5 и 21. Кроме того, есть основания считать, что работа над текстом в тетр. А продолжалась и после отправки тетр. Б. В тетр. А, л. 15—15 об. последние 6 строк отсутствуют, так как следующий лист вырван, — восстанавливаем по списку из тетр. Б. В тетр. Б дата: 1829, подтверждающая дату А. Е. Розена. В тетр. А и Б первоначально:

ст. 1 Кого [мне здесь] о нем спросить?

В тетр. Б:

ст. 1 [Кого мне на земле]
Где он? Где друг?.. Кого спросить?

Элегия (стр. 79). Впервые — ЛГ, 1830, № 52, стр. 127—128, по списку из тетр. Б, под заглавием «Пленник», без последних 5 строк, без подписи. Впервые полностью и под именем О. — изд. 1883 г., стр. 31—35, по списку А. Е. Розена, с датой: 1830. Список в тетр. Б — с датой: 1829 и с посвящением В. И. Ланской. Однако список этот подвергался правке в Петербурге, когда стихотворение подготовлялось к печатанию в ЛГ (о затруднениях при прохождении его через цензуру см. Н. К. Замков. К истории «Литературной газеты» А. А. Дельвига — РС, 1916, т. 166, стр. 258). Поэтому определить, на каком этапе переделан был ст. 1, нет возможности. Разночтение в тетр. Б:

ст. 1 Бесцветной [летучей] жизни привиденья

Ланская Варвара Ивановна (1800—1845) — троюродная сестра О., жена С. С. Ланского. Постоянно выполняла поручения О. во время его пребывания в Сибири. *Обзор* — в смысле «горизонт». *И кто узнал, что нет его.* Речь идет, несомненно, о смерти А. С. Грибоедова. *Иные звенья заменят из цепи выпавшие звенья* — повторение сказанного О. петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову на первом допросе: «Je suis un chaînon perdu» («Я — выпавшее звено»). Ср. слова Е. П. Оболенского: «Я составляю малейшее звено огромной цепи».

Старица-пророчица (стр. 83). Впервые — ЛГ, 1830, № 24, стр. 191, по списку из тетр. Б, с изменением в ст. 17, без подписи. Неоднократно печаталось под именем А. С. Пушкина. Впервые предположительно под именем О. — сб. 1922 г., стр. 75—76, по списку рукой М. А. Бестужева (не вполне исправно). В изд. 1934 г. — вновь по списку из тетр. Б. Печ. по списку М. А. Бестужева (ИРЛИ, ф. 604, ед. хр. 6/5545, л. 201 об.), как более позднему, поскольку он записан в Петровском заводе после отправки в Петербург тетр. Б, в которой стихотворение датировано и посвящено А. А. Дельвигу. В тетр. Б:

ст. 39 Спас не услышал...

Первоначально:

ст. 5 [Сворожи] ты мне на счастие
ст. 27 Двинул [ось] облако пены седой

По воспоминанию Д. И. Завалишина, стихотворение было положено на музыку Ф. Ф. Вадковским. Тема стихотворения — битва новгородцев с войсками московского великого князя Ивана III 14 июля 1471 г., закончившаяся поражением новгородского войска, хотя и превышавшего по численности московскую рать. В результате битвы на Шелони падения Новгородской боярской республики в полном смысле слова еще не последовало, хотя оно и было по существу предрешено; возможно, что этим объясняется исправление ст. 39. *Шелонь* — река, впадающая в озеро Ильмень. *Святая София* считалась покровительницей Новгорода.

«Зачем ночная тишина...» (стр. 85). Впервые — изд. 1883 г., стр. 126—127, по списку неизвестной рукой из архива Вяземских, без последних 19 строк. Впервые полностью — ЛН, № 60, кн. 1. М., 1956, стр. 260—261, в нашем сообщении, по спискам из архива Вяземских (ЦГАЛИ, ф. 195, ед. хр. 5183 и 5612). На другом списке — примечание Е. П. Нарышкиной (жены декабриста М. М. Нарышкина, друга О.): «Стихи Александра Ивановича Одоевского, писанные им во время болезни Натальи Дмитриевны Фон-Визин, с рассказов Ивана Дмитриевича Якушкина, который ходил за больною в Чите, в доме Александры Григорьевны Муравьевой. И. Д. Якушкин был старинным другом Михаила Александровича Фон-Визина. Лечил больную Фердинанд Богданович Вольф. Болезнь именовалась la danse de st. Guy <пляска св. Витта>, но в ней что-то выражалось духовного, как бы искушение. Бред был поэти-

ческий, по натуре больной, которая выходит из ряда обыкновенных людей. Помнится, что она болела в зиму 29-го года» (ЦГАЛИ, ф. 368, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3—4). Упомянутые списки из архива Вяземских — с аналогичной, но более краткой припиской неизвестной рукой (в нашем сообщении «Мнимые стихотворения Одоевского» — «Декабристы и их время». Л., 1951, стр. 210 — эта приписка ошибочно названа припиской М. М. Нарышкина). Стихотворение обычно рассматривалось как автобиографическое и написанное О. незадолго перед смертью. Поэтому оно истолковывалось как трагическое осмысление О. своей судьбы. Фонвизина Наталья Дмитриевна, рожд. Апухтина (1805—1869) — жена декабриста М. А. Фонвизина, последовавшая за ним в Сибирь, впоследствии жена декабриста И. И. Пущина.

Кн. М. Н. Волконской (стр. 87). Впервые — «Библиографические записки», 1861, № 5, стр. 132, по списку, принадлежавшему М. И. Муравьеву-Апостолу. Сохранилось в ряде списков в тождественной редакции; в той же редакции напечатано в «Записках» М. Н. Волконской. Написано в день ее рождения. Датируется по указаниям на списках М. А. Бестужева (ИРЛИ), И. И. Пущина (ЦГАЛИ) и в «Записках» Н. В. Басаргина, подтверждающим дату С. В. Максимова (изд. 1883 г.). *Волконская* Мария Николаевна, рожд. Раевская (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь. М. Н. Волконская, приводя это стихотворение, поясняет, что оно было написано «в воспоминание того, как мы, дамы <жены декабристов>, приходили <в Чите> к ограде и приносили заключенным письма и известия» (М. Н. Волконская. Записки. Л., 1924, стр. 58). Декабрист Н. В. Басаргин писал, что в этом стихотворении О. верно и прекрасно высказал чувства всех узников (см. Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 120). «Наш милый поэт Ал. Ив. Одоевский воспел их <жен декабристов> чуднозвучными и полными чувства стихами», — вспоминал А. П. Беляев (А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, стр. 231).

Василько (стр. 88). Впервые — PC, 1882, №№ 2—3, стр. 313—336 (песни 1—2), стр. 647—656 (песнь 4), публикация П. А. Ефремова, по списку И. И. Пущина, принадлежавшему А. П. Беляеву, не вполне точно. Печ. этот текст с исправлениями по списку Пущина. В списке ряд поправок и дополнений разными почерками, причем некоторые поправки вызывают сомнения (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1876). В том же году, в т. 34 PC было помещено письмо А. П. Беляева к М. И. Семевскому: «Как я рад был увидеть на страницах «Русской старины» поэму А. И. Одоевского, сочиненную им еще в Чите и переписанную Иваном Ивановичем Пущиным... Третья песня, должно быть, выпала как-нибудь из моих бумаг при переездах с квартиры на квартиру, потому что до сих пор не нашел ее. В ней заговор Давида о погублении Василька, разговор с Святополком, вступление Василька с дружиной в Киев, посещение им храма, раздача милостыни, наконец, явление его во дворец к Святополку и по клевете Давида, напугавшего Святополка, его арестование и отправление за город, где в какой-то теп-

лушке совершается ослепление. Мне тем более досадна эта потеря, что другого списка поэмы «Василько» не было, и значит, она пропала безвозвратно» (стр. 564). Как справедливо указал В. Г. Базанов, «А. П. Беляев не совсем точно передает содержание утраченной главы, внося в нее мотивы, известные нам по другим песням» (изд. 1954 г., стр. 190—191). В тетр. А имеется более ранний текст песни 1-й и 47 строф песни 2-й. В тетр. Б — первые 7 строф поэмы. Датируется указанием А. П. Беляева и тем, что в тетр. Б, отправленной в Петербург в 1829 г., помещены всего лишь первые 7 строф. Детальное сличение печатного текста поэмы с рукописным было проделано И. А. Кубасовым в примечаниях к изд. 1934 г. (стр. 374—387). Здесь мы приводим из тетр. А лишь три места, полностью отсутствующие (за исключением одной строки) в списке И. И. Пущина.

Песнь 2-я, строфа 10, после ст. «Русское небо денницей»:

Спас совершил молитву мою:
С воплем, на гробе господнем,
Я поминал отчизну свою,
Вдовую Русь поминал я;
Думал о ней, молился о ней,
Сердце питая слезами;
В дальних странах, на лоне морей
Видел ее пред очами.
С посохом я [весь мир обошел] по миру ходил.
Но и в самом Цареграде
Не обаянным взором обвел
Эллинов [чудные] хитрые зданья.
Нет! Я дела отчизны следил,
Подвиги славы бывалой!
Там, где Олег свой щит пригвоздил,
Сердце мое трепетало.
Где на ладьях, полетом ветрил,
Вещий по суше промчался,
Где Святослав врагами прудил
Синие волны Дуная.

<10 последних строк перечеркнуты.>

Только дела отчизны следил,
Вещего славил [помнил] Олега.
Там предо мною Русь ожила,
Древнею славой блеснула;
Стан вознесла и пепел с чела,
Кровью облитый, стряхнула.
Но не одною памятью дел
[Русь] Ты предо мною воскресла!
[С Русского] К родине с моря струг прилетел;
Бросил я сходни на берег;
Видел, не верил: край ли отцов?
Миром отчизна сияла
И с вышины станица орлов
Крыльями Русь осеняла.

Песнь 2-я (строфа соответствует строфе 47):

[И вопль, и] И хохот, плеск и заклинаний гул
[Смешались] Сливались. Синий свет мерцал на лицах
И ведьм, и дев. Семь стариц пред костер
[Несли] младенцев принесли. С их глав[ы] кудесник
В священный пламень бросил клок волос;
Ступил вперед: остановилась пляска;
Распались два звена живых цепей.
И жрец взглянул сурово на гостей.

После вступительной песни хора:

1-й хор

Слава Перуну! тучи горят;
Землю объемля молний пожаром,
Грозно грохоча радостным даром,
Влагой небесной землю дарят.

2-й хор

Дажбог тихо с небосклона
Сходит радуги путем,
Уст божественных огнем
Из увлаженного лона
Негой веющих полей
Извлекает волны злата
[Век дарует, а] И, даруя, он возврата
Не приемлет от людей.

1-й хор

Небо томится в тяжком покое,
Сохнет на нивах злато живое,
Камни от зноя трещат.
Стрибог с летучей внуков толпою
Мчится, и, внемля свисту и вою,
Горы и долы дрожат.
Дышит он тише, свежестью веет, —
Снова леса главы вознесли;
Крыльями Стрибог нежно лелеет
Лоно земли.

2-й хор

Ветров легкими крылами
Оживилася земля,
И на злачные поля
С длиннорогими стадами
Снегорунные стада
Мирный бог Велес выводит,
Холит их, дозором ходит.
Ни заботы, ни труда
Не щадит пастух небесный.

То под сению древесной
Дед баянов, бог Велес
Славит ясный свод небес,
Славит пажитей приволье.
Стадо бродит по лугам,
Внемлет сладостным струнам
И тучнеет на раздолье.

1-й хор

[В снежных странах, в заветных лесах,
В темя скал несокрушимых]
Врезаны тайны чар в письменах,
И для ведьм непостижимых,
Вечно хранимых цепью духов.
Там, в ущельях, пред богами
Пышут костры из целых [дубов] лесов.
И кровавыми столпами
Пламя во мраке всходит по льдам,
Глыбы топит ледяные,
Вверх по скалам летит к небесам —
Меркнут звезды золотые.

<12 последних строк перечеркнуты.>

В основе поэмы лежит летописный рассказ об ослеплении *Василька* Ростиславовича, князя теребовльского, *Давидом* Игоревичем, князем владимиро-волынским, в результате междоусобных раздоров после съезда удельных князей в *Любиче* в 1097 г., на котором было заключено соглашение о распределении уделов. Брат киевского великого князя *Святополка* Изяславовича, *Ярополк,* был убит дружинником *Нерядцем,* бежавшим во владения *Ростиславовичей.* Это навлекло на них подозрение в содействии убийству Ярополка. В поэме князь Давид пользуется этим подозрением, чтобы погубить Василька. *Теребовль* — город в Галицкой Руси, ныне Трембова. *Мономах* — князь Владимир Всеволодович, в то время князь переяславльский, впоследствии великий князь киевский. *Червенские города* — по городу Червену, в районе Днестра. *Тиун* — боярский или княжеский слуга, часто несший административные и судебные обязанности. *Гридня, гридница* — первоначально помещение для младшей дружины князя; впоследствии — княжий покой. *Сурна* (зурна) — широко распространенная на Ближнем Востоке особого устройства свирель, основной инструмент восточного оркестра. *Ферязь* — древнерусская верхняя одежда с длинными, суживающимися к запястью рукавами. *Камчатная* — сделанная из камки, узорчатой цветной ткани. *Гридни* — младшая дружина древнерусских князей. *Тур* — древняя порода быка, ныне вымершая. *Буй-тур* — обычное выражение в русской народной поэзии (буй — смелый). *Паволока* — привозная дорогая ткань, особенно бумажная и шелковая. *Володарь, Рюрик* — братья Василька. *Туряк* — воин из дружины Давида. *Вертеп* — пещера. *Кульмей* — один из бояр Василька. *Выдубич* — местность близ Киева, где, по преданию, выплывал сброшенный в Днепр во время крещения Руси идол Перун. *Перун* (слав. миф.) — верховный бог, бог грома. *Стрибог* (слав. миф.) — бог ветра. *Велес*

(слав. миф.) — бог скотоводства. *Купала* (слав. миф.) — бог плодородия. *Калядо* (слав. миф.) — бог мира. *Ладо* (слав. миф.) — бог правды и любви. *Даж-бог* (слав. миф.) — бог солнца. *Белбог* (слав. миф.) — бог добра. *Чернобог* (слав. миф.) — бог зла. *Жупел* — горящая смола или сера. *Поруб* — яма со срубом, погреб. *Несчастный твой отец* — Изяслав Ярославович, сын Ярослава I, князь киевский, дважды выгнанный киевлянами и принужденный искать убежища то у поляков, то у немцев. *Всеслав* — князь полоцкий Всеслав Брячеславович. Имеется в виду освобождение его из темницы киевлянами, восставшими в 1068 г. против Изяслава. Всеслав был провозглашен князем, а Изяслав бежал и вернулся в Киев лишь в следующем году. *Золотые ворота* — сооружены в 1037 г. князем Ярославом. *Василь, Лазарь* — воины из дружины Давида. *Дмитр* — конюх Давида. *Сновид* — конюх Святополка. *Торчин* — торки, одно из тюркских племен; в XI—XII вв. часть их жила в полуоседлом состоянии на левом берегу Днепра и впоследствии смешалась со славянскими племенами. *Белгород* — ныне небольшое село на р. Ирпени. *Здвиженск* — по-видимому, теперешняя Здвижка, быв. Радомысльского уезда. *Обаянный* — очарованный.

Зосима (стр. 124). Впервые — сб. 1922 г., стр. 51—53, по записи в тетр. А, не вполне исправно. Запись — с поправками, возможно рукой О. Печ. по тетр. А, л. 38—39 об., с исправлением несомненно ошибочной пунктуации, меняющей смысл, в ст. 56—57. Датируется предположительно 1829—1830 гг., исходя из указанной в тетр. Б даты: 1829 под стихотворением «Старица-пророчица»; оба стихотворения, так же как и три следующих, относятся к одному, «новгородскому» циклу; с другой же стороны, в тетр. Б, отосланной в Петербург в 1829 г., помещено из всего этого цикла лишь стихотворение «Старица-пророчица», — это дает основание думать, что в 1829 г. было закончено только оно. В тетр. А первоначально:

ст. 9	Вон из [чаши сильно] просится
ст. 17	А заводят [слово — старшие]
ст. 19—20	Кто на бога, кто на Новгород [Смело руку вознесет]
ст. 39	На [гостей как смерть] указывал
ст. 57—59	Запылали очи [вдохновением И чернец промолвил]

Первоначальное заглавие: «Новогородское предание». В основе стихотворения лежит легенда о видении игумена Соловецкого монастыря Зосимы (ум. 1478). Бояре, на которых указывал Зосима на пиру, были обезглавлены по приказу Ивана III в 1471 г. *Святопись* — житие святого. *Борецкая Марфа* (Марфа Посадница) — вдова новгородского посадника Исаака Борецкого, стоявшего во главе боярской партии, враждебной Москве. В начале 1479 г. Марфа была по приказу Ивана III заточена в монастырь. В декабристской поэзии образ Марфы являлся одним из символов вольнолюбия, борьбы с тиранией. *Брашна* — яства, пища. *Святой Софии дом* — Софийский собор; иногда употреблялось как синоним Новгорода. *Кто на бога, кто на Новгород.* Поговорка новгородцев: «Кто против бога и великого Новгорода» — неоднократно приводилась или

перефразировалась декабристами (Ф. Н. Глинкой, А. А. Бестужевым, М. Н. Муравьевым-Апостолом, В. К. Кюхельбекером). См. об этом: С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М. — Л., 1958, стр. 328. *Рамена* — плечи. *Белец* — живущий в монастыре и готовящийся к пострижению.

Неведомая странница (стр. 127). Впервые — сб. 1922 г., стр. 49—50, по тексту в тетр. А. В записи последняя строфа зачеркнута; первоначальные заглавия: «София Целебница», «Новогородская изгнанница». Датируется предположительно, на тех же основаниях, что и стихотворение «Зосима». В тетр. А первоначально:

ст. 8 Как сок целебный [льется] в душу путников
ст. 17 В тумане с нею над главами [путников]
ст. 22 Она [поет] и с неба слово тихое
ст. 28 Уже [на землю] не слечу.

В стихотворении идет речь о покорении Новгорода Иваном III в 1478 г. *Неведомая странница* — св. София, покровительница Новгорода. *Мой дом* — Софийский собор. *Мои три дочери* — Вера, Надежда, Любовь.

Иоанн Преподобный (стр. 129). Печ. впервые по записи рукой П. А. Муханова, вшитой в тетрадь с черновыми рукописями его прозаических произведений (ЦГИАМ, ф. 1707, оп. 1, ед. хр. 2). Основания, по которым мы считаем стихотворение принадлежащим О., следующие: а) известно, что в Чите и в Петровском заводе многие декабристы, в том числе и П. А. Муханов, записывали со слов О. его стихотворения; в частности, в тетр. А и Б ряд стихотворений записан именно П. А. Мухановым, причем часть поправок сделана рукой О., а часть — другими декабристами; б) поправки и последние 20 строк в записи этого стихотворения очень схожи по почерку с частью поправок в тетр. А; в) поскольку записан черновой текст, ясно, что стихотворение создано в Сибири; г) никому из находившихся в Чите и Петровском заводе вместе с П. А. Мухановым декабристов, кроме О., стихотворение, конечно, принадлежать не может; д) самим П. А. Мухановым написан был ряд очерков и рассказов; однако никаких сведений о его стихотворных произведениях до нас не дошло, если не считать нескольких совершенно элементарных «хоров» в раннем либретто комической оперы А. А. Алябьева «Лунная ночь, или Домовые» (1822), притом написанном вместе с П. Араповым. Единственное упоминание в литературе о сохранившихся будто бы набросках стихотворений Муханова (см. М. К. Азадовский, цит. статья, стр. 700) основано лишь на том, что в описании бумаг А. А. Сиверса (ЦГИАМ, ф. 1069), среди которых ранее находились также и бумаги П. А. Муханова, одна из тетрадей называлась «Тетрадью стихотворений Муханова» (ср. примечание к стихотворению «Дифирамб»); е) стилистически стихотворение отличается теми чертами в трактовке исторической темы, которые характерны именно для О. (см. вступительную статью); ж) по содержанию и идейному смыслу стихотворение примыкает к так называемому «новгородскому» циклу О. и непосредственно предшествует стихотворению «Кутья». Поэтому и

датировать его следует — как и весь «новгородский» цикл — 1829 или 1830 гг. В рукописи первоначально:

ст. 7 Когда вздохнет по казням Новгород?

В стихотворении (как и в «Кутье») имеются в виду массовые казни 1570 г. в Новгороде. В основе стихотворения лежит, возможно, упоминание в «Истории...» Н. М. Карамзина о нищем старце Иоанне Жгальцо, который «один с молитвою предавал мертвых земле в сие ужасное время» (см. Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 3. СПб., 1845, стлб. 89).

Кутья (стр. 133). Впервые — сб. 1922 г., стр. 148, по записи в тетр. А. Запись с более поздними поправками, частично, возможно, рукой О. В тетр. А первоначально:

между ст. 11—12 [Камень на сердце лежит,
Не светло им на душе]
ст. 20 [Все запели] песнь отходную
ст. 25 В небе тихо плачет София
Над строкой: молит

Датируется предположительно, на тех же основаниях, что и стихотворения «Зосима» и «Неведомая странница». В стихотворении имеются в виду массовые казни 1570 г. в Новгороде.

Отрывок (стр. 134). Впервые — сб. 1922 г., стр. 45, по записи в тетр. А. Подзаголовок и незначительные поправки в тетр. А — возможно, рукой О. Это, очевидно, отрывок из незаконченной или не дошедшей до нас поэмы, примыкавшей по теме к «новгородскому» циклу; поэтому датируется предположительно, на тех же основаниях, что и предыдущие стихотворения. В тетр. А первоначально:

ст. 8 Средь воплей, крика и смятенья
ст. 10 И с оскорбительным [презреньем]

В отрывке имеется в виду эпизод, относящийся к 1510 г., когда, по приказу вел. кн. Василия Ивановича, дьяк Третьяк Далматов объявил псковитянам: «Чтобы у вас веча не было, да и колокол бы вечной сняли» (Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр 255). *Послы Пскова.* В январе 1510 г. вел. кн. задержал в Новгороде представителей Пскова, прибывших к нему с жалобами на наместника Репню-Оболенского. *Степени* — ступени, возвышенное место, с которого обращались к народу на вече.

«Что за кочевья чернеются...» (стр. 135). Впервые — сб. 1922 г., стр. 78—79, по записи М. А. Бестужева, под заглавием: «Стихи на переход наш от Ч... в П...» , с ошибкой в ст. 12. Печ. по тексту М. А. Бестужева (ИРЛИ, ф. 604, ед. хр. 6/5575, л. 206 об.), за исключением ст. 33, где очевидна описка: «Спите, рабыни угрюмые». Конъектура, принятая нами, предложена В. Г. Базановым (изд. 1954 г., стр. 39). Переход декабристов из Читинского острога в Петровский завод состоялся в августе 1830 г. Описание

этого перехода дано в воспоминаниях Басаргина, Беляева, Завалишина, Лорера, Розена, Якушкина, в дневниках Штейнгеля и М. А. Бестужева, в письмах Розена и Фаленберга. Длительное путешествие пешком и на подводах, дневки и ночевки в степи, общение с бурятами, встречи с населением — все подымало дух декабристов. Перед самым Петровским заводом до них дошли известия о революции во Франции.

«На грозном приступе, в пылу кровавой битвы...» (стр. 137). Впервые — РБ, 1859, № 13, стр. 3—4, под заглавием «На смерть П. П. Ко...» Текст этот подтверждается списком в собрании бумаг Нарышкиных и Коновницыных (БЛ, М. 5827/10). Почти тождественны списки Н. И. Лорера (БЛ, ОР, № 59/16 и М. 6065 б) и неизвестной рукой (ЦГАЛИ, ф. 368, оп. 1, ед. хр. 6). Фамилия П. П. Коновницына расшифрована в ССД, стр. 40. В РБ дата: 1832, на списке БЛ: 1830. Коновницын Петр Петрович (1802—1830) — член Северного общества. 14 декабря 1825 г. ездил вместе с О. подымать лейб-гренадерский полк. Был разжалован в рядовые, служил в Семипалатинске и на Кавказе. В 1828 г. ему было возвращено офицерское звание. После кратковременного разрешенного ему свидания с матерью умер во Владикавказе от холеры. *Об узнице далекой* — о сестре П. П. Коновницына, Елизавете Петровне (1801—1864), жене декабриста М. М. Нарышкина, последовавшей за мужем в Сибирь и на Кавказ. *И с третьим именем потух.* Думаем, что имеется в виду младший брат П. П. Коновницына, Иван Петрович, также принявший участие в восстании 14 декабря.

Славянские девы (стр. 138). Впервые — РБ, 1859, № 16, стр. 10. Печ. по списку И. И. Пущина (ЦГАЛИ, ф. 392, ед. хр. 6). Печатаемому тексту тождественны (в том числе и по пунктуации, что в данном случае имеет существенное смысловое значение) другой, более ранний список И. И. Пущина (ЦГИАМ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 248) и один из списков, сохранившихся в секретном архиве III Отделения (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 2234); незначительные отличия — в другом списке в секретном архиве III Отделения. Более существенно разночтение, отражающее, очевидно, бытование песни в декабристской среде после известия о польской революции:

ст. 34 Радостно песню свободы запой!

(в публикации Н. Н. Гербеля — ССД, стр. 42, и в изд. 1883 г. по списку С. В. Максимова). Возможно, впрочем, что это вариант, принадлежащий и самому О., так как мы находим его и в записи М. А. Бестужева (ИРЛИ, ф. 604, ед. хр. 6/5575, л. 203 об. — 204). Датируется на основании письма М. И. Муравьева-Апостола к А. П. Сазонович 1877 г. (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, В 8/5. 68560/1335, № 35). Та же дата в списках III Отделения. Помимо того, ст. 2—3 могли быть написаны, думаем, только до известия о польской революции. Среди декабристов «Славянские девы» пользовались особой популярностью. И. И. Пущин называл стихотворение «отголоском нашей мечты, может быть несбыточной» (ЦГАЛИ, ф. 392, ед. хр. 6). В де-

сятилетнюю годовщину восстания декабристов, в 1835 г., стихотворение было положено на музыку Ф. Ф. Вадковским и стало одной из любимых песен декабристов в Петровском заводе (см. воспоминания М. А. Бестужева, Д. И. Завалишина и наше сообщение с воспроизведением музыки Ф. Ф. Вадковского — ЛН, № 60, кн. 1. М., 1956, стр. 264—270).

Два образа (стр. 140). Впервые — РБ, 1859, № 14, стр. 2—4, с датой: 1832. Список под тем же заглавием, рукой Н. И. Лорера, в его альбоме 1866 г., подаренном А. А. Капнист (повторено в писарских копиях, в прибавлениях к «Запискам» Н. И. Лорера). Заглавие «Два образа» упоминает и А. Е. Розен в письме к М. А. Назимову (ИРЛИ, PI, оп. 24, ед. хр. 49, л. 108 и 111—111 об.). В примечаниях к этому стихотворению Н. И. Лорер дважды утверждает, что оно написано в Чите, под впечатлением известия о смерти А. С. Грибоедова и датирует его 1830 г. Кого имел в виду О. под вторым образом, остается неустановленным; неясно это было, очевидно, и его друзьям; так, желая объяснить стихотворение, Н. И. Лорер ошибочно указал, что О. тогда же получил известие о смерти матери (скончалась в октябре 1820 г.!). Можно думать, что О. имел в виду неизвестную нам любимую женщину, — А. Е. Розен разъяснял в упомянутом письме к М. А. Назимову стихотворение следующими словами: «Любовь и Правда».

«Недвижимы, как мертвые в гробах...» (стр. 142). Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 423, под заглавием: «При известии о польской революции», с датой: 1831. Авторство О. подвергалось иногда сомнению; даже И. А. Кубасов в сб. 1922 г. поместил стихотворение в числе приписываемых, хотя и обнаружил запись рукой М. А. Бестужева (ИРЛИ, ф. 604, ед. хр. 6/5575, л. 201—201 об.) среди записей других стихотворений О.; однако в изд. 1934 г. оно помещено в основном корпусе. Аналогичный текст — в тетради стихотворений О., принадлежавшей П. А. Муханову (ЦГИАМ, ф. 1707, оп. 1, ед. хр. 3). С пометой: 13 июля. В записи М. А. Бестужева озаглавлено: «Стихи, писанные при известии о польской революции». *И в шуме битв поет за упокой* и т. д. В Варшаве была отслужена панихида по казненным декабристам. *Пять жертв* — пятеро казненных декабристов. *Пускай утешит мирная кутья* — стихотворение написано в годовщину казни декабристов.

«По дороге столбовой...» (стр. 144). Впервые — РБ, 1859, № 14, стр. 4—5, под заглавием: «Далекий путь». Несколько иные тексты в ССД, стр. 37—38 (видимо, по списку А. Ф. Бриггена) и в изд. 1883 г., стр. 87, по списку С. В. Максимова, под заглавием: «На приезд в Сибирь к жениху». Печ. по записи М. А. Бестужева, сделанной в Петровском заводе (ИРЛИ, ф. 604, ед. хр. 5575, л. 201 об.). Разночтения в списках и в печатных текстах:

ст. 3 Что не парень молодой
ст. 4 Белым снегом опушается
ст. 5 Нет, то ласточка летит.

ст. 17 Сердце горю суждено
ст. 26 В думе молвит красна девица
В душе молвит красна девица
Мыслит — молвит красна девица.

Заглавие «Далекий путь» — также в списке Н. И. Лорера (БЛ, ОР, № 59/16) и упоминается в письмах А. Е. Розена к М. А. Назимову. Стихотворение посвящено Камилле Петровне Ле-Дантю (1803—1839), приехавшей в Петровский завод, чтобы выйти замуж за декабриста В. П. Ивашева. В РБ дата: 1832. Датируется временем приезда К. П. Ле-Дантю (1831). Та же дата в ССД и на втором списке Н. И. Лорера (писарской рукой — БЛ. М. 60516).

Сен-Бернар (стр. 146). Впервые — «Современник», 1838, т. 10, стр. 167—169, с подписью: А. О. Впервые под именем О., по другому и, видимо, неисправному списку — ОЗ, 1844, № 1, стр. 3—4. В ССД, стр. 28—30, — с разночтениями. Печ. по тетр. Розена (в изд. 1883 г. — ряд опечаток). Разночтения в печатных текстах:

ст. 2 Стоят, теряясь в облаках
ст. 17 В очах покойный взор горит
ст. 26 Ниспала и закрыла дол
ст. 45 Мрачится Сен-Бернар, одеян бурной мглою
ст. 53 Я узнаю тебя, мой чудный победитель
ст. 59—60 Вождей разбив, не победил народа
И грозный поворот фортуны испытал

В изд. 1883 г. датировано 1831 г. *Сен-Бернар.* Имеется в виду Большой Сен-Бернар, горный перевал в Альпах, который Наполеон перешел 16—21 мая 1800 г. с 30-тысячной армией. *На огненном питомце Нила* — на арабском коне. *Маренго* — селение в северной Италии; переход Наполеона через Альпы завершился победой 14 июня 1800 г. над австрийскими войсками у Маренго. Победа Наполеона при Маренго способствовала достижению им диктаторской власти. Маренго стало как бы символом славы и могущества Наполеона. *Аннибал* (Ганнибал, 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, тщетно боровшийся с Римом. *В полночной мгле, в снегах* и т. д. — памятник Петру I работы М. Фальконе; здесь — как символ могущества русского народа, сокрушившего Наполеона.

Дифирамб (стр. 149). Печ. впервые по записи рукой П. А. Муханова в тетради из его бумаг. Тетрадь эта находилась ранее в бумагах А. А. Сиверса (ЦГИАМ, ф. 1068) и называлась «Тетрадью стихотворений П. А. Муханова». В ней записаны стихотворения: «Недвижимы, как мертвые в гробах...», «Дифирамб», «Венера небесная» и «Два духа», все — без указания автора. В тетрадь вшиты также записанные неизвестным почерком и на другой бумаге черновики трех совершенно ученических стихотворных набросков. Ныне тетрадь эта находится в собрании П. А. Муханова и носит название «Тетрадь списков рукой П. А. Муханова» (ЦГИАМ, ф. 1707, оп. 1, № 3). Запись «Дифирамба» — на л. 2—4, с рядом поправок. Основания, по которым мы считаем стихотворение принадлежащим О., следующие: а) как уже указывалось в при-

мечании к стихотворению «Иоанн Преподобный», сведения о каких-либо стихотворных произведениях П. А. Муханова вообще отсутствуют, а стихи О. Муханов на каторге записывал неоднократно; б) хотя по содержанию стихотворение и весьма далеко от того, что рассказывал Д. И. Завалишин о стихотворении О., названном им «Дифирамб на наводнение» (см. вступит. заметку к примечаниям), но это совпадение названий не может быть вовсе оставлено без внимания; в) стихотворение находится в тетради рядом с несомненно принадлежащими О. стихотворениями «Венера небесная» и «Недвижимы, как мертвые в гробах...», записанными также без имени автора, причем первое — начерно; г) ничего, кроме этих произведений и стихотворения «Два духа», в тетради не было записано; д) по отдельным мотивам и стилю стихотворение очень сходно со стихотворением О. «Сен-Бернар». Стихотворение автором не было закончено. В рукописи первоначально:

ст. 17 Твой бесконечный труп лежит передо мною
ст. 63 И вот, настала тишина
ст. 70 Там умер бурный глас иного Исполина
ст. 87 Вокруг пустынных скал бушует океан

Датируем приблизительно, исходя из сходства со стихотворением «Сен-Бернар» и из того, что после января 1833 г. О. и П. А. Муханов больше не встречались. Написано, вероятно, в связи с десятилетием смерти Наполеона (1831). *Он своего не понял назначенья И власть гранитную воздвигнул на песке.* Эти слова о Наполеоне почти полностью совпадают с аналогичной оценкой его исторического значения в записках декабриста А. В. Поджио: «Наполеон... не понял своего назначения и пал, как падают и все строители на песке» («Записки декабриста». М.—Л., 1930, стр. 47).

Венера небесная (стр. 153). Впервые — ЛН, № 60, кн. 1. М., 1956, стр. 236—238, в нашем сообщении, по списку из архива Якушкиных (ЦГИАМ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1048, л. 3 об. — 4 об.), находящемуся среди списков других стихотворений О. Принадлежность этого стихотворения О. доказывается тем, что ст. 59 («Долго следил я эфирную поступь»), да и все содержание стихотворения в точности соответствует воспоминанию Н. П. Огарева об одной из его встреч с О.: «Мы пошли в лес... Одоевский говорил свои стихи... Это был рассказ о видении какого-то светлого женского образа, который перед ним явился в прозрачной мгле и медленно скрылся.

Долго следил я эфирную поступь...

Он окончил...» (Н. П. Огарев. Кавказские воды. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 406). Помимо того, в бумагах П. А. Муханова (ЦГИАМ, ф. 1707, оп. 1, ед. хр. 3; ранее — ф. 1068, оп. 1, д. 721) находится незаконченный текст стихотворения, писанный П. А. Мухановым, с поправками, возможно, рукой О. Приводим этот текст без первоначальных и зачеркнутых вариантов:

Клубится чернь: восторгом безотчетным
Пылает взор безмысленных очей,
Из уст в уста за словом мимолетным
Проходит гул неявственных речей.
Пройдет, и вновь восторг оцепенелый
Сомкнет толпы шумливые уста...
Венеры лик, как пена, ярко-белый,
Стоял перед народом... Красота
Лица и стана каждая черта
Пленяли взор округлостью живою.
Вокруг толпа теснилась за толпою
И жаждала очами осязать
Бессмертный образ, созданный искусством,
И с трепетным, благоговейным чувством
Подножие дыханьем лобызать.
Никто на ложе грубых наслаждений
Не лобызал подобной красоты.
Но негою горевшие черты,
Но спелый плод высоких упражнений,
Прекрасный труд искусного резца
Не восхищал изящным изваяньем
Среди толпы стоявшего певца.
Мгновенно весь народ с негодованьем
Заметил взор певца — холодный взор;
Вглянулась чернь, и вырвался укор
Из уст толпы. Она заколебалась.
«Он каменный! — воскликнула она, —
Завистник он!» — и за волной волна
Теснее вкруг любимца муз стекалась.
«Ты богохульник...» — все взгремели. «...Нет», —
Сказал певец... И струны золотые
Уже дрожат на лире, и в ответ
Текут слова, младенчески простые:
    «Юный я близ Ид бродил,
    И, усталый, сладко заснул
        <Под> лавровою сенью.
    Мне <при>снилась... трепетный, я
    Проб<удился>... Весь я пылал
        поверить виденью.
    Удалялся образ живой.
    Стан я видел... Поступь узнал,
        Стан Венеры небесной;
    Как златились волны волос
    И вились по снежным плечам,
        Полным жизни небесной!
    И с тех пор земные красы
    Не пленяют взоров моих,
        Весь я полон богини.
    Сам я в голос робкой струны
    Не могу вдохнуть божества.
        Но я полон богини.

Датируется предположительно, исходя из того, что после отъезда

из Петровского завода, в январе 1833 г., О. и П. А. Муханов больше не встречались. *Венера небесная* (ант. миф.) — олицетворение чистой и целомудренной любви, в противоположность любви земной, чувственной. *Дионея* (ант. миф.) — нимфа, дочь Океана и Фетиды, родившая от Юпитера Венеру. Одновременно имя Дионеи прилагалось и к Венере. *Пелей* (ант. миф.) — отец Ахилла, муж морской богини Фетиды. *Цинтия* (ант. миф.) — одно из имен Артемиды как богини луны.

Два духа (стр. 155). Печ. впервые по записи рукой П. А. Муханова в тетради из его бумаг, л. 9—11 (см. примечание к стихотворению «Дифирамб»). В записи ряд поправок — возможно, рукой О. Основания, по которым мы считаем стихотворение принадлежащим О., частично те же, что и для стихотворения «Дифирамб»; кроме того, по фразеологии стихотворение очень напоминает такие произведения О., как «Зачем ночная тишина...», «Венера небесная», «Два образа», «Как я давно поэзию оставил!..» К последнему оно близко и по идейному смыслу. Датируется предположительно по месту в тетради П. А. Муханова — рядом с «Венерой небесной», «Дифирамбом», «Недвижимы, как мертвые в гробах...», а также исходя из того, что после отъезда на поселение в январе 1833 г. О. и П. А. Муханов больше не встречались. Кроме того, в стихотворении можно обнаружить следы чтения поэмы В. И. Соколовского «Мироздание» (ценз. разр. — май 1832).

«Сначала он полком командовал гусарским...» (стр. 159). Впервые — «Литературный вестник», 1904, т. 8, стр. 203, публикация П. Е. Щеголева по письму Д. И. Завалишина, где он писал: «Я думаю, что, за исключением меня, И. И. Пущина, П. С. Бобрищева-Пушкина и разве двух, трех из наших товарищей, едва ли кого пощадили его <О.> эпиграммы» («Литературный вестник», 1904, т. 8, стр. 204). В изд. 1883 г. в примечаниях были приведены строки из письма С. В. Максимова к Г. П. Данилевскому: «Арт. Зах. Муравьев, задавшись мыслью записывать все высказанное и написанное поэтом в заточении в Чите и Петровске, собрал целую тетрадь, где экспромты считаются десятками. Где эта тетрадь — неизвестно, но она памятна многим из товарищей. В нее старательно и четко записывалось все, что вылетало из уст поэта. Если долгое время не пополнялась тетрадь новым и свежим материалом, Арт. Зах. простодушно докучал поэту, и раз со стороны последнего вызвал за то характерный экспромт в четырех стихах, обрисовавший прошедшее и настоящее А. З. Муравьева». Текст этого экспромта в изд. 1883 г. отсутствует; можно думать, что это и есть эпиграмма, приведенная Завалишиным. Датировать ее следует, очевидно, годами заключения в Петровском заводе. *Муравьев* Артамон Захарович (1794—1846) — полковник, командир Ахтырского полка, член Союза Благоденствия и Южного общества.

Колыбельная песнь (стр. 160). Впервые — изд. 1883 г., по автографу О., принадлежавшему А. Е. Розену (см. РС, 1870, т. 2, стр. 527), без последних 18 строк, запрещенных цензурой. Печ. по тетр. Розена, л. 9 об. — 10. Как указывал цензор, в последних

строках «декабрист Рылеев представляется ангелом-хранителем младенца и... советуется этому младенцу идти по его стопам» (Дело СПб. цензурного комитета 1881 г. — ЦГИАЛ, ф. 277, оп. 3, д. № 85, л. 4). Строки эти впервые опубликованы по цензурному делу Л. С. Любимовым («Литературная мысль», 1923, альм. 2, стр. 235—236). Разночтение в списке из цензурного дела:

ст. 38—39 Благословит на жизнь, а не на смерть свою,
И только жизнь в завет тебе оставит

Дата в тетр. Розена. *Атий* — сокращенное имя второго сына А. Е. Розена, Кондратия, родившегося 5 апреля 1831 г. в Петровском заводе. *Вкруг выи синий пламень вьется.* Речь идет о гибели К. Ф. Рылеева на виселице.

Мой непробудный сон (стр. 162). Впервые — PC, 1870, № 1, стр. 74 (1-е изд.), по списку М. А. Назимова. Текст подтверждается тетр. Розена, л. 7 об. В изд. 1883 г. дата: 1827, в тетр. Розена: 1833. Тельма. К кому обращено стихотворение — остается неизвестным.

«Тебя уж нет, но я тобою...» (стр. 163). Впервые — ОЗ, 1841, № 8, стр. 159, под заглавием: «Матери» и с подписью: А-ий. Впервые под именем О. — ССД, стр. 27. В другой редакции — PC, 1870, № 1, стр. 74 (1-е изд.), под заглавием: «К отлетевшей», по списку М. А. Назимова (ИРЛИ, ф. 217, оп. 2, № 1873). Текст Назимова подтверждается тетр. Розена, л. 7—7 об., поэтому печ. по PC. Разночтения в ОЗ:

ст. 11 На землю ту, где крест я дружно
ст. 13—16 И на земле, блеснув слезою,
Взовьемся вновь,
Туда, где вечною зарею
Горит любовь.

В изд. 1883 г. с указанием: «В Читинском остроге в 1828 году». В тетр. Розена датировано: Ишим. 1835.

«Из детских всех воспоминаний...» (стр. 164). Впервые — PC, 1870, № 2, стр. 156 (1-е изд.), по списку М. А. Назимова, под заглавием: «Липа». В изд. 1883 г. дата: 1832. В тетр. Розена датировано: Ишим, 1835.

«Как недвижимы волны гор...» (стр. 165). Впервые — ОЗ, 1841, № 7, стр. 154—155, под заглавием: «Отцу», с подписью: А-ий. Впервые под именем О. — ССД, стр. 25—27. Печ. по изд. 1883 г. Сохранилось в наибольшем числе списков и неоднократно воспроизводилось с разночтениями. Один из списков — писарский, с подписью и пометой о дате и месте написания и с надписью неизвестной рукой: «Собственноручная подпись и помета». Хотя подпись для О. необычна, однако она похожа на его подпись в прошении на имя Николая I (1833 г.). Кроме того, существенно, что список находится в альбоме Е. Делер, подаренном ей П. А. Вя-

земским и принадлежавшем до этого В. А. Жуковскому. Поэтому мы можем рассматривать список как авторизованный. Текст его совершенно тождествен с текстами тетр. Розена и изд. 1883 г., что лишний раз подтверждает авторитетность розеновских списков. Разночтения в других списках и в воспроизведениях в печати:

ст. 2	Обнявших тесный мой обзор
ст. 7	Всю жизнь... Остаток прежних сил
ст. 13	Проснется ль темный свод небес
	Займется ль темный свод небес
	Зажжется ль дальний свод небес
ст. 14	И загорится ль дальний лес
	Заговорит ли темный лес
ст. 15	И золотой зашепчет колос
ст. 20—21	Пыль чуждую с усталых ног
	Стряхнет твой первенец-изгнанник
ст. 31	Меня в чужбину вихрь умчал
	Меня судьбины вихрь умчал
ст. 37	С тех пор, засветит ли заря
ст. 39	И вот к нему мое моленье
ст. 42	Побыть, вздохнуть одно мгновенье
ст. 43	О, вознеси мой утлый челн
ст. 48	Не поминай ты в царстве славы
	Не вспомяни во царстве славы

В различных списках и публикациях озаглавлено: «Отцу», «К отцу», «Песнь к отцу», «Послание к отцу». А. Е. Розен писал, будто О. был обязан этому стихотворению своим переводом на Кавказ: якобы из III Отделения, куда направлялась вся корреспонденция декабристов, это стихотворение было передано Николаю «и так понравилось ему по выраженным чувствам любви сына к отцу, а может быть и за поэтическое выражение или сожаление о прошлом, что приказал тотчас освободить Одоевского от вечного поселения в Сибири и перевести его рядовым на Кавказ. Одни укоряли Одоевского за такую выходку, другие извиняли его тем, что поэту все дозволяется: и кадить, и льстить, и проклинать, и благословлять — лишь бы отборными музыкальными стихами... Поэт сам смотрел на эти стихи как на единственную пилу, которой он мог перепилить железную решетку своей темницы и выйти на волю». (А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 243). Однако распоряжение о переводе О. на Кавказ было дано в июне 1837 г. после его специального ходатайства, дошедшего до нас в подлиннике. Одновременно с О. были переведены на Кавказ и другие декабристы. Да в этом стихотворении и нет вовсе таких признаков раскаяния, которые могли бы «тронуть» Николая, в свое время считавшего О. одним из опаснейших заговорщиков и достаточно проявившего свою мстительность по отношению к «друзьям 14-го декабря», как он называл декабристов. Возможно, конечно, что последние две строфы были добавлены О., поскольку его отец рассчитывал воспользоваться этим стихотворением при ходатайстве о переводе сына из Елани в Ишим. Но перевод этот был разрешен, лишь когда за хлопоты взялся на правах родственника И. Ф. Паскевич, который

раньше ничего не делал для облегчения участи О., несмотря на упорные просьбы А. С. Грибоедова. Характерно, что при подготовке изд. 1883 г. цензурой не была пропущена следующая фраза из биографического очерка, написанного А. Е. Розеном: «Одоевский до конца своей жизни твердо держался благих убеждений своих; и если в каком-нибудь из его стихотворений проглядывает шаткость стремлений, то надобно вспомнить, что в самых гармонических стихах встречается отступление от правил, где оно послужило единственным средством его освобождения из неволи; о таком условии был он предупрежден и отцом своим, и другом, и недругом». Цензор заметил при этом, что, «без сомнения», издатель намекает на стихотворение «Послание к отцу» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, д. № 85, л. 3 об.).

А. М. Янушкевичу, разделившему со мною ветку кипарисовую с могилы Лауры (стр. 167). Впервые — ОЗ, 1844, № 5, стр. 146, под заглавием: «Я-чу, который подарил автору ветку с могилы Лауры в Авиньоне», с подписью: А. Од-ий. Впервые под полным именем О. — РБ, 1859, № 15, стр. 3. Печ. по изд. 1883 г., текст которого подтверждается записью в альбоме Н. И. Лорера, подаренном А. А. Капнист (БЛ, ОР, № 59/16). В «Записках» Н. И. Лорера — явная ошибка переписчика. Неоднократно воспроизводилось в печати по разным спискам. Разночтения в печатных текстах:

ст. 7 И где же встретил я тебя, изгнанника
ст. 8 В степях, в стране снегов и туч

Печаталось иногда как посвященное И. Д. Якушкину. Посвящение А. М. Янушкевичу, заглавие и дата в «Записках» Н. И. Лорера и в изд. 1883 г. *Янушкевич* Адольф Михайлович (1803—1857) был арестован в 1832 г. за участие в Польском Патриотическом обществе и сослан на поселение в Сибирь. В 1836 г. встретился и подружился с О. *Авиньон* — город в южной Франции, где находится могила Лауры, возлюбленной знаменитого итальянского поэта Петрарки. *Воклюзский ключ* — источник близ Авиньона, воспетый Петраркой.

«Ты знаешь их, кого я так любил...» (стр. 168). Впервые — сб. «Вчера и сегодня», ч. 1. СПб., 1845, стр. 68, с подписью: А. Од-ий. Впервые под полным именем О. — ССД, стр. 43—44. В изд. 1883 г. заглавие: «Ему же <А. М. Янушкевичу>, передавшему привет от курганских товарищей», дата: 3 октября 1836 г.; в списке Н. И. Лорера (БЛ, ОР, № 59/16) без заглавия, та же дата. Иногда печаталось под заглавием: «Приезжему из Кургана». В Кургане были поселены несколько бывших соузников О. по Петровской тюрьме, которых он не видел со дня перевода на поселение.

«Пусть нежной думой — жизни цветом...» (стр. 169). Впервые — изд. 1883 г., стр. 46, по списку А. Е. Розена, под заглавием: «В альбом», с изменением в последнем стихе, очевидно сделанным Г. П. Данилевским. Печ. по тождественным тек-

стам тетр. Розена и альбома Н. И. Лорера, подаренного А. А. Капнист. Н. И. Лорер открыл свой альбом этим стихотворением, надписав над ним: «Александре Алексеевне Капнист» и выставив дату: «Ноябрь 27 1866 г.». Исходя из этого, И. С. Зильберштейн, опубликовавший впервые исправный текст, считает автором стихотворения Н. И. Лорера (см. ЛН, № 59, кн. 1. М., 1956, стр. 172—173). Однако тетр. Розена, в которой находится это стихотворение, была передана М. И. Семевскому в 1870 г. Трудно предположить, что меньше чем через четыре года А. Е. Розен мог бы допустить подобную ошибку. Ясно, что Н. И. Лорер использовал стихотворение О., список которого им был получен, вероятно, от Розена. Датировано в тетр. Розена.

«Как я давно поэзию оставил!..» (стр. 170). Впервые — изд. 1883 г., стр. 115—117, под заглавием: «Поэзия», по списку из архива Вяземских. Печ. сводный текст по тому же списку и записи, сохранившейся в архиве Якушкиных, под заглавием: «Послание к Е...» (ЦГИАМ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1048). Список — писарский, запись — неизвестной рукой, оба без указания имени О. Авторство О. обосновывается тем, что находятся они рядом с другими стихотворениями О. или приписывавшимися ему. Хотя текст в архиве Вяземских, очевидно, более поздний (в тексте из архива Якушкиных нет ряда строк), но это — неисправная копия; поэтому, печатая стихотворение в основном по списку из архива Вяземских, мы в местах явных ошибок восстанавливаем текст по записи из архива Якушкиных (ст. 7—8, 34, 57, 59). Приводим остальные разночтения в этой записи:

ст. 3—4 Все радости, усладу горьких дней,
Когда вдали от мира мир я славил
ст. 6 Господних дел, грядущих к тайной цели
ст. 10 И от души его благодарил
ст. 30 Ты, ты была мой ангел-утешитель
ст. 31 Пусть раб сует, столиц животный житель
ст. 41—51 Ты не ему ниспослана в отраду!
Он чужд тебе! Свидетель Корион,
Что и за рифмой как ни вьется он,
Но нанизать и двух не может сряду;
Бегут, скользят жемчужины из рук
И нить в руке нагая остается.
Он ловит их; но вдохновенный звук,
Ответный звук на звук не отзовется.
Потом, в сердцах, уверил нас Протей,
Что мир давно свершил по музам тризны
ст. 65 Когда, шутя, прозаик лепит воск
ст. 67—69 Что вздумает, то лепит; модный лоск
На ровный пол, как на паркет, наводит —
Поэт горит! пылая, из горнил

Обычно считается, что стихотворение написано на Кавказе — на основании стиха «Когда в снегах пустынных мир я славил», понимаемого как воспоминание о Сибири. Поскольку, однако, оба списка

находятся среди произведений, написанных в Сибири; поскольку незаконченный текст едва ли мог бы сохраниться в архиве Якушкиных, если бы стихотворение писалось на Кавказе; поскольку именно в 1833 — начале 1836 гг., во время поселения в Елани, О., очевидно, почти не писал стихов («Как я давно поэзию оставил!..») — по крайней мере, до нас дошло лишь одно стихотворение этих лет, послание к отцу, да и то 1836 г.; поскольку, наконец, из письма О. к В. И. Ланской от 17 июля 1836 г. (РА, 1885, кн. 1, стр. 130) видно, что до середины 1836 г. О. еще не читал Менцеля, — естественнее всего датировать стихотворение концом 1836 — началом 1837 гг. О «снегах пустынных» О. мог, понятно, писать и в Сибири. Да и само содержание стихотворения говорит о том же: это отклик на злободневные вопросы литературной жизни 1834—1836 гг. В тексте из архива Якушкиных есть даже конкретное указание на «Библиотеку для чтения» 1835 г. (см. ниже о «Корионе»). Замечание И. А. Кубасова о влиянии на стихотворение статьи К. Н. Батюшкова «Нечто о поэте и поэзии» верно только в отношении ст. 69—70. *Протей* (греч. миф.) — одно из морских божеств, обладавшее даром перевоплощения; имя это стало нарицательным для обозначения человека, выступающего под разными личинами. В данном случае имеются в виду многочисленные псевдонимы, под которыми выступал О. И. Сенковский (1800—1858), критик, беллетрист и фельетонист, редактор «Библиотеки для чтения». *Брамбеус* — наиболее известный псевдоним О. И. Сенковского. *Святой Руси приемыш благодарной* — О. И. Сенковский был поляк и начал свою литературную деятельность как польский писатель и ученый. *Менцель* — О. сравнивает Сенковского за реакционность, нападки на прогрессивную литературу и за пристрастность с известным немецким писателем, критиком и историком Вольфгангом Менцелем (1788—1873). В частности, *нашим Менцелем* О. называет Сенковского за его декларативно-отрицательное отношение к современной французской литературе. Однако, несмотря на неоднократные выпады, например против Бальзака, Сенковский в то же время сам ему подражал *(его же лживый лоск)*. В оценке слога самого Сенковского *(чуждый нам)* О. солидарен с другими литераторами-декабристами, например с Н. А. и М. А. Бестужевыми, писавшими из Петровского завода о «французском построении фраз» Сенковского и сочинении «самых слов не в духе русском». *«Корион»* — одна из ранних стихотворных комедий Д. И. Фонвизина, переделка пьесы Ж. Б. Грессе «Сидней». Комедия была очень небрежно напечатана по рукописи из бумаг В. А. Озерова в «Библиотеке для чтения», 1835, т. 13, стр. 121—160. Считая, что рукопись неполна, Сенковский, совместно с А. В. Тимофеевым, «для полноты действия и вящего наслаждения читателей», приделал конец (как справедливо писал П. А. Ефремов, «до того глупый, что совестно его перепечатывать». Д. И. Фонвизин. Сочинения. СПб., 1866, стр. 667). Об авторстве Брамбеуса было сказано в примечании.

«Как сладок первый день среди полей отчизны...» (стр. 173). Впервые — РС, 1870, № 2, стр. 156—157 (1-е изд.), по списку М. А. Назимова, под заглавием: «Река Усьма». В изд. 1883 г. напечатано не вполне исправно, под заглавием: «Река Усьма

или Усмань (по-татарски — красавица)». Печ. по РС, так как список Назимова подтверждается текстом тетр. Розена, л. 8—8 об. Датируется по указанию А. Е. Розена: «Во время проезда из Сибири в Грузию по Тамбовской губернии, где Усьма впадает в Воронеж (1837 года)».

«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» (стр. 174). Впервые — РБ, 1857, № 6, стр. 145, первые 13 строк, под заглавием: «С севера на юг», дата: 1838. Последние 4 строки впервые — в кн. А. Е. Розена «Записки декабриста» (Лейпциг, 1870, стр. 331). Текст «Записок декабриста» подтверждается тетр. Розена, л. 2 об., и автографом последних четырех строк (ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 259). Печ. текст тетр. Розена. Разночтение в некоторых списках, в том числе и самого же А. Е. Розена, в письме к А. Ф. Бриггену (ИРЛИ, ф. 582, IX, л. 42):

ст. 3 Где грают радостно могучие орлицы

В изд. 1883 г. — под заглавием: «Экспромт» и с подзаголовком: «На пути за несколько верст до Ставрополя, при виде стаи журавлей, летевших на юг к Кавказу... «Приветствуй их!», — сказал М. А. Назимов, сидевший на повозке рядом с А. И. Одоевским, и вот ответ (1837 года, в октябре)». Указание это подтверждается М. А. Назимовым (РС, 1870, № 2, стр. 157), Е. П. и М. М. Нарышкиными (в пометах на списках стихотворения в ЦГАЛИ) и самим А. Е. Розеном в письме к А. Ф. Бриггену от 9 декабря 1837 г. («Литературный вестник», 1901, № 4, стр. 423). В своих же «Записках» А. Е. Розен указал, что стихотворение написано, не доезжая Георгиевска. Последние четыре строки, как неоднократно указывал А. Е. Розен, были добавлены в его записи О. собственноручно в Пятигорске, в 1838 г. Но, вероятно, сочинены они О. раньше, не позже начала декабря 1837 г., так как они отразились в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Спеша на север издалека...» *Мирт* — эмблема любви. *Кипарис* — эмблема смерти. *Чакал* — шакал.

Соловей и роза (стр. 176). Впервые — ОЗ, 1841, № 7, стр. 189, под заглавием: «Роза и соловей», с подписью: А-ий. Впервые под полным именем О. — ССД, стр. 30—31. Печ. по списку, помещенному в прибавлениях к «Запискам» Н. И. Лорера (копия редакции РА — БЛ, М. 6051 б, л. 71 об.), где имеется помета о дате и месте написания. Ср. также примечание М. В. Нечкиной к изд. «Записок» Н. И. Лорера 1931 г., стр. 420. Разночтение в ст. 1:

Что ты склонилась так печально?

Стихотворение было переведено на грузинский язык А. Чавчавадзе, С. Размадзе и Л. Исарлишвили.

Моя Пери (стр. 177). Впервые — РС, 1870, № 1, стр. 73—74 (1-е изд.), по списку М. А. Назимова. Печ. по тексту тетр. Розена, л. 7, идентичному другому его списку (ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 259). Датировано М. А. Назимовым и А. Е. Розеном. *Пери* (персидск.

миф.) — божественные женские существа. Образ пери был распространен в русской поэзии начала XIX в. под влиянием Т. Мура.

Брак Грузии с Русским царством (стр. 178). Впервые — изд. 1883 г., по неисправному списку из архива Вяземских (ЦГАЛИ, ф. 195, ед. хр. 5483). Печ. и датируется по автографу с пометой М. М. Нарышкина (ЦГАЛИ, ф. 368, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6—7). Первоначальное заглавие: «Брак Грузии с Россией». А. Е. Розен называл это стихотворение «Сочетание Грузии с Россией» (см. письмо к М. А. Назимову — ИРЛИ, PI, оп. 24, ед. хр. 49, л. 108—109). А. В. Попов считает, опираясь на слова А. Е. Розена: «Часто хаживал он <О.> на могилу своего Грибоедова, воспел его память, воспел Грузию звучными стихами», что это стихотворение посвящено памяти А. С. Грибоедова. «Для Одоевского, как и для многих других декабристов, сосланных на Кавказ, брак Грибоедова и Нины, дочери известного грузинского поэта и общественного деятеля А. Г. Чавчавадзе, был символом нерушимой дружбы и братства русского и грузинского народов. Одоевский, конечно, знал, что на Кавказе Грибоедова называли зятем грузинского народа» (А. В. Попов. Одоевский на Кавказе. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 4, 1952, стр. 232). Предположение это, на наш взгляд, мало обосновано. У А. Е. Розена речь идет, очевидно, о двух разных стихотворениях. Идейный смысл стихотворения «Брак Грузии с Русским царством» значительно шире. Анализ стихотворения (к сожалению, по весьма неисправному тексту) см.: И. Л. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, стр. 106—108, и В. С. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, стр. 336—338.

«Я разлучился в колыбели...» (стр. 181). Впервые — изд. 1883 г., стр. 57—58, по автографу О., принадлежавшему А. Е. Розену (см. PC, 1870, т. 1, стр. 527), под заглавием: «Песня, спетая Евгением <старшим сыном Розена> в Пятигорске, 23-го июля 1838 года, в день ангела тетки его, Марьи Васильевны Вольховской, рожденной Малиновской, которая до замужества и после оного заменила ему мать, уехавшую к мужу в читинский острог, когда сыну ее было четыре года от роду, на голос „Вот едет тройка“».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ОДОЕВСКОМУ

«Как носятся тучи за ветром осенним...» (стр. 185). Впервые — «Современник», 1853, № 11, стр. 79, под заглавием: К***, с подписью: А. О-ий. Отсюда, только на основании этого криптонима, было перепечатано Н. Н. Гербелем в ССД, стр. 31, а затем Г. П. Данилевским — в изд. 1883 г. Основание явно недостаточное. Так, на аналогичном основании (подпись в первой публикации: А. О-й) входило во все издания произведений О. и стихотворение «Охлаждение»; тем не менее автором его оказался в действительности не О., а Э. И. Губер. Таким образом, авторство О.

для стихотворения «Как носятся тучи...», в сущности, ничем не аргументируется. Поскольку все же не исключена возможность того, что стихотворение может принадлежать О., помещаем его в числе приписываемых.

«На западе подъемлется заря...» (стр. 186). Впервые — изд. 1883 г., стр. 60—65, под заглавием: «На проезд наследника престола, цесаревича Александра Николаевича в 1837 году», где опубликовано по списку М. А. Назимова (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1873). Из переписки А. Е. Розена и Назимова (ИРЛИ, Р I, оп. 24, ед. хр. 49, л. 111—111 об.) выясняется, что среди записей А. Е. Розена стихотворения этого не было; он поместил его в изд. 1883 г. дополнительно, только на основании текста, присланного ему М. А. Назимовым (напечатано стихотворение в изд. 1883 г. неисправно). Нам известен также еще один список этого стихотворения в архиве Вяземских, без упоминания имени О., за подписью: NN. Хотя на Кавказе О. и М. А. Назимов, как известно, сдружились, однако ранее, в Сибири, они даже не встречались (М. А. Назимов на каторге не был, находился все время на поселении). Назимов не был достаточно осведомлен о том, что предшествовало кавказскому периоду творчества О. Так, например, в 1870 г. им была предоставлена М. И. Семевскому лишь вторая половина стихотворения, написанного на смерть Д. В. Веневитинова, причем М. А. Назимов даже не знал, что оно посвящено памяти Веневитинова, и, кроме того, неверно указал возраст О. Тогда же на списке стихотворения О. «Как сладок первый день...» он пометил: «Река Усьма в Уральском хребте», в то время как Усьма (точнее — Усмань) протекает за 1000 километров от Урала. Если допустить, что стихотворение, о котором идет речь, действительно написано было О., то его можно понимать только как вынужденное средство добиться перевода на Кавказ, о чем О. просил Николая I в начале мая 1837 г. Так и рассматривал это стихотворение И. А. Кубасов (изд. 1934 г., стр. 92—93, 402—403). Однако гипотеза И. А. Кубасова о пересылке О. стихотворения из Ишима в Курган поселенным там декабристам для передачи его В. А. Жуковскому, сопровождавшему Александра в путешествии по России, малоправдоподобна; во всяком случае, решительно никаких сведений о передаче стихотворения В. А. Жуковскому в Кургане мы нигде не находим. А. Е. Розен, рассматривая в своих «Записках» послание О. к отцу как повлиявшее на решение Николая I (что также не соответствует действительности — см. примечание к этому посланию), ничего не говорит о стихотворении, посвященном приезду наследника. Это особенно странно, поскольку А. Е. Розен посвятил в «Записках» ряд страниц приезду Александра в Курган, встрече с В. А. Жуковским и своим попыткам ходатайствовать через него о возвращении в Россию. Почему же Назимову стихотворение известно, а А. Е. Розену неизвестно? Н. И. Лорер также был в Кургане в это время, он также описывает в своих «Записках» встречи с В. А. Жуковским, подробно пишет на соседних страницах об О. и опять-таки не упоминает об этом стихотворении. Правда, до Н. М. Муравьева (бывшего в 1837 г. еще в Петровском заводе) дошли какие-то поздние сведения о стихотворении О. в честь наследника, но похоже, что в действительности

речь шла о послании к отцу (Муравьев писал о желании О. «отдаться заботам о престарелом отце» — из письма Муравьева к матери от 19 января 1840 г. см. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 268). Однако, даже если и существовало подобное стихотворение О., оно никак не могло быть тем именно, которое напечатано в изданиях 1883 и 1934 гг. Дело в том, что в нем с точностью описан весь маршрут Александра, как до посещения Сибири (май 1837 г.), так и после его отъезда из Сибири, вплоть до окончания путешествия 19 октября, что стало известно из печати лишь в ноябре. Кроме того, в стихотворении есть намек на частичную амнистию поселенным в Сибири (не политическим) преступникам, которая была объявлена после отъезда оттуда Александра. Как же мог все это предвидеть О., сидя в Ишиме, в мае того же года? Остается — пусть нелепое — предположение, что стихотворение О. мог написать на Кавказе, в 1838 г.! Но, во-первых, Муравьев объяснял поступок О. именно желанием вырваться из Сибири. Во-вторых, стихотворение явно написано в Сибири: об этом говорит его первая строка («На западе подъемлется заря») — иначе она просто бессмысленна! — и особый, «местный» тон строф, посвященных посещению Сибири. Тем не менее все же, поскольку стихотворение находится в тетради М. А. Назимова 1870-х годов, озаглавленной «Стихотворения Александра Ивановича Одоевского», и мы не в состоянии это объяснить, помещаем стихотворение в числе приписываемых.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Prière d'un paysan russe (стр. 193). Прозаический перевод на франц. язык юношеского стихотворения О. «Молитва русского крестьянина», не дошедшего до нас в подлиннике. Впервые — «La Revue indépendante», 1843, t. 8, pp. 198—230, сообщение и перевод Ж.-М. Шопена (J. M. Chopin). Впервые в обратном переводе на русск. язык — сб. «Декабристы и их время», т. 1. М., 1928, стр. 215, публикация и перевод Б. И. Николаевского. *Шопен* — автор ряда работ о России; долго жил в России, был одним из учителей О. Датировать это стихотворение возможно только приблизительно, исходя из того, что Шопен уехал из России в 1819 г. Обратный перевод Б. И. Николаевского, с нашими поправками, см. во вступит. статье, стр. 5.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет А. И. Одоевского работы Н. А. Бестужева (1832—1833?). Акварель (Собрание И. С. Зильберштейна. Москва).

2. *Между стр. 64 и 65.* Портрет А. И. Одоевского работы И. П. Фридрица (1823—1825?). Миниатюра на кости (Всесоюзный музей А. С. Пушкина). На обороте надпись на франц. яз.: «Его пылающая душа кажется огненным лучом, отделившимся от солнца, так она ярка. Скрытый от всех взоров и схороненный в глубине сердца его нежных друзей».

3. *Стр. 77.* Запись «Элегии на смерть А. С. Грибоедова» с поправками рукой А. И. Одоевского (Институт русской литературы АН СССР).

4. *Между стр. 128 и 129.* Портрет А. И. Одоевского работы Н. А. Бестужева (между 1827—1833). Литография А. Т. Скино (конец 1850-х годов).

5. *Стр. 175.* Последняя строфа стихотворения «Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» Автограф (Институт русской литературы АН СССР).

6. *Между стр. 176 и 177.* Портрет А. И. Одоевского работы неизвестного художника (1830-е годы). Рисунок карандашом (Всесоюзный музей А. С. Пушкина). На обороте имелась надпись рукой А. Е. Розена: «Александр Иванович Одоевский...»

7. *Стр. 179.* Стихотворение «Брак Грузии с Русским царством». Автограф (Центральный государственный архив литературы и искусства).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

---

[1] В алфавитный указатель включены также названия стихотворений из предыдущих изданий сочинений А. И. Одоевского, которые либо изменены, либо опущены в настоящем сборнике.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (*курсивом)* — страницу примечания.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ОДОЕВСКОМУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА"

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Вышли из печати:

И. Ф. Богданович

Г. Р. Державин

А. Ф. Мерзляков

Ф. Н. Глинка

Е. А. Баратынский

П. А. Вяземский

А. В. Кольцов

Ф. И. Тютчев

«Поэты-петрашевцы»

Л. Н. Трефолев

Выходят
из печати:

М. Горький и поэты
«Знания»

«Пролетарские поэты»

Гамзат Цадаса

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА"

МАЛАЯ СЕРИЯ
ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

Вышли из печати:

Н. М. Языков

А. Н. Майков

Я. П. Полонский

А. Н. Плещеев

М. Л. Михайлов

С. Я. Надсон

Демьян Бедный

Ованес Туманян

Выходят
из печати:

«Поэты XVIII века»
(2 тома)

Н. М. Карамзин
И. И. Дмитриев

В. А. Жуковский

Е. А. Баратынский

А. К. Толстой

«Русская эпиграмма»
(XVIII—XIX вв.)

В. Я. Брюсов

Леся Украинка

Одоевский Александр Иванович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 14/IV 1958 г. Подписано в печать 2/VII 1958 г. Бумага 84×108 1/32
Печ. л. 16 (13,12). Уч.-изд. л. 10,84.
Тираж 20 000. Зак. № 380. Цена 4 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
41	10-11 св.	которому в 1825 году	которой в 1825 году
50	15 сн.	взглянула:	взглянула
50	14 сн.	сгрустнулось ей)!	сгрустнулось ей!):
109	9 сн.	медвежии лапы	медвежие лапы
131	10 сн.	облаку блестящему	облаку, блестящему
186	10 св.	с полсветом!	с полсветом!»
193	1 св.	PRIÉRE	PRIÈRE
193	4 св.	son Trône!	son trône!

А. И. Одоевский.